

УЗБЕКСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Сказки о животных

СЛОН И ПЕТУХ

Однажды большущий Петух пришел к Слону и громко закричал:

– Ку-ка-ре-ку! Слон удивился:

– С чего это ты раскукарекался.

А Петух разгребает лапами сор, клюет зерна и нет-нет да снова закричит.

– Кука-ре-ку!

Смотрел, смотрел Слон на Петуха и спрашивает:

– Кто больше ест, ты или я?

– Я съем больше! – храбро ответил Петух. Начали они спорить. Спорили, спорили и давай есть. Слон ел-ел, наелся и заснул.

Проснулся, видит – Петух все еще клюет зерно. Слон опять принялся за еду. Ел-ел – снова заснул.

Проснулся Слон, видит близится вечер, а Петух все продолжает без усталости клевать зерно. Быстро-быстро поклюет и снова:

– Ку-ка-ре-ку!

«Какой же он жадный! – удивился Слон. – Я еще не видел такое ненасытное животное».

А Петух заважничал, что победил в споре.

"Влезу-ка я на Слона. Пусть все меня видят, какой я!"-подумал Петух. Шумно взмахнул крыльями и взлетел на спину Слону – Караул! Он съест меня! – завопил Слон, стряхнул Петуха и убежал в лес.

А Петух поглядел вслед Слону, похлопал крыльями и закричал:

– Кука-ре-ку! Я сильнее Слона!

ХИТРЫЙ ЗАЯЦ

В давние времена жили старик со старухой. Не было у них ни сына, ни дочери, а была только пушистая кошка. Старик и старуха взяли к себе кошку, когда она была, еще слепым котенком. Кошка выросла, шерсть у нее стала пушистой и красивой. Но одно плохо, много вреда она своим воровством причиняла и соседям, и старику со старухой. Как-то ночью кошка незаметно пробралась в кухню и съела все мясо. Назавтра кошка снова пошла шарить в кухне. Хотела вспрыгнуть на высокую полку, сорвалась, потянула за собой миски, пиалы, тарелки, блюда. Все полетело на пол и разбилось вдребезги. Прибежали в кухню старик со старухой, видят вся посуда разбилась.

– Вай, смерть моя! – завопила старуха, ударяя себя по коленкам.

– Вай! Кто же это сделал! – сказал старик. И тут увидели они в углу кошку.

– Ах, чтобы ты пропала! – закричал старик.

– Если мы от нее не избавимся, она нам еще не такой беды наделает, – сказала старуха.

Посадил старик кошку в мешок, унес далеко в степь и оставил там.

– Хорошо, что мы от нее избавились – сказала старуха, когда старик вернулся.

Не успела она еще и рот закрыть, а кошка под дверью – «Мяу, Мяу!» – Ах, чтобы дни твои укоротились!.. – рассердилась старуха. А кошка давай лизать руки старику и старухе, тереться головой о ноги, ластиться.

Осталась кошка жить в доме. Но не прошло и два дня, как принялась она за старые свои воровские дела. Тошно стало старику и старухе. Завязал старик кошке глаза, связал ей лапы, отнес ее далеко в заросли и бросил в глубокий овраг. До утра кошка жалобно мяукала и пищала в овраге, а утром пришла лиса.

Развязала лиса кошку и говорит:

– Здравствуй, кошечка!

– Здравствуй, лисанька! – отвечает кошка. – Спасибо тебе.

Они подружились. И пошли вместе. Встретили они на дороге зайца. Лиса и говорит тихонько кошке:

– Обманем зайца. Потом зарежем его, а из мяса сделаем шашлык.

– Очень хорошо! Я давно хочу шашлыка, – также тихо сказала кошка.

Но заяц своими длинными ушами услышал все-таки о чем говорили лиса с кошкой и задрожал от страха.

– Зайчик, пожалуйста к нам в гости! – сказала лиса.

– Спасибо! Спасибо! – сказал заяц. – Только времени у меня нет, дети сварили дома похлебку и ждут меня ж обеда. Уж извините меня, не могу я пойти!

Стала упрашивать лиса зайца:

– Пойдем к нам, посидите немного с моей гостьей кошкой и пойдете домой.

– Да, да, посидите со мной и пойдете, – и кошка облизнулась от одной мысли, какой из зайца получится вкусный шашлык. Язык проглотишь.

– Большое спасибо! – сказал заяц. – Лучше пойдете к нам!

А у самого душа не на месте.

Лиса и кошка с радостью согласились и пошли в гости к зайцу.

По дороге лиса и кошка потихоньку договаривались:

«Придем в дом к зайцу, поедим у него похлебки, тютюм зарежем зайчат и из мяса изжарим шашлык».

Заяц все слышал, только и вида не показал.

Пришли они в дом зайца. С перепугу зайчата так и застыли на месте. Гости с удобством расселись на одеялах, даже ноги вытянули.

– А ну, где твоя похлебка? Давай-ка сюда.

Заяц принес полную миску похлебки и поставил перед лисой и кошкой.

– Ну прошу, угощайтесь! Они подсели к еде.

Жадная лиса быстро взяла чашку и съела мгновенно половину похлебки, передала кошке, приговаривая:

– Ах какой вкусный суп! Кошка быстро съела остатки.

Не прошло и минуты как лиса и кошка подошли. Заяц, придя домой, успел положить в похлебку крысиный яд. А заяц с зайчатами давай прыгать и плясать от радости, что избавились от верной гибели.

СТРАШНЕЕ КОШКИ ЗВЕРЯ НЕТ

Кошка решила уйти жить в лес. По дороге ей повстречалась лиса. «Что это за зверь? –

подумала кошка. – Как бы он съел меня!» И кошка взъерошила свою шерсть, а лиса подумала: «Кто же это может быть? В жизни не видела такое свирепое животное! Похоже, что оно сильное. Ой-ой, как у него горят глаза!». Вслух она спросила:

– Куда держишь путь, друг?

– Когти мои колючие, зубы мои острые, иду я в лес, – проворчала в ответ кошка.

– Зачем? – спросила лиса.

– За мясом. Я голодна. Мяу! Мяу! – сердито замыкала кошка.

У лисы от страха горло перехватило.

– Пойдем со мной! – сказала лиса, почтительно сложив лапки на брюхе. – Поищем пропитания.

Пошли дальше вместе. По дороге встретили они волка. Кошка выгнула спину, глаза у нее загорелись, шерсть оцетинилась. Волк перепугался.

– Кто же это? – спросил он тихонько лису.

– Новый царь, – шепнула лиса ему на ухо. – Тише, а то он тебя разорвет на куски.

– Неужели правда? – спросил волк, дрожа от страха, и пошел за кошкой и лисой.

По дороге встретился им медведь.

– Доброго пути вам, – сказал медведь, и вдруг взглядего упал на кошку.

– Это что еще за зверь? – заревел он.

Кошка взъерошила шерсть, выгнула спину, а глаза у нее загорелись точно угли.

– Когти у меня колючие, зубы у меня острые, мясо ем, мясо... Мяу! – мякнула кошка.

Подскочила лиса к медведю, зашептала ему на ухо:

– Будь осторожен, как бы этот зверь не содрал с тебя шкуру.

– Неужели он такой свирепый? – заворчал медведь. – Поживем, увидим.

Ворчать-то он ворчал, а на душе у него было беспокойно: «А вдруг и вправду, сдерет с меня шкуру», – сказал себе медведь.

Всю дорогу кошка сердито мяукала, а сама думала:

"Как я избавлюсь теперь от своих опасных спутников?" Вдруг из клеверного поля выпорхнула перепелка. Кошка прыгнула на нее и в один миг съела ее.

Лиса, волк и медведь еще больше перетрусил. Стали они тихонько между собой советоваться:

– Давайте пока угостим этого зверя, а потом как-нибудь избавимся от него.

Пришли они в лес, притащили баранью тушу и бросили ее перед кошкой.

– Подсмотрим, что зверь будет делать? – шепнули они друг другу.

Волк залез в яму, лиса спряталась в сухой траве, а медведь залез на дерево и притаился в листве.

Загорелись глаза у кошки, заурчала она, зашипела, замыкала. Когтями и зубами мясо начала рвать, целыми кусками глотать.

Затряслись волк и медведь от ужаса.

А лиса, сидевшая в траве, подумала: «Дай-ка я посмотрю, что этот зверь там делает?» – и тихонько выглянула.

Кошка повернула голову на шорох и увидела, что-то в траве шевелится. Подумала, что это мышь, да как вцепится когтями в мордочку лисы. Лиса завизжала, что было мочи:

– Вай, умираю! – и кинулась бежать.

С перепугу кошка кинулась в яму, прямо на волка. Тот с воем выскочил и бросился наутек.

«Ну, я пропала, – подумала кошка, – надо спасать жизнь», – и полезла на дерево.

Увидел ее медведь и сказал себе:

«Ой, зверь лезет содрать с меня шкуру», – и свалился вниз с дерева.

Забралась кошка на самую верхушку дерева, тряслась и думала: "Куда же мне теперь деваться?" А волк, лиса и медведь бежали во весь дух по лесу и никак не могли остановиться. Так они перепугались.

И недаром говорят: «Страшнее кошки зверя нет».

ВОЛК И ЛИСА

Волк и Лиса подружились. Волк и говорит Лисе:

— Я голоден, у меня совсем брюхо подвело. Накорми меня досыта, порадуй душенька-Лиса!

— Ладно,— отвечает Лиса.— Пошли!

Лиса впереди, следом за ней Волк — так они вдвоем и шли.

Повстречали они женщин, шедших на свадьбу. На головах они несли, по обычаю, узлы с угощением.

— Готовимся!— говорит Лиса. Перекувыркнулась она и, обернувшись перепелкой, заковыляла вприпрыжку по дороге впереди женщин.

Одна из женщин крикнула: «Смотрите перепелка!» и, положив поспешно узел на землю, кинулась ловить птичку.

Глядя на нее, вслед побежала вторая женщина ловить перепелку, за ней третья, четвертая и все остальные.

Только женщины начнут догонять перепелку, а она прибавляет шаг. Только опять женщины вот-вот поймают ее, а она то вправо, то влево.

Совсем замучились женщины. Никак перепелка не дается им в руки.

А Волк, тем временем развязал узлы, наелся и плова, и мяса, и сдобных лепешек, и всяких конфет, набил себе брюхо, как бурдюк, и пошел себе восвояси.

На следующий день Лиса пошла к Волку. Видит он довольный, растянувшись, лежит.

— Здорово ты угодила мне Лиса,— сказал Волк,— и угостила, и повеселила. Очень я доволен. Теперь попробуй огорчить меня, посмотрим, как это получится?

— Ладно!— сказала Лиса.— Пошли!

Повела Лиса Волка в виноградник. Там они протиснулись в узкую дыру, под стеной. Видят на лозах висят зрелые сладкие кисти винограда. Вдоволь они наелись.

Лиса всунула себе в ноздри по виноградинке и пошла к Волку.

— Волк, а Волк! Я насытилась. Смотри, я так наелась, что виноград лезет у меня через нос. Скорее ешь!

А Волк все ел и ел виноград до тех пор, пока не мог поднять свое брюхо.

Лиса вскочила на забор и давай во все горло кричать:

— Эй, эй, в винограднике вор. Держите вора! Держите вора!

На крик прибежал с большущей дубинкой в руках виноградарь.

Волк пополз было в дыру под стеной, а у него так брюхо раздулось, что никак не пролезет.

Хотел Волк вскарабкаться на стену — брюхо тяжелое, не пускает.

Тут подоспел виноградарь и так поколотил Волка, что у него носом вышел весь виноград, который он съел.

Еле ноги унес избитый Волк.

Очень он разозлился и решил отомстить. Пошел на следующий день к Лисе и говорит:

— Я тебе сказал, чтобы ты меня немножко огорчила. А ты, что со мной сделала? Всю кожу мне испортили, спина до сих пор болит. Теперь я тебя съем.

Лиса только хвостом вильнула:

— Что ты, что ты! Ведь ты же сам меня просил. Да ты и сам виноват. Разве можно так обжираться.

Про себя же она подумала: «Как бы и взаправду он на меня не кинулся. Надо от него избавиться».

— Я . голоден!—сказал Волк, поглаживая брюхо.— Накорми меня да, смотри, сегодня без всяких глупых шуток.

— Ну, еды мы сейчас раздобудем,— ответила Лиса. Она и сама до смерти была голодна.

Отправилась она на поиски пищи. Смотрит на дороге лежит целый бараний курдюк.

«Тут что-то не так!— подумала Лиса.— Сама я курдюк трогать лучше не буду, а натравлю Волка. Пусть он попробует. Что-то получится из этого?»

Вернулась она к Волку.

— Ты что так замешкалась?— сказал Волк.— Совсем у меня брюхо подвело.

— Собирайся побыстрее!— сказала Лиса.— Я съела мясо целого барана, а сало оставила тебе. Пошли!

Привела она Волка к салу, а у того слюнки потекли:

— Ты это здорово устроила,— сказал Волк.

Не долго думая, Волк набросился на сало.

Щёлк!

Едва Волк притронулся к салу, капкан, поставленный охотником, захлопнулся.

А Лиса, подбежала, схватила сало и говорит: — Счастливо оставаться! Лиса умчалась, а Волк остался в капкане.

СКОРПИОН И ЧЕРЕПАХА

Как-то ползла черепаха по своим черепашьим делам.

В дороге увязался за ней скорпион. Поневоле черепахе пришлось ползти с ним вместе.

Что касается черепахи, то она была необыкновенно умна и проницательна, так как в частых путешествиях приобрела большой опыт.

И вдруг дорогу путникам пересекла широкая река.

Тогда черепаха устремилась к цели своих желаний и стремлений и, покачиваясь, как гусь или утка, поплыла к другому берегу.

Случайно она оглянулась назад и увидела, что ее спутник бежит по берегу взад и вперед, держа свой хвост на плече торчком.

— О, друг мой, — спросила его черепаха, — почему ты не переправляешься на ту сторону?»

И скорпион ответил:

— Увы, я не умею плавать. Черепаха подумала про себя:

«Могут ли спутники по всякому пустячному поводу отбрасывать в сторону правила товарищества? Это не хорошо. Лучше мне переправить его на тот берег».

Словом, черепаха повернула назад. Начала она грести своими веслами-лапами, в несколько взмахов подплыла к берегу и сказала:

— О, друг мой, я вернулась, чтобы переправить тебя через реку. Садись на мою спину, но только не ерзай зря, а не то сам себе навредишь.

— Всякий сам отлично знает, в чем для него благо, — ответил скорпион, и заполз черепахе на спину, а она спустилась в реку и поплыла.

Вскоре скорпион начал раскачиваться на своих ногах и вперед.

– Чего это ты без толку там шевелишься? – спросила черепаха.

– Я решил: поучусь втыкать свое жало в твой кожаный щит, – ответил скорпион.

– Что может сделать моему щиту твое бессильное жало, похожее на колючку? – раздраженно воскликнула черепаха.

– Разве ты не знаешь, – возразил скорпион, – что цель скорпиона наносить удары своим жалом хоть товарищу в грудь, хоть недругу в спину?

*Как у животных, так и у людей
Привычки часто разума сильней.
Знай: скорпион на то и скорпион,
Что даже камни станет жалить он.*

Тут черепаха окончательно рассердилась и молвила: – О, друг мой, доколе буду я плавать по воде, словно щепка? Надо полюбоваться жемчужинами на дне глубокого потока.

Сказав это, она нырнула, подобно тому, как это делают водолазы, и начала собирать жемчужины. А скорпион захлебнулся и утонул.

УПРЯМЫЙ ЗАЙЧОНОК

Жил один зайчонок, звали его Упрямец. Он никогда никого не слушался, все делал по-своему. И вот что из этого вышло.

Упрямец любил кататься верхом, и заяц-отец купил ему смирную ишачиху с маленьким ишачонком. Сел Упрямец на свою ишачиху и отправился в гости к тетке. А для того, чтобы попасть к ней, нужно было проезжать через Колючие Заросли.

По дороге встретил Упрямец братьев-зайчат. Они закричали:

– Вернись, Упрямец! Колючие Заросли – опасное место. Нельзя туда ездить одному.

А Упрямец в ответ только лапкой махнул и поехал дальше.

Разве такого переубедишь!

Едет он себе, зная ничего не хочет, ишачиху легонько палочкой погоняет. Маленький ишачонок сзади бежит, ножками выбрыкивает, колокольчиком позванивает.

А в Колючих Зарослях жили лис-отец, лиса-мать и маленький лисенок.

Услыхал лисенок – колокольчик где-то звенит. Наво-. стрил уши, послушал, послушал и говорит:

– Это Упрямец на своей ишачихе едет, а за ним маленький ишачонок бежит.

– Вот мы ему сейчас покажем, как ездить через наши Колючие Заросли. Я у него ишачиху уведу! – сказала лиса.

– А я – ишачонка! – сказал лис.

– А я его самого догола раздену! – сказал маленький лисенок.

А Упрямец едет себе, беды не чувствует. Вот доехал он до середины Колючих Зарослей.

Время подошло к полудню, жарко, душно, солнце печет. Ишачонок устал, начал отставать. Чтобы он не потерялся, Упряму приходилось все время оглядываться и звать его: "Хут-хут-хут!" Под конец у Упряма даже шея заболела. Он и подумал: "Раз колокольчик звенит, значит ишачонок бежит следом. Зачем мне напрасно оглядываться, шею ломать?" И больше не стал оглядываться.

А лису только этого и надо. Подкрался он тихонько сзади, снял с ишачонка колокольчик и

привязал его на хвост ишачихе. А ишачонка увел.

Едет Упрямец дальше, колокольчик звенит, значит, думает, следом ишачонок бежит. Так доехал он до поворота дороги.

Вдруг из-за кустов выскочила лиса.

– Эй, зайчонок, куда это ты едешь один?

Упрямец только подумал: «Как бы хитрая лиса моего ишачонка не увела», оглянулся, а ишачонка-то и нет.

– Ой, ой, ишачонок мой! – заплакал Упрямец. – Где ты мой ишачонок?..

Завиляла лиса хвостом и говорит так ласково:

– Не плачь, миленький. Ишачонок твой стоит вон за тем кустом – не знает, куда ему дальше идти. Беги, пригони его. А я пока ишачиху постерегу.

Обрадовался Упрямец, слез с ишачихи и побежал назад к повороту дороги. А лиса вскочила на ишачиху и скрылась в зарослях.

Добежал Упрямец до куста, смотрит, – никакого ишачонка там нет. Вернулся обратно, – а лисы с ишачихой и след простыл.

Испугался Упрямец: «Тут, пожалуй, и меня самого украдут». И припустился бежать.

Добежал Упрямец до пруда, остановился воды попить. Видит: сидит на берегу маленький лисенок и горько плачет:

– Ты чего плачешь? – спросил Упрямец.

– Братец, – отвечает лисенок, – я попал в беду. Мать дала мне золотой и послала на базар. А я тот золотой уронил в воду. Теперь прибьет меня мать.

И лисенок заплакал еще горше.

Пожалел Упрямец лисенка, стал его утешать:

– Не плачь. Слезами горю не поможешь. Лисенок вытер слезы и спрашивает:

– Ты плавать умеешь?

– Умею, – отвечает Упрямец.

– Если умеешь, тогда достань мне золотой. Я тебе за это десять серебряных монет дам.

«Десять серебряных монет! – подумал Упрямец. – Да за это можно другую ишачиху с ишачонком купить!» И согласился.

Проворно скинул он с себя одежду и нырнул в пруд. Лисенок рассмеялся: , – Вот я и раздел Упрямца догола. – Схватил одежду зайчонка и убежал.

А Упрямец долго искал на дне пруда золотой. Ничего не нашел, вылез из воды. Смотрит, а на берегу – ни лисенка, ни одежды. Так и прибежал домой голый.

С тех пор Упрямец слушался добрых советов. И в Колючие Заросли уже не ходил.

ЖАДНАЯ СОБАКА

Жила жадная собака.

Как-то раз увидела она, что другие псы грызутся между собой из-за большущей кости, подкралась, схватила кость – и бежать.

Добежала собака до арыка, видит: с берега на берег, вместо мостика бревно перекинуто.

Зажала собака кость в зубах покрепче, идет по бревну.

А из-под мостика на нее другая собака смотрит и тоже с большущей костью в зубах-Жадная собака подумала:

"Сейчас еще одну кость заполучу!"Оскалила зубы, зарычала.

А собака под мостом тоже зубы скалит.

"Ай, ты у меня кость взять хочешь?! – подумала жадная собака. – Нет, уж сейчас я у тебя твою косточку отберу!" Щелкнула от злости зубами и прыгнула в воду.

Кость выскользнула из ее пасти, пошла ко дну.

А жадная собака и сама чуть не утонула.

ЛИСИЦА И ПЕТУХ

Подружились лисица и петух. Такими стали друзьями, что все только диву давались. Всегда вместе, всегда друг другу ласковые слова говорят.

Дружба дружбой, а лиса думает про себя: «Пока я сыта – петух будет другом дорогим, а голодно станет – не плохое из моего дружка жаркое получится».

А петух тоже себе на уме: «Чем иметь глупого друга, – думает, – лучше иметь умного врага. Лисица – она хитрая, промысловая. Я около нее всегда сыт буду, а если она меня обманывать начнет, то дружбе нашей конец!».

Много ли, мало ли времени прошло, но как-то лиса сильно проголодалась, а в пасть ей ничего не попадалось. Смотрела она, смотрела на петуха и... цап его.

Закукарекал в страхе петух:

– Лисонька, дорогая, хорошая, ведь я твой друг, Чем я провинился перед тобой?

Отвечает лиса:

– Да, был ты мне другом, да перестал. Сам виноват. Совершил ты три тяжких греха!

– Какие это грехи? – удивился петух.

– А вот такие, – отвечает лиса: – первый грех – ты всех беспокоишь своими нескромными выходками, горланишь так, что в ушах звенит. Как будто и без твоего крика не знают, что солнце всходит или полночь настает. Второй грех – ты имеешь не одну жену, как все порядочные лесные звери, а целых девять жен. Третий грех – султай из перьев принято носить на голове, а ты, невежда, носишь на хвосте – Вот за все это я тебя и съем. Ну, приятель, готовься, конец тебе пришел.

Выслушав свой приговор, петух и говорит:

– Увы мне, друг мой дорогой, в грехах я сознаюсь. Прошу у тебя одного, перед тем, как ты меня съешь, помолись за мою душу. Ведь мы же с тобой были приятели.

– Ладно, – ворчит лиса, – так уж и быть. Исполню твою последнюю волю.

Подняла лиса обе лапки кверху, а петух вырвался, взлетел на дерево:

– Ку-ка-ре-ку! – закукарекал он – Приятного аппетита, друг ты мой лисонька.

Осталась лиса с носом.

ИШАК-МУДРЕЦ

Однажды ишак зашел в сад. Смотрит: на деревьях яблоки висят, а рядом на бахче на тонких плетях тыквы зреют.

Ишак еще раз взглянул сначала на яблоки, затем на тыквы и с досады даже ушами повел:

– Как, – говорит он, – все на белом свете неразумно устроено!

На дереве сидел воробей. Он спросил:

– А скажите, почтенный, какой же все-таки недостаток вы видите в устройстве мира?

– Да разве ты сам не замечаешь? – ответил ему ишак и кивнул сначала на яблоки, а потом на тыквы. – Вот, смотри: на таком высоком дереве висят сладкие плоды величиной с детский

кулак, а вон безвкусные тыквы величиной с мою голову лежат на земле и держатся на какой-то тоненький плеточке.

– В этом-то вся и мудрость, – возразил ему воробей. – Какая тут мудрость?! – вскричал ишак. – Вотесли бы яблоко было с тыкву, а тыква с яблоко, тогда было бы разумно!

Ишак почесался боком о яблоню, сверху сорвалось яблоко и стукнуло его по голове.

– Ой, головушка моя! – вскричал ишак. Воробей рассмеялся.

– Хорошо, что яблоко оказалось не с тыкву, а то бы от вашей головы ничего не осталось.

– Да-а! – сказал ишак и заспешил подальше от яблони.

ГОЛОДНЫЙ ВОЛК

Голодный волк долго рыскал в поисках добычи, совсем измучился и решил: "Съем всякого, кто мне встретится!" И вдруг, откуда ни возьмись, перед ним появился молоденький барашек.

«Ах, какой хороший барашек!» – подумал Волк, а у самого слюнки потекли.

Преградил Волк дорогу барашку и говорит:

– Барашек, а я тебя съем! Испугался барашек!

– Вай, неужто, ты меня так всухомятку и съешь?

– Ну, а как же еще я должен тебя есть? – удивился Волк.

– Если хочешь, чтобы было вкусно, беги в кишлак, возьми шампуры, лук, перец. Потом разрежешь меня на кусочки, нанижешь мясо на шампуры, приготовишь хороший шашлык. Покрошишь сверху лук, посыплешь перцем. Ну, а потом уже и ешь. Нет на свете ничего вкуснее, чем шашлык из молодого барашка. Люди всегда так делают.

– И верно, – сказал Волк. Помчался Волк прямо в кишлак. По дороге встретились ему пастухи.

– Эй, – говорит Волк, – пастухи, дайте мне шампуры, лук, перец. Я хочу полакомиться шашлыком из молоденького барашка.

Схватили пастухи дубинки и давай колотить Волка. Колотят его, приговаривают:

– Вот тебе шампуры! Вот тебе лук! Вот тебе перец! Вот тебе шашлык из барашка! Чтобы твои зубы обломались.

С разбитой мордой Волк едва унес ноги.

Вернулся Волк на прежнее место, видит, а барашка нет.

«Что же я буду теперь делать?» – подумал Волк. Еле волоча ноги, поплелся он куда глаза глядят. Повстречал он на дороге Клячу.

– Эй, Кляча, я тебя съем! – сказал Волк. Кляча ему отвечает:

– Эх, Волк, какой же ты глупец. Я давно тебя поджидаю. Твой отец еще хотел съесть меня, да потом раздумал и сказал: «Когда мой сын проголодается, тогда он тебя и съест!» Он мне даже клеймо на заднюю ногу поставил. Не веришь, сам посмотри.

Забежал Волк сзади, чтобы посмотреть клеймо.

– Вот, – говорит лошадь и поднимает заднюю ногу. – На смотри!

"Трах!" Кляча так сильно лягнула Волка по морде, что он шагов десять летел кувыркком и как упал в пыль, так больше и не поднялся.

ФУ, ВОНЯЕТ!

Прокралась Лиса в дехкансий двор, видит на столбе веранды высоко на гвозде висит

большущий кусок сырого мяса.

– Страх, как я проголодалась, – сказала Лиса, – если я съем мясо, буду сыта по горло!

Раз подпрыгнула – не достала, два подпрыгнула – не достала, три подпрыгнула.. И все впустую.

Отступила Лиса назад на шаг, разбежалась, подпрыгнула и... не достала. Отступила на два шага, разбежалась, прыгнула – не вышло, разбежалась на три, десять, двадцать, тридцать шагов – не вышло.

Прыгала Лиса, прыгала, умурилась, но так мяса и не достала.

Разозлилась она, покрутила носом и сказала:

– Фу, воняет!

И побежала дальше.

МЕДВЕЖИЙ СЫН

Некогда Ташкентом правил хан по имени Ирон. Долго не было у него детей, что весьма печалило его и, наконец, родился сын Джековой.

Хан очень полюбил его и возил его повсюду с собой.

Однажды хан Ирон поехал в Чиназ на охоту. По обыкновению малолетний сын его был с ним.

Вдруг из камышей выскочила огромная медведица, схватила мальчика и понесла с собой. Хан Ирон с охотниками бросились в погоню, но медведица с мальчиком исчезла. Сорок дней безутешный хан искал сына, но бесплодно.

Послушайте теперь про ханского сына.

Схватив мальчика, медведица унесла его в свое логовище. Каждый день она уходила на охоту и приносила дичь.

Так прошло много лет. Мальчик вырос и превратился в крепкого могучего юношу. Он привязался к медведице и почитал ее матерью. Теперь всегда они охотились вместе. Да и обличем юноша стал похож на молодого медведя, – тело его поросло густыми волосами, а голос был подобен медвежьему реву.

Однажды хан Ирон охотился в чиназских тугаях. Видит идет большая медведица. Не долго думая, хан выстрелил в нее из лука и поразил на месте.

Тут выскочил из камышей юноша, поднял копье и грозно спросил:

- Эй, кто ты? Как смел ты убить мою мать? Увидел хан Ирон юношу, залюбовался им и говорит:

– Разве может у человека матерью быть зверь.

– Медведица взрастила и вскормила меня. Для меня она мать, и я отомщу за нее.

Хотел юноша уже пронзить хана копьем, но тот сказал:

– Стой, или ты станешь отцеубийцей. Ты мой сын Джековой. Тогда-то и тогда-то тебя утащила медведица. Думал я, что ты погиб. Предавался я горю, но ты жив. Приди в мои объятия.

Обнялись они и поехали в Ташкент.

Хан устроил по случаю возвращения сына большой пир и отвел Джековой лучшие покои во дворце.

Но Джековой тосковал по убитой своей приемной матери-медведице и упросил хана разрешить ему уехать в родные места, в Чиназ.

Однажды Джековой пошел к логовищу, где его взрастила медведица, стал лить слезы и

сказал громко:

– О мать, неужели я не отомщу за твою смерть.

А надо сказать, что хан Ирон подослал своих соглядатаев смотреть, что делает Джековой в своем Чиназе. Один соглядатай подслушал, что сказал Джековой и немедленно донес хану.

Испугался хан и послал к сыну слугу с приказом:

«Сын мой, Джековой, отправляйся в чиназские болота. Наруби побольше дров и свези их в Чиназ. Скоро прибуду со всем двором к тебе. Устроим большое угощение».

Думал хан Ирон, что сына его растерзают дикие звери.

Отправился Джековой в родные заросли и громко крикнул. На его зов явились тысяча тигров, тысяча медведей, тысяча волков, тысяча лисиц, тысяча птиц. Они поклонились юноше и спросили:

– О, медвежий сын, что тебе угодно?..

– Соберите мне дров целую гору.

Когда дрова были собраны, Джековой сел на самого большого тигра и сказал:

– Возьмите каждый дров сколько может и идите за мной.

Джековой повел своих зверей не в Чиназ, а прямо в Ташкент. Когда они приблизились к городу, воины, стоявшие на стенах, в испуге побежали к хану и доложили:

– Все дикие звери мира идут на нас. И сын ваш ведет их, сидя на тигре.

– Оббо! – перепугался хан. – Конец нам пришел. Послал он своего визиря к Джековой с приказом сложить все дрова около стен города.

Тогда юноша поблагодарил зверей и отпустил их в чиназские болота, приказав по дороге никого из дехканае трогать и не обижать.

Хан собрал своих визирей и спросил:

– Что делать?

Тогда старший визирь предложил:

– Город Чимкент принадлежал вам, о великий хан, но свирепые враги отняли его. Пошли своего сына. Завоюет город – хорошо, найдет там свою погибель – тоже хорошо.

Хан призвал сына:

– Ты уже взрослый. Пора тебе проявить свою воинскую доблесть. Отправляйся в Чимкент и завой мне его.

Джековой согласился.

– А сколько ты потребуешь воинов? – спросил хан Ирон.

Юноша поклонился и сказал:

– Не давай мне ни одного воина, а прикажи кузнецам выковать мне меч весом в семьдесят тысяч пудов и молот в шестнадцать тысяч пудов.

Собрали со всего ханства железо и сталь. Созвали всех ташкентских кузнецов. Сорок дней и сорок ночей без отдыха ковали кузнецы и выковали для Джековой меч и молот, да такие тяжелые, что все воины хана Ирона, сколько у него их было, не могли даже приподнять их с земли.

Пришел Джековой, взял одной рукой меч и сказал: – Какой он легонький!

Помахал мечом в воздухе, рубанул разок, другой и засунул за пояс.

Схватил другой рукой молот, покрутил над головой семь раз и тоже засунул за пояс.

Отправился Джековой в Чимкент.

А в Чимкентской крепости в ту пору стояло восемьдесят тысяч вражеских воинов, вооруженных с головы до ног.

Джековой подошел к стене и крикнул. От крика его сразу же сорок тысяч воинов умерли от страха. Джековой крикнул второй раз. Еще тридцать тысяч воинов распрощались с жизнью. В

третий раз крикнул Джековой и последние десять тысяч воинов померли.

Вошел Джековой в Чимкентскую крепость, видит не с кем воевать.

В соседних горах укрывалось несколько семейств бед-няков-чимкентцев. Заметил их Джековой и крикнул им:

– Возвращайтесь все в Чимкент. Будем жить в мире и согласии.

Понемногу в Чимкент собрались жители, разбежавшиеся во время нападения врагов. Город под управлением Джековой стал расти и процветать. Уж очень хорошо Джековой обращался с народом: подати взимал самые малые, никого не притеснял.

Узнал об этом хан Ирон, разозлился и собрал своих визирей на совет:

– Что делать? – спросил он их. Старший визирь и говорит:

– Развращает народ твой сын Джековой. Пошли его в горы Тянь-Шань. Живут там великаны Таш Палван,, Хырс Палван и Чинар Палван. Прикажи Джековой привести великанов на аркане в Ташкент. Приведет – хорошо, сложит голову – тоже хорошо.

Послал хан Ирон Джековой приказ победить великанов и привести в Ташкент.

Стал Джековой собираться в путь. Заплакали чим-кентцы.

– Уйдешь ты от нас, Джековой. Покорит наш город какой-нибудь проклятый шах, заставит сорок податей платить, землю на него пахать.

– Если только узнаю об этом, – сказал Джековой, – сейчас же вернусь и превращу врага в прах.

Простился Джековой с чимкентцами и отправился в Тяньшаньские горы. Долго ли он шел, мало ли он шел, вдруг навстречу ему идет великан и в каждой руке несет по горе по четыреста тысяч пудов весом.

Спросил великана Джековой:

– Как тебя зовут и куда идешь?

– Зовут меня Таш Палван, а иду я в Чимкент. Приехал туда, говорят, богатырь Джековой и нос задрал. Хочу его побороть и завладеть Чимкентом.

Тогда Джековой улыбнулся и сказал:

– Не ходи в Чимкент. Давай лучше борись со мной. Я ученик Джековой. Если ты меня поборешь, то и его поборешь.

Стали они бороться. Джековой схватил Таш Палвана за пояс и вместе с его двумя горами перебросил одним духом через семь гор.

Нашел Джековой Таш Палвана чуть живого, дал ему попить воды и, когда великан пришел немного в себя, спросил:

– Ну как, пойдешь в Чимкент состязаться с Джеко-воем.

Таш Палван встал с трудом, поклонился до земли, поцеловал руку Джековой и сказал:

– Если такой ученик, то какой учитель. Я не пойду в Чимкент, лучше возьми меня в слуги, буду я тебе готовить обед и ужин.

– Хорошо. Только знай, что я Джековой.

Пошли они дальше вместе.

Навстречу им поднялся великан, у которого в каждой руке было по горе весом в пятьсот тысяч пудов. Он подкидывал горы, как маленькие камешки.

– Как тебя зовут и куда идешь?

– Зовут меня Хырс Палван. А иду я покорять Чимкент, да заодно надрать уши какому-то Джековой.

Улыбнулся Джековой и сказал:

– Зачем идти так далеко. Попробуй надрать уши мне – ученику Джековой. Поборешь меня, тогда и его поборешь.

Только усмехнулся Хырс Палван, но Джековой схватил его за полы халата и подбросил вместе с его двумя горами, поймал и еще подбросил, поймал и еще раз подбросил.

Тут Хырс Палван взмолился:

– Пощади. Не пойду я в Чимкент, раз у Джековой такие ученики. Позволь мне служить тебе.

Тогда Джековой согласился и, сказав, кто он, пошел дальше. Великаны следовали за ним и помогали ему в пути.

Бытовые сказки

ВОДА БЕССМЕРТИЯ

В давние времена царь Искандер Двурогий завоевал весь мир. Но вот в одном из походов одолели его тяжкие раны, и он почувствовал приближение смерти. Призвал тогда Искандер самых искусных врачей и сказал:

- Пришел мой смертный час. Но я не хочу умирать. Я хочу жить и царствовать вечно в завоеванных мною странах. Найдите лекарства, которые продлили бы мою жизнь на века!

Долго думали самые мудрые. Самые сведущие лекари и наконец посоветовали царю Искандеру испить живой воды из родника. Находящегося в дальнем краю. Молва утверждала. Что тот. Кто попробует воды из чудесного источника, будет жить вечно.

Послушался Искандер совета. Приказал положить себя на носилки. И самые быстрые воины помчали владыку к заветному источнику.

А находился волшебный родник в тенистой и прохладной роще. Деревья своими кронами укрывали его от палящих лучей солнца. А густой колючий кустарник оберегал от знойных ветров.

Оставили воины царя у воды. А сами удалились. Очнулся Искандер. Зачерпнул золотым ковшом воды из родника. Но не успел поднести его к губам. Как перед ним вырос худой сгорбленный старик.

- Сын мой. – тихо молвил старик, - если ты глотнешь воды из этого источника. то станешь бессмертным.

- Но я этого и хочу! - воскликнул изумленный Искандер.

- Не спеши, сын мой, - остановил его старик. – сначала послушай, что я тебе расскажу... Три тысячи лет назад я завоевал все царства на земле. Весь мир лежал у моих ног, и никто не смел поднять на меня глаза. Вот тогда я и решил стать бессмертным. Чтобы вечно повелевать народами и государствами. И выпил воды из источника.... Но прошло всего сто лет , народы восстали против меня прогнали с трона. И когда я теперь приближаюсь к людям и называю им свое имя, они плюют мне в лицо и называют меня грабителем и убийцей... потому что я, как это теперь делаешь ты, творил зло на земле.

Старик исчез. А Искандер в глубоком раздумье набрал в пузырек волшебной воды, спрятал его на груди и приказал воинам нести себя домой.

Смертный час захватил Искандера в пути. Положили воины царя в тени трех старых карагачей. Достал Искандер с груди пузырек, но не решился выпить воду бессмертия и выплеснул её на землю.

Века прошли. А три карагача до сих пор зеленеют в степи. Даря усталым путникам приют и прохладу.

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

В давно минувшие времена жила на свете девушка. Звали ее Цветок Розы.

Однажды Цветок Розы собирала в поле тюльпаны. Вот идет и идет она по полю и вдруг видит - место совсем незнакомое. Посреди поля роща, а за деревьями виднеется замок, окруженный высокой стеной.

Подошла Цветок Розы поближе. Смотрит - железные ворота замка наглухо закрыты,

заржавели от времени и заросли вьюнами. Видно, давно уже никто не отворял их.

Шагнула Цветок Розы к воротам. Вдруг вьюны перед ней расступились и железные ворота распахнулись. Цветок Розы заглянула во двор. Шагнула раз, другой. Не успела она сделать третьего шага, как ворота позади с грохотом захлопнулись.

Стало темнеть. Что было делать? Вошла Цветок Розы в замок. Идет удивляется: комнаты одна другой краше, всюду ярко горят свечи, и нигде ни живой души.

Подошла Цветок Розы к дверям самой последней комнаты, подумала: "Может, здесь кто-нибудь найдется?" Открыла дверь, а в комнате на пушистом ковре лежит юноша-богатырь удивительной красоты.

"Это, наверно, и есть хозяин замка",- подумала Цветок Розы. Подошла она к юноше, а тот лежит и как будто совсем не дышит. Все ноги у него иголками утыканы!

Присела Цветок Розы на корточки и принялась вытаскивать иголки из ног юноши. Вытащит иголку и тут же смажет ранку целебным бальзамом. Вытащит вторую и опять смажет бальзамом.

Так провела она светлый день и темную ночь. Когда осталось всего несколько иголок, у Цветка Розы начали слипаться глаза от усталости. Она чуть не уснула.

В это время снаружи послышался перезвон колокольчиков. Вышла Цветок Розы на стену замка, смотрит - неподалеку проходит караван.

- Эй, караван-баши!- закричала Цветок Розы. -

Оставьте мне кого-нибудь на помощь! Я заплачу вам, сколько пожелаете.

Караван-баши согласился и оставил ей одну девушку. А это была хитрая и злая девушка, от которой сам караван-баши хотел избавиться.

Провела Цветок Розы хитрую девушку к юноше-богатырю и говорит:

- Вытаскивай вот эти иголки, а я немного отдохну.

Сказала так и сама тут же крепко уснула.

Когда хитрая девушка вытащила последнюю иголку, юноша-богатырь чихнул громко, очнулся и приподнялся на локте. Девушка ему и говорит:

- Я вас спасла от смерти!

- А это кто? - спрашивает юноша-богатырь, показывая на Цветок Розы.

- А это моя служанка,- ответила хитрая девушка.

Рассказал тогда юноша-богатырь, что его связали сонного враги, повтыкали в ноги иголки и бросили одного умирать.

Девушка пнула ногой Цветок Розы, закричала на нее:

- Ты только и знаешь, что спишь. Вставай, бездельница, принимайся за работу!

Цветок Розы заплакала горько и покорилась.

Время шло, юноша-богатырь быстро выздоравливал. А когда совсем поправился, решил отправиться в город и спрашивает у хитрой девушки:

- Какой тебе подарок привезти?

Наказала хитрая девушка привезти ей самых дорогих шелков, золотых колец, драгоценных украшений.

- А тебе что? -спросил богатырь у Цветка Розы.

- Мне привезите горючий камень,- ответила она.

Приехал юноша-богатырь в город, начал спрашивать у купцов горючий камень. Один купец ему и говорит:

- Этот камень берут те, кто сильно обижен. А вам-то он зачем?

- Нужен,- коротко ответил юноша.

Возвратился он во дворец, отдал камень Цветку Розы и решил посмотреть, что будет

дальше.

А Цветок Розы прошла в комнату, положила камень перед собой. Потом заплакала и начала рассказывать все, что ей пришлось пережить.

С первых же слов Цветка Розы засиял камень изнутри ярким светом. А когда заговорила она о том, как сидела день и ночь, вынимая из ног юноши-богатыря иголки, как взяла у караван-баши на помощь девушку и какую обиду приходится сейчас терпеть, вспыхнул камень пламенем и разгорелся в большой костер.

От горя и унижения хоте та Цветок Розы кинуться в костер, но тут вбежал юноша-богатырь и подхватил ее на руки.

В тот же час прогнали они из дворца злую и хитрую девушку. А сами поженились и жили счастливо до глубокой старости.

ТАХИР И ЗУХРА

Было так или не было, только говорят, что жил когда-то шах. Не было у него детей. Однажды, когда сидел он и горевал, подошел к нему старший визирь и спрашивает:

- О всеильный шах, о чем вы печалитесь? Богатства у вас много - о чем же вам горевать?

Шах и говорит:

- Хоть я и шах, хоть много у меня богатства, а умру я бездетным.

Тяжко вздохнул визирь и поведал шаху, что у него тоже нет детей. И вот оба они, горюя и плача, решили отправиться странствовать.

Шли они долго, прошли пути малые и большие. И в один из дней подошли к ограде прекрасного сада. Идут вдоль стены, а входа все нет.

А в саду розы цветут, соловьи поют, душистые травы и цветы так и благоухают. Расстелены в тени под деревьями ковры, мягкие подстилки, разбросаны подушки на зеленой траве. На все свои печали и огорчения в том саду человек закрывает глаза, забывает горе-тоску.

Наконец увидели странники вход, вошли в сад и сели на ковер. Вдруг показался седобородый старик в белом суконном халате. Подошел ближе и спрашивает:

- Эй, сынки, что вы здесь делаете?

Встали визирь и шах с места, поклонились старику.

Потом переглянулись между собой, собрались с мыслями и начали рассказывать, что вот нет у них детей, что отказались они от всех мирских благ и пошли странствовать.

Выслушал их старик, а потом вынул из-за пазухи два красных яблока. Протянул одно шаху, другое - визирю.

- Возьмите, дети мои! Пусть каждый из вас съест свое яблоко с любимой женой. Идите, не оставляйте своего дела, живите честно, правьте мудро: заботьтесь о своей стране, не обижайте народ, И еще одно будет вам условие: у кого из вас родится сын, назовите его Тахиром, а у кого дочь - назовите Зухрой. Не разлучайте их в детстве, а когда вырастут, пожените. Помните об этом.

Ушел старик, а шах и визирь посмотрели друг на друга с удивлением, подумали и решили:

"Пусть будет так, как он сказал!"

Вернулись они домой и сделали все, как советовал им старик. Дни проходили за днями, месяцы за месяцами. Шах и визирь не помнили себя от радости, не спали ночей, все ждали первенцев, не могли дождаться. Как-то собрались они и поехали на охоту.

Через три дня родила жена визиря сына, а жена шаха - дочь. Послали гонца к шгху с радостной вестью.

- О повелитель мира, давайте подарок. Ваша жена родила дочь,- сказал посланный.

А потом обратился к визирю:

- И вы давайте подарок. Ваша жена родила сына!

Разгневался шах. Все время мечтал о сыне. Не помня себя от досады, кинул он гонцу белый платок и закричал:

- Убей девчонку, смочи мой платок ее кровью и принеси обратно!

А визирь, не чуя от радости земли под ногами, вскочил на лошадь и помчался домой.

Возле самого дома споткнулась лошадь, вылетел визирь из седла, ударился головой о камни и тут же умер.

Горькие дни настали для бедной жены визиря. Плача и тоскуя, начала она воспитывать сироту-сына, который так и не увидел своего отца.

Дни шли за днями, месяцы за месяцами, годы за годами.

Мальчик подрос, стал выбегать на улицу. И в один из дней заметил его шах.

- Чей это мальчик? - спросил он у своего нового визиря. Визирь поднялся и с поклоном ответил:

- О повелитель, мальчик - сын вашего умершего визиря - Тахир. Если бы ваша дочь была жива, она была бы теперь таких же лет.

Услыхал эти слова шах и в досаде и раскаянии ударил себя кулаком по лбу.

- Горе мне, несчастному! Зачем я приказал ее убить! - воскликнул он и заплакал.

Ничего не сказал визирь шаху, но в тот же день пошел он на женскую половину, вызвал одну из рабынь и спросил:

- Что с дочерью шаха?

- Не говорите только шаху, - ответила рабыня, - девочка жива. Она теперь подросла, стала красавицей.

Побежал визирь к шаху.

- О повелитель! Пощадите мою ничтожную жизнь, я скажу вам радостную весть!

- Говори! - ответил шах.

- Не печальтесь, мой повелитель, ваша дочь жива.

Обрадовался шах, приказал:

- Приведите ее ко мне!

Девочку привели, показали шаху. Приласкал шах свою дочь, а потом приказал устроить пир-веселье на сорок дней и сорок ночей.

Тем временем Тахир рос себе да рос и ни о чем не думал. Однажды играл он на дворе. Бросил он палочки и попал в прялку старухи, которая сидела на солнце. Старуха рассердилась :

- Ах,, чтоб тебе, Тахир-сирота! Чем играть со мной, лучше бы забавлялся ты со своей нареченной Зухрой.

Подбежал Тахир к старухе, схватил ее за руку.

- Бабушка, вы про Зухру сказали! Почему вы так сказали?

- Пусти руку, сирота! Пусти, говорю!

- Скажите, бабушка, милая, ну скажите!- упрашивал Тахир.

- Спроси у своей матери.

Тахир так и сделал.

- Кто моя нареченная? Скажите правду!

- Хоть и не надо бы тебе знать, да так и быть, скажу.

И мать рассказала, как отец Тахира и шах долго были бездетными, как они дали друг другу слово породниться, как у одного из них родился сын, а у другого дочь и как отец Тахира в день рождения сына упал с лошади и расшибся насмерть.

Теперь тебе не отдадут Зухру,- сказала мать.- Она дочь шаха, а ты сирота, бедняк.

- Ладно, матушка, я только это и хотел узнать.

И с того дня стал Тахир играть с Зухрой.

Дни шли за днями, оба они подросли, начали ходить к учителю. Но Тахир, вместо того чтобы учиться, все время разговаривал с Зухрой.

Учитель пошел к шаху и пожаловался:

- О повелитель мира, как быть? Не дает Тахир учиться вашей дочке Зухре!

Рассердился шах и приказал:

- Поставьте между ними стену!

Учитель исполнил приказание шаха. Но Тахир в тот же день проломал в стене дырку и продолжал разговаривать с Зухрой.

Тахир и Зухра дня не могли прожить друг без друга. А когда они выросли, пламя любви вспыхнуло в их сердцах.

Узнал шах об этом и пришел в ярость. Призвал к себе мастеров и приказал:

- Сделайте сундук! Тахира мы бросим в сундук, и пусть несет его река куда хочет!

Услышала о приказе шаха Зухра, взяла золота полный поднос, принесла к мастерам и начала их упрашивать со слезами:

- Возьмите золото! Мало будет - просите еще! Только сделайте сундук покрепче, чтоб вода в него не попадала, и попросторней, чтобы можно было в нем дышать! Пусть бедный сирота еще поживет!

Пожалели мастера Зухру, начали ее успокаивать:

- Если не будет сундук еще лучше, чем вы сказали, все золото отдадим вам обратно!

И принялись они за работу. Скоро шаху доложили, что сундук готов. Накинула Зухра на лицо покрывало, пошла на него взглянуть. И впрямь сундук оказался даже лучше, чем она заказывала.

На другой день послал шах глашатая созвать городской и кишлачный народ. Собрался народ на площади. Вышел из дворца шах и объявил:

- Мы приговорили Тахира к смерти! Сегодня положат его в сундук и спустят на воду. Пусть несет его река куда хочет!

Жалко было людям Тахира, но все боялись жестокого шаха.

Мужчины и женщины, старики и дети - все сбегались на берег реки. Пришла мать Тахира, убитая горем. Пала она на прибрежный песок, и жгучие слезы потекли из ее глаз.

Заволновался народ, закричали люди в толпе:

- Пусть падут слезы матери на голову шаха!

- Никто еще не казнил человека за то, что он полюбил девушку!

- Не простится шаху такая жестокость!

Но тут закричал глашатай, что ведут палачи Тахира. Стихли жрики, расступился народ перед, юношей. Только бедная мать подняла голову и воскликнула:

- Дайте мне хоть в последний раз на него посмотреть!

Подвели к матери связанного Тахира. Со слезами обняла она сына, головой прижалась к его коленям, вскрикнула и умерла.

Плач и крики раздалась в толпе. Поскорей схватили палачи Тахира, бросили его в сундук. Только и смог он крикнуть своей любимой Зухре:

- Если буду жив, буду тебя любить! Если умру, буду тебя любить!

Только и успела крикнуть Зухра в ответ:

- И я тебя никогда не забуду!

Тут замкнули палачи сундук и пустили его по реке.

Долго плыл Тахир. День сменяла ночь, ночь сменял день. И наконец приплыл сундук к городу Руму.

А у румского шаха было две дочери. В тот день пошли они со служанками на реку. Видят - плывет по реке сундук.

Подплыл сундук ближе. Старшая дочь шаха вошла в воду, закинула косы, но сундук зацепить не сумела. За ней вошла в воду младшая дочь шаха, закинула свои длинные косы, зацепила сундук и притянула его к берегу.

Тут начали сестры спорить, кому из них достанется находка.

Поспорили они, поспорили и решили: старшая сестра возьмет себе сундук, а младшая - то, что будет в сундуке.

Открыли они сундук и увидели такого прекрасного юношу, что перед блеском его красоты даже солнце потускнело. Черные кудри его вились по плечам, брови сходились над переносицей, словно тонкие стрелы, а глаза горели жарким огнем. Такой красавец дочери любого шаха под стать.

Глядя на него, сестры снова заспорили:

-Я возьму его!

-Нет, я!

А младшая сестра говорит:

- Нет, теперь уж, раз он был в сундуке, значит он мой! Никому его не отдам!

Тем временем прибежали слуги шаха, стали ему рассказывать :

- О государь, ваши дочери поймали на реке сундук. А в сундуке нашли юношу, равного которому по красоте нет на свете! Ваша младшая дочь хочет взять его в мужья.

Лучшего зятя и не придумаешь!

Одарил шах верных слуг за добрую весть и вместе со своими визирями побежал на берег реки. Посмотрел, а юноша еще лучше, чем ему рассказывали! Принял шах Тахира, точно родного сына, и вскоре женил его на младшей дочери. Сорок дней и сорок ночей длился свадебный пир.

Прекрасна была дочь шаха, еще прекраснее Зухры. Но Тахир помнил клятву, которую дал своей далекой нареченной. Он и смотреть не хотел на красоту шахской дочери. Ни одного слова не сказал ей.

Бедная девушка плакала по ночам и думала горькую Думу:

"Почему он меня не любит? Почему даже слова не хочет мне сказать?"

Попробовала она расспросить, Тахира, но он ничего ей не ответил.

Так прошло сорок дней. На сорок первый день Тахир сказал дочери шаха:

- Скажите вашему отцу, я хочу пойти на берег реки.

Не помня себя от радости, побежала принцесса к шаху.

- О государь, мой отец!-сказала она.- Тахир заговорил. Он хочет пойти посидеть на берегу реки!

Услышал шах добрую весть, обрадовался. И решил устроить на берегу празднество. Многие пришли к реке повеселиться. На высоком берегу для Тахира постелили мягкие ковры, принесли редчайшие яства.

Скоро пришел Тахир. Лицо его было грустным, губы не улыбались.

- Кто первым увидит, что мой зять смеется, того с головы до ног осыплю золотом -объявил шах и вернулся со своими визирями во дворец.

Но Тахир все сидел и молчал, печально глядя на реку. Пусть он здесь пока что сидит, а вы

послушайте Зухру.

В разлуке с Тахиром день и ночь она тосковала. А потом жестокий отец отдал ее в жены Кара-батыру, сыну одного шаха, жизнь ее стала полна черного горя и безысходной печали.

Дни шли за днями. И вот однажды приснился Зухре сон.

Увидела Зухра, будто гуляет она с Тахиром по прекрасному саду. Горько, зарыдала Зухра и проснулась.

"Может быть, жив мой любимый? - подумала она с болью в сердце. - Хоть бы весточку кто-нибудь принес от него!" На другой день собралась Зухра, взяла целый поднос золота и пошла в караван-сарай. Отдала все золото караван-баши, начала его упрашивать:

- Вы по всему свету ездите, - разных людей встречаете! Найдите Тахира, привезите мне от него весточку! Или хоть узнайте, жив он или нет!

- Хорошо! - согласился караван-баши. Сел на своего верблюда и отправился в путь.

Долго он ехал, много проехал, по всем городам и селением разыскивал Тахира, но так и не нашел.

В один из дней подъехал караван-баши к реке. Видит: сидит на высоком берегу прекрасный юноша, а кругом веселится народ.

"Дай-ка я спою! Может быть, Тахир здесь", - подумал караван-баши и запел:

Я вожатый каравана, Езжу я по дальним странам, Чтоб найти Тахирджана, Где ты, Тахирджан?

Услыхал Тахир свое имя, улыбнулся слегка и пропел в ответ:

О караван-баши, постой! Свои стихи еще раз спой, Взгляни сюда, перед тобой Сидит сам Тахирджан!

Тогда, чтобы узнать, тот ли это Тахир, которого он ищет, караван-баши снова запел:

Имен на свете много есть, Но от Зухры услышав весть, За дастархан не сможет сесть Спокойно Тахирджан!

бросился к нему, обнял его верблюда за шею и начал упрашивать со слезами на глазах:

- Отвези меня к Зухре, дай хоть разок на нее взглянуть!

- Зухру выдали замуж за Кара-батыра,- сказал в ответ караван-баши.- Какой вам толк теперь на нее смотреть? Да и вы сколько времени здесь прожили, должно быть, тоже женились. Зачем вам ехать? Оставайтесь лучше здесь! Я хотел только узнать, живы вы или нет.

- Меня здесь женили на дочери шаха!- ответил Тахир.- Сорок дней прошло после свадьбы, но я не сказал жене ни слова и ни разу не посмотрел на нее. Отвези меня к Зухре.

И караван-баши уступил.

Хорошо, я согласен. Только сходите сначала попрощайтесь со своей женой. Она ведь по любви выходила за вас замуж, не надо ее обижать.

Пошел Тахир во дворец, - шагнул одной ногой в комнату, другую оставил за порогом и сказал:

- О дочь шаха! Я за все вам благодарен, но сегодня мне принесли весть от Зухры, и теперь я уезжаю.

В ответ спросила его принцесса:

- Разве не ко мне принесла вас река? Неужели далекая Зухра прекраснее меня.

- Да, к вам принесла меня река. Вы прекрасны, но для сердца моего дороже далекая Зухра!- ответил Тахир, поклонился и вышел.

В тот же час сели они с караван-баши на верблюда и отправились в путь.

Ехали они долго, проехали немало. Добрались до перекрестка трёх дорог и остановились. Преградил им путь большой камень с надписью: "Дорога направо - без возврата, дорога налево - без конца, дорога прямо - опасна". Задумался караван-баши: какую дорогу выбрать.

- Поедем прямо, - сказал Тахир.- Хоть опасно, зато напрямик: быстрее приедем к Зухре.

И поехали они прямо. Вскоре попался им на пути город. Жители того города разыскивали двух разбойников, недавно сбежавших из-под стражи. Увидели они Тахира и караван-башк, приняли их за разбойников, связали и бросили в темницу.

День и ночь тосковал в темнице Тахир. Уже совсем недалеко была его любимая Зухра, но как прорваться к ней сквозь крепкие стены и железные двери? Думал-думал Тахир и придумал: "Буду петь так, чтобы люди меня услышали. Может быть, кто-нибудь меня узнает и освободит!" И он запел:

Ехал я к милой, дорога длинна! Светило мне солнце, а ночью луна. За что же меня посадили в темницу? Зухра без Тахира тоскует одна!

И так он пел каждый день, пока его песню не услышал купец, который еще мальчиком ходил с Тахиром к одному учителю и сидел с ним за одной книгой.

- Э, да ведь это же Тахир!- воскликнул купец. -

Кто же еще может столько лет помнить Зухру и любить?!

Пошел купец к тюремщикам, дал им по горсти золота и сказал:

- Отпустите Тахира! Он ни в чем не виновен.. Он живет только своей любовью.

Вывели стражники Тахира и караван-баши из темницы, вернули им верблюда. Поблагодарил Тахир купца, попрощался с ним, и они поехали дальше.

Ехали они долго, проехали немало, и в один из дней, под утро, добрались, наконец, до родного города. Возле караван-сарая Тахир простился со своим спутником, поблагодарил его и пошел ко дворцу.

Пробрался Тахир во дворцовый сад, отыскал Зухру. Она крепко спала на драгоценном ковре. Чтобы разбудить ее, негромко запел:

Я зову: проснись! Пора!

Я пришел к тебе с утра.

Ты все спишь... Проснись скорее,

Обними меня, Зухра!

Услышала Зухра любимый голос, сердце ее забилось от радости, и она проснулась. Поднялась с ковра, бросилась Тахиру на шею, плача и смеясь сквозь слезы. И так, обнявшись, они ушли в глубину сада.

Они говорили - наговориться не могли, смотрели - насмотреться не могли друг на друга. И не видели, бедные, что сестра Кара-батыра уже заметила. Побежала она к брату и сказала:

- Приехал Тахир.

В ярости побежал Кара-оатыр к шаху и все ему рассказал.

бросили его в глубокую яму, где грязь была по колено, а сверху капала вода.

На другой день созвал шах своих визирей и советников. Стали они думать, что сделать с Тахиром. И решили они разрубить его надвое, а куски тела повесить на воротах города.

Отправились глашатаи сзывать народ на казнь. Сбежались люди на городскую площадь. Пришла Зухра. Все жалели юношу, роптали на жестокость шаха.

- Зачем только возвратился Тахир? - говорили одни.

- Тахира привела назад любовь,- отвечали другие.

Но разве за это можно казнить бедного юношу? Будь проклят кровавый шах!

Стражники вывели на площадь Тахира. Палач наточил свою острую саблю. Народ проклинал шаха, но сделать ничего не мог. И Зухра, как ни умоляла безжалостного отца, ничем не могла смягчить его каменное сердце. А когда она увидела Тахира в руках палача, потемнело

у нее в глазах, и упала она без сознания.

Палач взмахнул саблей и рассек Тахира надвое.

Закричали люди, слышались рыдания, стоны. Вышла вперед одна старушка и гневно сказала шаху:

Твой трон, о злой шах, в крови, Как сабля палача в крови! Пускай Тахира вы казнили - Вам не убить его любви! Нет больше солнца в небесах! Нет справедливости на свете, Пока правит жестокий шах!

А палачи тем временем повесили разрубленное на части тело Тахира на городских воротах.

Тогда подняла голову Зухра и, удерживая стон, проговорила :

Идут верблюды чередой, Кричат за городской стеной. Тахира мясо на продажу Отец - мясник развесил мой.

И шах ничего не посмел ей ответить.

После смерти Тахира надела Зухра черные одежды, закрыла лицо черным покрывалом и оплакивала любимого сорок дней и сорок ночей.

ХАЛАТ ВЕРХОВНОГО КАЗИЯ

Возвращаясь поздно ночью от больного, Насреддин Апанди увидел на улице лежащего без движения человека.

Подошел Апанди, осветил фонарем и видит: лежит в пыли и грязи верховный казий Бухары, совершенно пьяный.

«О, – сказал себе Апанди, – за одну пиалу вина ты, господин верховный казий, приговариваешь несчастного к наказанию по сорок палок. Интересно, сколько ты выпил пиал, если валяешься здесь, как свинья, потеряв человеческий облик».

Пинком ноги Апанди перевернул безжизненное тело, снял с верховного казия шитый золотом халат и чалму и отправился домой.

Верховный казий был настолько пьян, что только на рассвете очнулся. С трудом он поднялся и, крадучись, пробрался в свой дом.

Здесь только верховный казий осмотрелся и увидел, что раздет, а его дорогой золотошвейный халат и чалма индийской кисеи исчезли.

Возмущенный тем, что какой-то вор осмелился ограбить его – самого верховного казия, он решил во что бы то ни стало найти преступника и предать его мучительной казни.

Вызвал он полицейских и приказал им:

– Бегите по городским базарам и того человека, в руках которого окажутся мои халат и чалма, немедленно схватите и приведите сюда.

Полицейские низко поклонились и бросились выполнять приказ.

Верховный казий призвал палача и стал ждать, заранее наслаждаясь мезтью.

Полицейские побежали по базарам Бухары, обшарили, словно псы-ищейки, каждый закоулок и вскоре нашли Апанди с халатом и чалмой верховного казия.

Связав руки Апанди, полицейские притащили его к верховному казию.

– Вот вор, – сказали полицейские.

– Откуда у тебя мой халат и моя чалма? – грозно спросил верховный судья, – говори правду. Видишь палач стоит по правую мою руку.

Тогда, смиренно склонив голову, Апанди ответил:

– Господин, сегодня ночью я натолкнулся на неизвестного, валявшегося в грязи на улице и потерявшего человеческий облик. Человек был совершенно пьян. Я взял у него халат и чалму.

Если этот пьяный были вы, верховный судья, я готов вам вернуть халат и чалму.

Испугался, затрясся верховный казий. Понял он, что будет опозорен на всю Бухару, если народ узнает, что он, верховный казий, предается пьянству.

Милостиво улыбнувшись, верховный казий сказал:

– О, уважаемый Апанди, нам, верховному казию, блюстителю законов не подобает и прикасаться губами к пиале с вином. Тот пьяный, конечно, был не я. Халат и чалма не мои. Иди с миром.

Но вся Бухара знала, кому принадлежали халат и чалма. И народ прославил Апанди, сумевшего осмеять верховного судью.

ДОЧЬ ПАСТУХА

Сказкам-былям счету нет, жили-были много лет, далеко, совсем в глуши, где густые камыши, где водились звери, птицы, сизокрылые синицы, и красавец с крепким клювом, красноперый кыргаул*. Серый волк-бакаул**, ханской кухней ведал он, а лисица-ясаул*** на посылках бегала; ворона-вещунья, знахарка-колдунья, воробей-советник, ябедник и сплетник...

Это только присказка, шутка-прибаутка, хочешь слушать – подожди, сказка будет впереди.

Жил-был когда-то в далекой стране пастух. Жена у него умерла, оставив ему одну-единственную дочку.

Вскоре пастух женился на вдове.

Новая жена привела в дом свою дочь.

Злая мачеха издевалась над падчерицей. Свою дочь она каждый день кормила сдобными лепешками, а падчерице давала кусок черствого хлеба и заставляла выполнять всю тяжелую работу в доме.

У девочки от родной матери осталась корова да петух с курицей.

Мачеха каждый день прогоняла девочку в поле и, дав ей целую охапку хлопкового волокна, наказывала: «Паси корову да напряди ниток».

Где-нибудь в поле, поставив перед собой прялку, девочка принималась за работу. День-деньской она прядла нитки, в полдень быстро съедала кусок черствого хлеба, – размочив его в воде, и снова прядла до захода солнца. Ноникак не успевала она напрядь и половины пряжи.

Мачеха била бедняжку, таскала ее за волосы, щипала до синяков.

Пастух во всем потакал жене и боялся заступиться за родную дочь.

Однажды девочка сидела в поле и прядла, присматривая за коровой. Вдруг налетел сильный ветер, подхватил хлопок и унес.

Девочка побежала за хлопком.

Бежит она следом. Только захочет схватить хлопок, как ветер снова подхватывает его и гонит все – дальше и дальше.

Бежала, бежала бедняжка, а ветер дул все сильнее, унося хлопок в сторону высоких холмов, и, наконец, загнал его в пещеру.

Девочка вбежала в пещеру, смотрит, а там сидит седая старушка с приветливой улыбкой на лице. Это была добрая волшебница.

Приложив руки к груди, девочка сказала:

– Здравствуйте, бабушка!

– Здравствуй, здравствуй, дочка, иди-ка сюда! Какая беда стряслась над твоей головкой? – участливо спросила волшебница.

Девочка все рассказала. Волшебница и говорит:

– А ты, детка, не печалься, скорми своей корове хлопок, который дала тебе мачеха, а потом из ее вымени тяни нитки и сматывай з клубок.

Волшебница погладила девочку по голове и добавила:

– Если свалится на твою голову еще какое-нибудь трудное дело, приходи ко мне. Я сделаю так, что трудное станет легким.

Не чуя под собой ног от радости, побежала девочка к корове и скормила ей весь хлопок. Потом стала тянуть из вымени нитки, словно доила корову. Нитки тянулись тоненькие, ровненькие.

В один миг девочка надоила много-много ниток, смотала их и принесла мачехе. Мачеха злобно напустилась на неё:

– Почему поздно пришла? Поди вычисти коровник, подмети двор!

С той поры девочка каждый день справлялась с работой. Сколько ни даст мачеха хлопка, девочка весь спрядет, смотает в клубочки ровненькие нитки и приносит домой.

Теперь девочку не за что было ругать, бить. Мачеха стала допытываться, почему она прядет так быстро нитки и, наконец, подкараулила.

Смотрит, что за чудо – девочка из вымени коровы нитки вытягивает. Колдовство какое-то.

– Так я и знала, все дело в корове, – сказала мачеха. Стала она уговаривать мужа:

– Уж очень хочется мне говядинки покушать, так и тянет... Если можно, нарежьте для меня корову.

А пастух говорит:

– Ладно.

Зарезал он корову, тушу освежевал и разделал – отделил голову и ноги, порубил кости, разрезал мясо.

Бедная сиротка с плачем пошла к доброй волшебнице и все ей рассказала.

Волшебница погладила девочку по голове и говорит:

– Не плачь, детка, иди домой да собери кости и ноги, шкуру и кровь коровы и зарой где-нибудь в укромном месте. Придет день, когда все это тебе пригодится.

Девочка пошла домой и сделала так, как научила ее добрая волшебница.

Однажды мачеха нарядила свою дочку, намунила, напмадила и собралась с ней на праздничный пир во дворец шаха. Перед тем как уйти, мачеха насыпала решето риса и решето мелкого гороха, смешала все и, поставив перед девочкой, сказала:

– К моему приходу, чтоб ты выбрала все по зернышку, рис отдельно в одно решето, а горох – в другое. – Дала она девочке подзатыльник, закрыла дверь и ушла. Были у девочки петух и курица, оставшиеся от родной матери. Когда бедняжка сидела над решетом и плакала, петух и курица подошли к ней и принялись клевать. Но они не глотали зерна, а клювами перекладывали рис в одно решето, а горох – в другое и так по зернышку-по зернышку быстро отделили горох от риса.

Девочка обрадовалась и побежала к доброй волшебнице. Выслушав ее рассказ, волшебница погладила девочку по головке и сказала:

– Подожди немного, детка, сейчас придут мои дочери, четыре красавицы – пери. Ступай-ка ты с ними на пир в шахский дворец, я отпущу их с тобой. Но сначала ты пойди и откопай зарытые тобой коровьи ноги, голову и шкуру, посмотри, какая там тайна..

Тут, откуда ни возьмись, подходят четыре прекрасные пери и почтительно приветствуют волшебницу.

Дочь пастуха пошла с ними домой, разрыла яму, смотрит, а там вместо коровьей шкуры золототканная шуба. Копыта превратились в сапожки да такие красивые, словно лодочки, а

кровь стала шелковым платьем, и кости-кораллами, алмазами и жемчугом.

Четыре пери нарядили девочку, накинули на плечи золототканную шубу. Лицо девочки сияло, как луна в полнолуние, что бывает в четырнадцатую ночь. Ну, словом, стала она такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Отправилась девочка на пир в сопровождении дочерей волшебницы.

Распорядители пира подумали, что прибыла царевна из какой-нибудь страны, приняли ее с уважением, подхватили под руки, повели в главный зал и усадили на почетное место. А мачеху с ее дочерью никто не приглашал, они так и остались стоять у порога.

Девочке стали подносить самые лучшие кушанья: и леденцы, и всякие сласти, вместо хлеба – сладкое печенье, вместо воды – прохладный шербет.

Когда кончилось угощение, девочка вышла из-за стола и, протянув мачехе остатки, сказала:

– Возьмите и скушайте!

Мать не узнала свою падчерицу, с радостью схватила подачку, дала немного дочке, и стали они есть.

Девочку провожали с пира с большим почетом.

Побежала она домой, да так торопилась, что один сапожок потеряла.

Пока мачеха собиралась да шла, девочка уже успела вернуться и как ни в чем не бывало сидела во дворе.

Но вот пришла мачеха со своей дочерью и давай хвастаться:

– Ах, сколько интересного мы видели! Какое веселье! Какое угощение! И чего только мы ни кушали! Была там одна царевна, красавица! Ну как описать ее? Лицом, словно месяц. А речь, словно сахар, да что там сахар, слаще меда! А на столе так много вкусного. Она покушала и, что осталось, нам дала. Мы ели с наслаждением! А ты сидишь, бездельничаешь? Где горох? Где рис? Что ты с ними сделала?

Девочка вынесла и поставила перед мачехой решето с горохом и решето с рисом. У мачехи от злости дыханье сперло. Она не могла вымолвить ни слова.

На следующий день утром одна женщина нашла надороге красивый сапожок.

– Ну что за сапожок! В жизни не видела я таких красивых сапожков! – удивлялась женщина. Она отправилась во дворец, пошла прямо к шаху и положила перед ним найденный сапожок.

Шах сказал:

– Хозяйка этого сапожка, наверно, очень красива.

Потом он приказал своим придворным:

– Обыщите всю страну, весь свет и найдите мне красавицу – хозяйку этого сапожка.

Две старушки ходили по домам и примеряли сапожок всем девушкам, но ни одной из них он не пришелся по ноге. Стали они расспрашивать:

– Где мы еще не были? Чей дом еще остался?

Им говорят:

– Еще остался дом пастуха.

– Пойдем в дом пастуха, – сказали старушки.

Узнав, что к ним собираются придти старушки, мачеха затолкала падчерицу в печь для лепешек и закрыла отверстие решетом. А свою дочь нарядила, напмадила ипоказала старушкам.

Старушки стали примерять сапожок, смотрят, а пальцы даже в носок не входят. Мачеха вертится, суетится, велит дочке и так надеть, и этак примерить, но ничегоне выходит.

Старушки встали и говорят:

– Ну хватит, пойдемте.

Они уже хотели уходить, а в это время петух и кури-, да взлетели на печку и заговорили

наперебой:

– Куд-куда, куд-куда? Тут-тут-тут посмотрите. Одна из старушек удивленно сказала:

– Да разве курица может говорить? Кажется, в тандыре кто-то есть!

Открыла она тандыр, смотрит, там сидит девушка, прекрасная, как луна. Полюбовавшись ее красотой, старушка стала примерять сапожок, надела на ногу, точь-в-точь, как будто на нее и шили.

Старушки побежали к шаху и поспешили обрадовать его приятной вестью.

– Государь, давайте подарки, нашлась красавица, уж такая стройная, изящная, щечки словно яблочко румяное, губки алые, ротик маленький, с наперсток, а глаза, как звездочки ясные в темном небе, так и горят, так и вспыхивают, ну и красавица! – расхваливали они девушку.

Шах подарил обеим старушкам дорогие обновки, велел одеть их с головы до ног, а сам стал готовиться к свадьбе.

Злоба бушевала в душе у мачехи, душила ее, подступая к горлу. Бросилась она ловить петуха и курицу:

– Я вас проучу!

Поймав бедных птиц, она оторвала им головы.

Наступил день свадебного торжества. Мачеха нарядила дочь в роскошное платье, лицо ей набелила, щеки нарумянила, брови насурьмила, глаза подвела, одним словом сделала все, чтобы только ее дочь понравилась шаху. Закончив сборы в дорогу, мачеха тихонько подкралась к падчерице, схватила ее, выколола оба глаза, отвезла девочку на болото, заросшее густым камышом, и там бросила, а свою дочь проводила во дворец.

Увидел шах свою невесту и ахнул. До того она была безобразна и противна, что он и глядеть на нее не хотел.

«Уж видно мне суждено иметь такую некрасивую жену», – подумал шах.

Но свадьбу уже откладывать было нельзя.

Стала дочь мачехи женой шаха.

В той местности, неподалеку от дома пастуха, жил старый ткач.

Однажды старик пошел нарезать камышинок для намотки ниток.

Подходит он к камышам и видит – лежит девочка ничком и горько плачет. Старик подошел к ней и спросил:

– Ты что плачешь, девочка?

Девочка рассказала ему обо всем, что с ней произошло.

Старик сказал:

– У меня нет сына, ни дочери. Остались мы вдвоем со старухой. Она прядет мне нитки на прялке, а я тку материю. Этим мы живем. Будь нам дочерью.

Он повел девочку к себе в дом. Старушка очень обрадовалась. Девочка была ласковая, послушная, а старушка лучшей дочери и не желала. Бывало засмеется девочка таким звонким смехом, ну просто душа радуется, а из уст ее сыплются пышные розы, яркие весенние цветы. А если заплачет она, то не слезы льются, а шумным весенним дождем сыплется прекрасный сверкающий жемчуг.

Узнала волшебница о том, что девочка живет у ткача и пришла ее проведать. Девочка звонко рассмеялась, из уст ее посыпались розы. Волшебница, обращаясь к ткачу, сказала:

– Положите розы в корзинку, пройдите с ними мимо шахского дворца и покричите: «Цветы, цветы, продаю цветы!» Если выйдет жена шаха и спросит, продаете ли вы цветы и сколько они стоят, вы отвечайте: «Продаю не за деньги, а за пару глаз».

Старик сделал так, как сказала волшебница. Подойдя к воротам дворца, он стал кричать:

– Цветы, цветы, продаю цветы! Вышла на крыльцо жена шаха и спросила:

– Сколько стоят ваши цветы? Старик ответил:

– Цветы продаются за пару глаз.

Жена шаха вспомнила, что в сундуке лежат выколотые у девочки глаза, велела принести, отдала их старику.

Старик вернулся домой. Вечером волшебница вставила девочке глаза, намазав их целебной мазью.

Утром проснулась девочка и почувствовала, как глаза у нее сами раскрылись, вспыхнули и засверкали ярким огнем. Заплакала девочка от радости, а из глаз ее, сверкая чудесными огнями, посыпался драгоценный жемчуг. Засмеялась девочка звонким, радостным смехом, и из уст ее посыпались пышные розы и яркие весенние цветы.

Каждый день старик наполнял корзину цветами и драгоценным жемчугом и носил продавать. Скоро он стал богатым, построил много прекрасных домов, прорыл большие каналы, провел воду в пустыни и степи, засеял и благоустроил новые земли, и степи ожили. Он осушил болота и насадил в них прекрасные сады.

Однажды шах, объезжая свою страну, увидел, что степи и пустыни стали населенными и благоустроенными, а на высоких холмах построены красивые прочные дома. В садах всюду поют соловьи, воркуют горлинки, в зеленой листве мелькают нарядные попугаи, с ветки на ветку порхают разные птицы, наполняя воздух радостным щебетанием.

– Кто благоустроил эти места? – спросил шах.

– Все это сделала красавица-девушка, дочь старого ткача, – ответили люди.

День и ночь думал шах о дочери ткача. "Лишь бы мне хоть раз посмотреть на нее, а потом будь что будет, если даже я умру, жалеть не буду"-Однажды девушка выехала на охоту. Ее сопровождали сорок подруг. Все они ехали верхом, у всех были вороньи кони. Девушка охотилась на одном берегу реки, а на другом – охотился шах.

Шах увидел девушку.

Пораженный ее красотой, он лишился чувств и упал с лошади.

Девушка подъехала, привела в чувство шаха и помогла вернуться во дворец. По дороге она обратилась к шаху с просьбой:

– О государь, если вы сочтете пристойным для себя, то пожалуйте к нам в гости всем своим домом с визирями, с тысячью лучших джигитов.

– Ладно, – сказал шах.

В день приезда шаха по распоряжению девушки зарезали сорок баранов и стали готовить разные вкусные блюда. Шаха приняли в роскошно убранной гостиной и начали угощать.

В полночь девушка вышла к гостям, скрыв лицо свое под белым покрывалом. Взяв в руки дутар, она заиграла и стала рассказывать по порядку о том, что с ней случилось. Окончив рассказ, она сбросила покрывало с лица. Глаза ее вспыхнули, засверкали ярче звезд.

Пастух бросился к своей дочери, обнял ее и сказал со слезами:

– Прости меня, родная, я, как слепой, ничего не видел.

В гневе шах приказал отрубить головы своей жене и теще. Но дочь пастуха стала упрашивать шаха:

– Оставьте их, не убивайте! Чем казнить, лучше прогоните их, пусть они походят, поживут одни на свете.

Шах согласился и прогнал жену и тещу.

Так дочь пастуха достигла своего желанья.

* Кыргаул – фазан.

** Бакаул – лицо, ведавшее кухней в ханском дворце.

*** Ясаул – исполнитель приказаний.

ДОГАДЛИВЫЙ АПАНДИ

Слава о мудрости и учености Апанди широко разнеслась по свету. Вышло тогда падишахское повеление – жить Насреддину Апанди при дворе.

Падишах не отпускал Апанди от себя ни на шаг.

Однажды падишах устроил большую охоту.

Придворные вельможи поспешили разобрать в дворцовой конюшне всех быстроногих коней.

Когда уже охотничий поезд выехал со двора, падишах вдруг увидел, что Апанди нет среди охотников и приказал его немедля разыскать. Скоро Апанди привели пред лицо падишаха.

– Почему ты не едешь на охоту? – сказал падишах. – Бери коня и следуй за нами.

Не хотел Апанди ехать в степь, но делать нечего, надо повиноваться повелению падишаха. Апанди отправился в конюшню. Но там ему удалось найти самую невзрачную лошаденку.

Поехал Апанди на лошаденке на охоту. Вельможи и сам падишах похвалялись своими огневными конями, показывали чудеса ловкости и умения. Бедный Апанди едва поспевал за всеми и должен был выслушать тысячи насмешек и издевательств. Сам падишах изрядно потешался над мудрецом.

– Эй, Апанди, – говорил он, – где ты достал себе такую кляну. Впрочем мудрецам надлежит ездить на ишаках:

Вдруг небо заволочло тучами и полил проливной дождь. Охотники погнали своих коней и, хоть изрядно промокли, но благополучно прибыли во дворец.

Увидел Апанди, что на своей лошаденке он не скоро доберется до города.

«Эге, я совсем промокну», – сказал он себе, – быстро снял одежду, положил ее под седло и так и ехал, пока шел дождь.

Едва только погода прояснилась, Апанди оделся и вернулся во дворец.

Падишах изумился при виде сухой одежды Апанди и спросил:

– Послушай Апанди, какое ты знаешь заклинание, защищающее от дождя? Мы все ехали очень быстро, но все же изрядно промокли, а твоя кляча тащила целый час и ты совсем сухой.

Тогда Апанди ответил:

– Напрасно вы, падишах, смеялись над моей лошади кой. С виду она очень невзрачная, но на самом деле это крылатый конь «Дуль-дуль». Едва начался дождь, он поднялся выше туч и дождь не замочил меня.

Поразился падишах и приказал отправить клячу в самое лучшее стойло и приставить к ней самых лучших конюхов.

Не прошло и нескольких дней, как падишах снова поехал на охоту. Своего чистокровного коня он отдал Апанди, а сам сел на лошаденку.

Изрядно помучился падишах от тряской езды. Не сумел догнать никакой дичи.

И на этот раз разразился ливень.

Апанди хлестнул коня и через несколько минут был уже под крышей.

Но сколько ни нахлестывал плетью падишах своего «Дуль-дуля», он плелся, еле передвигая ноги. Дождь промочил падишаха так, что стал он похож на курицу, попавшую в арык. Только поздно ночью, промерзший и голодный, падишах вернулся во дворец.

Немедленно он приказал позвать Апанди:

– Эй, мудрец, как смел ты меня обмануть. Ты знаешь, что одного слова моего достаточно, чтобы твоя голова слетела с плеч.

Апанди поклонился и сказал:

– О падишах, зачем ты сердишься и даешь желчи разыграться. Это очень вредно для здоровья. Разве нужно быть мудрецом, чтобы, подобно мне, снять во время дождя одежду, положить ее под седло и доехать до города сухим?

ГЛУПЫЙ ШАХ

Когда-то, в давние времена, у одного бедного человека развалился его ветхий домишко, и он решил построить себе новый.

Дом был уже закончен, осталось сделать только крышу, но у бедняка не хватило денег. Сказал он мастеру настелить сверху камышовые циновки, засыпать их наполовину землей и отпустил его.

– Крышу, – сказал он, – я сделаю сам., когда смогу. Поселился бедняк в своем недостроенном доме. Поблизости жил один вор. Увидел он новый дом и подумал: "Этот бедняк, видно, разбогател, новый дом построил. Тут, наверное, можно будет пожить!" Ночью вор влез на крышу и пошел по ней. Только он сделал один шаг, циновки не выдержали, и вор провалился вниз. Упал он прямо на спящего бедняка.

Проснулся бедняк, кинулся ловить вора, но было темно и тот убежал.

Разобрала вора досада на бедняка. На следующий день он пошел с жалобой к шаху.

– Кто ты? Какая у тебя жалоба? – спросил шах.

– О мудрый шах-повелитель! Хотел я обокрасть один дом, поднялся на крышу, а там вместо крыши – циновки. Я провалился вниз, чуть-чуть не сломал себе ногу. – Прошу вас – накажите хозяина этого дома.

Вызвал шах бедняка – хозяина домика.

– Правда, что этот человек ночью провалился сквозь твою крышу? – спросил он.

– Правда, мой шах, – ответил бедняк. – Хорошо еще, что он на меня упал, а то сломал бы ногу.

– Ну, коли правда, повесить хозяина дома! – приказал шах палачам.

Бедняк взмолился:

– О шах, за что же меня вешать, надо вора наказать.

– Молчать! Как ты смеешь учить меня.

Видит бедняк, дело плохо. Не найти справедливости у шаха.

– О шах-повелитель, разве я виноват? – сказал бедняк. – Крышу покрывал кровельщик, это он плохо работал. Положил плохие циновки.

– Ну тогда его освободите, а кровельщика повесьте, – сказал шах.

Палачи поймали кровельщика и повели к виселице. – У меня есть просьба к шаху! – взмолился мастер.

– Что ты хочешь? Говори! – приказал шах.

– О шах, я вовсе не виноват. Виноват мастер, который делал циновки. Он сплел их тонко и редко. Если б циновки были крепкие да прочные, они не продавились бы, когда по ним ходил человек.

Шах отпустил кровельщика и приказал разыскать я привести мастера, который плел циновки.

– Ты сплел циновки? – спросил шах.

– Я, – ответил ремесленник.

– Повесьте его! – крикнул шах. – Все зло в его циновках.

– О мой шах, у меня к вам слово, – сказал ремесленник. – Я всегда плел очень прочные

цыновки, но недавно мой сосед пристрастился к голубям. Когда он пустил своих голубей и они кружились в небе, я на них загляделся. Тут у меня работа пошла хуже, и я сплел редкие, непрочные цыновки. Виноват любитель голубей.

Шах отпустил ремесленника, вызвал любителя голубей и приказал его повесить.

– О шах-повелитель! Моя страсть – гонять голубей да любоваться их полетом. В этом нет большого греха. Кому будет польза от того, что вы меня казните? Чем убивать бедного человека, лучше казните того вора. Народ зажил бы спокойней, – сказал любитель голубей.

– И правда! – согласился шах. – Виноват во всем вор. Найти вора и повесить! – приказал он.

Палачи разыскали вора и повели к виселице. Но виселица была низкая, а вор был высокий и, как ни старались палачи вздернуть вора, ноги его все время касались земли. Палачи пошли к шаху и доложили:

– О повелитель мира, вор слишком высокий, ноги у, него упрутся в землю, никак его не повесишь. Что делать?

Шах возмутился:

– И с такими пустяками вы обращаетесь ко мне? Если вор слишком длинный, разве не можете сходить на перекресток и найти человека ростом пониже? Разве нельзя вместо долговязого повесить коротышку? Неужели даже этого не можете сообразить?

Вышли палачи на улицу и увидели низенького чело-: века, который нес на плече мешок с мукой.

«Э, как раз такой, как сказал шах! – решили палачи. – Повеление шаха должно быть исполнено».

Они схватили низенького человека и привели к виселице.

Тот взмолился:

– Чем я провинился? За что вы хотите меня повесить? В это время к виселице пришел шах полюбоваться казнью.

– У меня есть просьба к шаху! – крикнул низенький человек.

– Говори, какая просьба, – сказал шах.

– О шах-повелитель! Я бедный человек. Собираю в горах хворост, чтобы продавать в городе, да нанимаюсь таскать тяжести людям. Этим и кормлю я семью. Какая за мной вина? Почему вы приказали меня повесить?

– Дурак! – выругался шах. – Откуда я знаю, виноват ты или нет? Нужно повесить одного человека. Я хотел повесить вора, но он слишком длинный, ноги достают до земли. А ты как раз очень подходящего роста, коротышка.

– Шах-повелитель, – взмолился несчастный. – Виноват длинный вор, а вы казните ни в чем неповинного коротышку-бедняка. Где же справедливость! Если вор слишком длинный, прикажите под виселицей подкопать немного землю.

Шах думал-думал и сказал:

– И верно! Он говорит правильно. Отпустите его. Повесьте вора. А под ногами у него выройте яму.

Палачи снова привели к виселице вора, накинули ему петлю на шею и стали рыть у него под ногами яму.

– Скорей, скорей! А то будет поздно. Сейчас же казните меня! – заторопил вор.

– Почему ты так торопишься умирать? – удивился шах.

– Шах-повелитель! В раю только что умер шах. Перед смертью райский шах сказал: «Кто первый умрет и придет в рай, того сделайте шахом». Вот я и тороплюсь. Если меня сразу казнят, я отправлюсь туда и стану шахом, пока еще никто не занял его места. Вешайте меня скорее! – опять закричал вор.

Шаху стало завидно. Шутка ли стать шахом рая? «Дай-ка я сам на том свете стану шахом!» – подумал он и приказал палачам:
– Отпустите вора и повесьте меня!
«Веление шаха должно быть исполнено». Палачи освободили вора и вместо него повесили глупого шаха. Тем дело и кончилось.

ГЮЛИ

Рассказывают, что в далекие времена страной герат-ской и самаркандской правил шах Хусейн Байкара, а первым визирем его был Алишер Навои – поэт и мудрец.

Рассказывают также, что шаха и визиря с юных лет связывали узы товарищества и дружбы. Хусейн не мог и дня прожить, не повидав и не поговорив с Алишером. Ни одно государственное дело не решалось у подножья трона без мудрого совета Алишера.

Однажды, когда шах соизволил отбыть на охоту, Алишер уклонился от чести сопровождать его и, сев на коня, в одиночестве направился в один из отдаленных кварталов города. Были две причины столь непонятого уединения могущественного визиря: мудрый Алишегс не любил жестокого и кровавого развлечения, каким является охота, с другой стороны, его влекла красота глаз одной неведомой красавицы. Вот уже сорок дней назад любовь поразила своим копьем сердце визиря.

Весенним днем проезжая по тихой улочке, Алишер Навои услышал шорох и невольно глянул вверх. Перец, его изумленным взором предстал образ столь чудесный, что сияние луны по сравнению с ним было жалким поблескиванием ржавой медной полушки рядом с дивным блеском великолепного червонца.

Но лишь мгновение мог наслаждаться потрясенный Алишер зрелищем столь совершенной красоты. Прелестное лицо исчезло быстро и бесследно, подобно отражению в зеркале воды, возмущенной легким дуновением ветра.

Смущенный и взволнованный, Алишер удалился, однако с тем, чтобы на следующий день проехать, как бы невзначай, по той же улице и в тот же час.

С тех пор Алишер потерял сон и покой. Каждый день он совершал поездку в тот квартал, где жила обладательница дивных глаз, но так больше ему и не удалось ее увидеть.

Однако через своих верных слуг Алишер узнал, что красавица – дочь простого ремесленника, ткача Абу Салиха и что имя девушки Гюли благоухает подобно цветку розы – гюль...

И вот после долгих раздумий Алишер, наконец, решился посетить отца девушки и поговорить с ним.

Подъехав к дому Абу Салиха, Алишер постучался в калитку. На вопрос: «Кто стучится!» Алишер ответил:

– Странник, – Что тебе, странник, надо? – спросили снова.

– Дома ли почтенный Абу Салих? Калитка открылась и вышел сам Абу Салих?

При виде могущественного визиря бедный ткач испугался и затрепетал, ибо появление властителей жизни в те далекие времена не сулило ничего, кроме горя и бед.

Но Алишер скромно поклонился и попросил разрешения войти.

Ошеломленный и все еще дрожащий Абу Салих проводил визиря к себе в дом и усадил на почетное место.

Алишер – в смущении, а Абу Салих – в страхе и растерянности долго не могли приступить к разговору и только обменивались приветствиями.

Наконец, видя, что дело не подвинулось и на муравьиный шаг, Алишер встал,, почтительно поклонился и сказал:

– О, искуснейший из ткачей, почтеннейший Абу Салих, дозвоьте мне, ничтожному, стать вашим сыном.

От изумления Абу Салих потерял дар речи. Никогда не мог он представить, чтобы к дочери его, простого ткача, какая бы она ни была красавица, мог свататься сам визирь,, опора и щит трона, Алишер Навои.

Вне себя от радости, он обратился с поклоном к Али-шеру:

– Души и тела нашего семейства в ваших руках, господин, и для меня высочайшая честь, что вы соизволили обратить внимание на ничтожную дочь ткача.

– Но, что скажет девушка?

– Долг дочери повиноваться отцу! – воскликнул Абу Салих.

Тогда Алишер Навои в свою очередь поклонился и сказал:

– Я знаю древние обычаи и законы шариата, но есть еще обычаи сердца и законы разума. В любви принуждение – хуже смерти. Если ваша дочь скажет «нет», я удалюсь, покорно склонив голову.

Почтенный Абу Салих бросился на женскую половину и, найдя дочь, сказал:

– Неслыханное счастье свалилось на твою голову, дочка. Ты будешь жить во дворце. Тебя сватает сам визирь Алишер. Я сказал «да», но велик аллах, он странный человек, ему нужно еще и твое согласие! Скорее соглашайся, пока он не передумал. Ему достаточно нахмурить брови и от нашего дома, вместе со мной, со всеми чадами и домочадцами не останется даже горсточка праха.

Гюли нежно улыбнулась отцу и сказала:

– Мой долг повиноваться родителям. А вы скажите визирю: "Моя дочь, ваша рабыня!" Старик вернулся, вне себя от радости, к Алишеру Навои и сказал:

– Я всегда говорил, что Гюли умница. Она согласна! В тот же день Алишер Навои заслал в дом Абу Сали-ха сватов.

Надо сказать, что Алишер Навои был необыкновенным человеком. Он решил лично убедиться в чувствах девушки и стал каждый вечер приезжать в дом своего будущего тестя.

Алишер и Гюли прогуливались по цветнику и могли без помех говорить о своей нежной любви. Алишер декламировал свои новые, полные возвышенных страстей и чувств газели, посвященные Гюли, а Гюли пела звонким, подобным трелям соловья голосом, песни под аккомпанемент домбры. Казалось, счастью молодых влюбленных не будет предела .

День свадьбы близился. Алишер принес уже отцу невесты калым – десять тысяч золотых. Состоялся ни-ках – обручение.

В один из дней, когда Алишер находился в доме любимой, шах Хусейн спросил своих приближенных:

– Я не вижу своего друга и визиря Алишера. Тогда к трону приблизился второй визирь Маджед-дин.

– Позвольте мне сказать, – обратился он к шаху Хусейну, – вот уже сорок и еще сорок дней, как соглядатаи неотступно, по вашему повелению ходят по стопам вашего визиря Алишера, дабы вы знали о поведении его и мыслях.

– Что же узнали наши соглядатаи?

– Государь и повелитель, мысли и побуждения ваших подданных должны быть чище и прозрачнее хрустала. Алишер обманывает вас:

– Что! Как он смеет!

– Да! Алишер лживо говорит вам, что каждый вечер он занимается сочинением новых

стихов. На самом деле он проводит время с девушкой несравненной красоты. Он скрыл от вас, великий шах, бриллиант чистой воды, место которого в венце падишаха. Имя девушки Гюли. Она дочь ткача Абу Салиха.

Когда Алишер Навои явился, шах Хусейн сказал ему:

– Мы решили жениться! На это Алишер спросил:

– Невеста красива? Из хорошей ли она семьи?, – Она красива и отец ее достойный человек.

– Позвольте принести вам поздравления.

Тогда Хусейн хитро улыбнулся и обратился к стоявшим у подножия трона:

– Вы слышите, мой первый визирь одобрил наше решение жениться. Назначаю моего друга и старшего визиря Алишера моим сватом. Немедля собери, друг мой, дары и направляйся в дом девушки.

Не подозревая ничего, Алишер поклонился и сказал:

– Великая честь быть сватом падишаха. А куда я должен ехать?

– В дом ткача Абу Салиха.

Изменился в лице Алишер и с низким поклоном проговорил:

– Я лишен возможности исполнить поручение повелителя.

Впал в ярость шах Хусейн.

– Так, значит, это правда, что ты скрыл от меня свои поступки. Иди же под страхом немилости и сватай мне красавицу.

Но Алишер был тверд и непреклонен в своей любви. Он снова поклонился и сказал:

– Противоестественно было бы, если б жених стал сватать свою невесту для другого, даже когда этот другой сам падишах.

Сказал так и удалился.

Шах Хусейн немедленно подписал фирман об изгнании Алишера из Самарканда, а своим сватом назначил Маджеддина.

Вестником несчастья прискакал на взмыленном коне Алишер в дом ткача Абу Салиха.

В цветнике, среди благоухающих роз, проливая слезы, рассказал Алишер своей любимой Гюли о гибели их любви.

– В этом мире тиранства и притеснения нет счастья для людей, – воскликнул Алишер, сокрушаясь о своем бессилии.

– Пусть я умру, но никогда женой Хусейна не буду, – говорила Гюли.

В то время, когда они так разговаривали, в дом Салиха прибыл визирь Маджеддин с дарами падишаха.

Оставив сидеть знатного свата на почетном месте, Абу Салих вошел в цветник и, не глядя на Алишера, сказал:

– У меня мог быть зятем визирь, но, оказывается, судьбе угодно, чтобы я стал тестем самого падишаха.

Тогда Гюли повторила слова, которые только что сказала она возлюбленному своему Алишеру:

– Пусть я умру, но никогда женой Хусейна не буду.

– Увы мне, – воскликнул Абу Салих, – шах не потерпит твоего отказа. – Он разметет мое жилище в дым и не останется от меня и горсточка пыли.

Абу Салих плакал, стонал, молил не губить его и родных, но Гюли осталась непреклонна.

Выйдя к Маджеддину, Абу Салих упал перед ним ниц и сказал:

– У нее помрачение разума. Она сказала «нет», но я умоляю вас не говорите ничего шаху. Она еще поймет, что лучше быть даже рабыней падишаха, нежели женой визиря.

Маджеддин удалился, сказав, что прибудет за ответом после вечернего намаза. Перед

уходом он поклялся во всеуслышание:

– Клянусь, если девчонка не согласится добровольно, то я приволоку ее во дворец на волосяном аркане.

А девушка удалилась к себе и скоро вернулась с двумя пиалами вина – мусаласа. Вручив одну из них своему возлюбленному, Гюли сказала:

– Разлука горше смерти. В этой чаше вина я вижу избавление от злой участи стать игрушкой в руках падишаха.

Не успел Алишер остановить Гюли, как она выпила вино до дна.

– Там был яд? – спросил Алишер.

Девушка молча кивнула головой. Тогда, не произнеся ни слова, Алишер осушил свою чашу.

– Без любви к моей Гюли для меня нет жизни, – сказал он.

Губы влюбленных слились в поцелуе.

После вечернего намаза в дом ткача Абу Салиха явился Маджеддин. Гюли, опасаясь, что жестокий шах исполнит угрозу и погубит ее родных и разорит дом, сказала отцу:

– Я согласна, но с одним условием – свадьба должна состояться не ранее, чем через сорок дней.

Шах Хусейн приказал готовить пышную свадьбу и осыпал золотом Абу Салиха. Приказ об изгнании Алишера был отменен.

В час свадебного пира Алишер Навои проник в одежде странника в гарем, чтобы проститься со своей возлюбленной.

Он застал Гюли больной. Ужасный приступ изнурительной лихорадки мучил ее. Но она была попрежнему прекрасна, и жаркое сияние ее глаз спорило с холодным мерцанием звезд.

– Я не буду женой падишаха, – сказала Гюли, – яд действует, и я умираю.

– Любимая, – сказал Алишер в глубокой печали, – я тоже пил яд из твоих рук, но я не чувствую и признаков болезни.

Тогда Гюли призналась:

– Не было от сотворения мира, чтобы любящая убила своей рукой любимого. В твоей чаше, душа моей жизни, было чистое вино.

– Несчастный я, – воскликнул Алишер, – зачем ты поступила так жестоко.

Я поступила так, чтобы ты, любимый, никогда не забыл меня.

В тот самый миг в комнату Гюли вбежал разъяренный шах Хусейн. Кто-то из евнухов прошел в пиршественную залу и донес о приходе в гарем Алишера.

В руках шаха была обнаженная сабля.

– Кто бы ни посмел нарушить неприкосновенность моего гарема, – крикнул Хусейн, – тот умрет!

– Тише, не тревожьте ее сон, – говоря так, Алишер показал на Гюли, – о, падишах, выйдем отсюда. Не будем тревожить ее покой.

Шах Хусейн взглянул на Гюли и увидел, что она мертва. Уронив на пол саблю, шах вышел.

Алишер поднял саблю и, выйдя в соседнюю комнату, сказал:

– Ныне ничего больше я не жажду, как только того, чтобы факел моей жизни погрузился в реку забвения. Вот сабля, рази!

И он протянул саблю Хусейну.

Рассказывают, что Хусейн раскаялся в своем поступке, не стал рубить голову своему визирю Алишеру. Более того, он обнял его, поклялся в вечной дружбе.

Мудрый Алишер остался первым визирем государства. Ни одно государственное дело не решалось у подножья трона без совета Алишера.

Но рассказывают также, что Хусейн до скончания дней своих затаил в сердце злобу на

Алишера, ибо, кто не знает, что часто люди становятся врагами именно тех, кому они причиняют сами зло. Боялся также трусливый и жестокий Хусейн, что Алишер станет когда-нибудь мстить ему.

Товариществу и дружбе между шахом и визирем пришел конец. Много горя и бед претерпел Алишер Навои по той причине.

Любовь свою к прекрасной Гюли мудрец и поэт Алишер Навои хранил до своей смерти. Вот почему его взор никогда больше не останавливался ни на одной девушке, даже если своей красотой она могла поспорить; с солнцем, луной и всей плеядой звезд небосвода.

КРАСАВИЦА ТЫСЯЧУ КОСИЧЕК

Давным-давно, никто не знает когда, жил-был в Маргелане шах. У него было три сына и одна дочь. Ни у кого не было таких пышных и густых волос, как у царевны. Заплетала она их во много-много косичек, вот почему и прозвали ее ласково Хазор-гейсу – царевна Тысяча косичек.

Шах очень любил свою дочь, а на сыновей не обращал никакого внимания. Не понравилось это принцам, увезли они однажды тайно свою сестру и продали ее в горах одному мулле за пятнадцать рублей.

Девочка быстро подрастала, она научилась ездить верхом, стрелять из лука, владеть саблей.

Скоро Хазор-гейсу стала очень красива. Откроет глаза и в темной комнате становится светло. А юноши от ее взгляда не могли устоять на ногах.

Слава о красоте Хазор-гейсу дошла до кашгарского султана.

– Такой красавицы не хватает в моем гареме, – сказал он и погладил свою седую бороду.

Не долго думая, приказал нагрузить двадцать верблюдов золотом и послал своего первого визиря в горы купить девушку.

Приезжает визирь в кишлак, где жила Хазор-гейсу и смотрит – около одного дома много собралось народу.

Спрашивает визирь:

– Что здесь случилось? А ему отвечают:

– У этого муллы дочь-красавица Хазор-гейсу. Вот все и хотят хоть уголком глаза ее посмотреть, а зайти в дом боятся, потому что от одного взора девицы все падают в обморок.

Визирь пошел к мулле и предложил за уплату за красавицу двадцать выюков золота.

Мулла не хотел продавать Хазор-гейсу ни за какие деньги, потому что давно решил жениться на ней сам, хоть и был уже в преклонных годах.

Бедняжка Хазор-гейсу знала об этом, но и придумать не могла, как избавиться от готовящейся ей печальной участи стать женой старого беззубого муллы.

Визирь устроил вечером угощение, напоил муллу допьяна и снова начал торговать у него девушку. Ничего больше не соображал мулла, прельстился видом золота и согласился.

А это только и нужно было визирю. Ночью посадил он девушку на коня и поскакал через горы и долины.

Проснулся мулла – нет красавицы. Собрал он односельчан, бросился в погоню и скоро настиг караван визиря.

Стал мулла требовать обратно красавицу, но хитрый визирь пригласил его позавтракать. Расстелил он ковер на краю пропасти, расставил кушанья. Но, едва мулла уселся, как слуги визиря схватили муллу за руки и ноги и бросили в пропасть.

А Хазор-гейсу только крикнула:

– Так тебе и надо. Ищи на дне пропасти другую себе красавицу – смерть.

Боялась Хазор-гейсу покидать родную страну, но волей-неволей пришлось ей ехать в Кашгар с визирем.

Увидел кашгарский султан красавицу и сразу завладела им безумная страсть.

Назначил он день свадьбы, а сам все только и любовался красотой Хазор-гейсу.

Однажды, незадолго до свадьбы, сидела Хазор-гейсу на золотом айване и печально смотрела на далекие горы.. Там была ее родина.

Грустно было красавице, не хотела она выходить замуж за старика султана.

Вдруг смотрит – по улице гарцует всадник на горячем коне. Подъехал он ближе. Видит Хазор-гейсу едет прекрасный юноша. Взоры юноши и красавицы встретились. Пошатнулся юноша, едва удержался в седле.

Но стрела поразила и сердце Хазор-гейсу. Быстро забилось оно.

В волнении убежала девушка в комнату и спросила у своей прислужницы:

– Кто этот юноша?

Прислужница низко поклонилась и ответила:

– Его зовут Шерали. Он сын кашгарского султана. Сказала только Хазор-гейсу: «Ах!», выбежала она на айван, но Шерали уже не было.

Затосковала Хазор-гейсу с той поры еще больше, а Шерали совсем куда-то пропал.

День свадьбы приближался.

Султан кашгарский спросил как-то:

– А где Шерали?

Надо сказать, что кашгарский султан так был ослеплен красотой Хазор-гейсу, что забыл и о своем государстве, и о своих подданных, и даже о своем любимом сыне и наследнике.

Султану ответили, что сын его Шерали очень болен.

Стал себя бить султан в грудь и плакать.

Узнала о его горе красавица Хазор-гейсу, пришла на его половину и сказала:

– Когда я жила в горах, меня горянки научили собирать разные травы и лечить самые трудные болезни. Позволь мне, султан, посмотреть и полечить твоего сына Шерали.

Султан согласился. Приказал вызвать паланкин и Хазор-гейсу отнесли во дворец Шерали.

Увидел Шерали Хазор-гейсу и сразу болезнь его как рукой сняло. Один взор красавицы мгновенно исцелил царевича.

В тот же день Шерали и Хазор-гейсу договорились бежать.

Вернулась Хазор-гейсу во дворец, оделась в мужское платье и через калитку дворцового сада выскользнула на улицу. А там ее уже поджидал Шерали с огневыми конями.

Проснулся утром султан, а ему докладывают – красавица исчезла. Спросил он про Шерали, а ему рассказывают – и сын уехал. Понял султан, что нельзя было позволять Хазор-гейсу встретиться с Шерали, да поздно.

Послал султан погоню за нами, но степи широки, горы высоки, реки глубоки. Где искать влюбленных?..

Шерали и Хазор-гейсу скакали на огневых конях днем и ночью, опасаясь погони.

Усталые, изнывающие от жажды, они подъехали к колодцу в степи.

Ведро у этого колодца было до того большое, что им одним можно было наполнить целый водоем. Вытащить это ведро было под силу только сорока силачам.

Попробовал Шерали вытянуть из колодца ведро, но не смог. Сил не хватило. Засмеялась Хазор и нежной своей ручкой сразу вытащила ведро и наполнила водоем до края.

– Недаром я росла в горах, – сказала красавица. Стал готовить Шерали ужин, а Хазор-гейсу решила пойти и искупаться в водоеме.

За беглецами следили сорок разбойников, жившие по соседству с колодцем. Удивились они,

как это один юноша мог вытащить такое ведро, которое все они сорок человек с трудом всегда вытаскивали.

Но, когда Хазор-гейсу стала купаться в водоеме и косички ее рассыпались по белым плечам, разбойники увидели, что это не юноша, а девушка.

Атаман влюбился в Хазор-гейсу, позвал десять своих разбойников и приказал:

– Поезжайте к колодцу, схватите девушку и привезите ко мне.

Разбойники подскакали к колодцу и, выхватив мечи, закричали Шерали.

– Отдавай красавицу, иначе тебе конец. Перепугался Шерали, задрожал и говорит девушке:

– Что делать? Их десять, а я один. Увы, не лучше ли повиноваться, а то они нас убьют.

Возмутилась Хазор-гейсу.

– Встань в сторону, чтобы я тебя не задела мечом, – крикнула девушка Шерали, вскочила на коня с обнаженным мечом и кинулась, точно тигрица, на ошеломленных разбойников.

Не прошло и минуты, как десять разбойников были перебиты.

Остальные, разбойники перепугались, сели на коней и поскакали кто куда, но Хазор-гейсу с мечом в руках догоняла и рубила их. Увидел атаман, что ему не миновать гибели, нарочно упал с лошади и, обмазав себя кровью убитых, притворился мертвым.

Вернулась Хазор-гейсу к Шерали, улыбнулась ему и сказала:

– Недаром я росла в горах.

Беглецы поехали дальше, а атаман разбойников, крадучись последовал за ними.

Скоро Хазор-гейсу и Шерали добрались до одинокой хижинки и остановились здесь, чтобы дать отдых лошадям и отдохнуть самим.

Наступила ночь, и атаман подкрался к хижинке. Конь Шерали заржал.

Атаман испугался и залез на дерево.

Шерали вышел из хижинки, глянул в одну сторону, глянул в другую, никого не увидел, вернулся в хижинку и лег спать.

Тогда разбойник слез с дерева и снова подкрался к двери хижинки.

Опять конь заржал. Шерали вышел во двор и, не увидев никого, начал бить своего коня нагайкой.

Услышав это, Хазор-гейсу выбежала и говорит:

– Зачем ты бьешь коня? У нас в горах так не делают. Посмотрела она куда глядит конь и видит, что он повернул голову к ближайшему дереву. Хазор-гейсу заметила сидящего в ветвях человека, схватила лук и пустила стрелу. Разбойник упал мертвый.

Среди ночи прилетел со страшным шумом горный див.

Проснулась Хазор-гейсу, закричала:

– Шерали, помоги!

Но Шерали при виде страшного дива упал лицом на землю и начал читать молитву.

Схватил красавицу див и унес.

Шерали поднял голову, осмотрелся, но было уже поздно.

Долго он плакал и, наконец, пустился в путь.

Много дней ехал Шерали и добрался до горы, где жил див.

Жилище дива было окружено высокой железной стеной, без ворот потому, что сам див летал и в воротах не нуждался.

Перебрался через стену Шерали и попал в великолепный сад. Всюду били фонтаны, цвели цветы, на деревьях пели райские птицы.

Шерали пошел искать Хазор-гейсу и нашел ее спящей в беседке из изумрудов.

Разбудил он красавицу.

Нам нужно торопиться уходить, – сказала она, – сейчас прилетит див и будет тебе,

бедненький мой, плохо.

Перебрались они через стену, сели на коней и поскакали.

Вдруг загремел гром, прилетел страшный див и начал пускать в беглецов огненные стрелы.

Испугался Шерали и спрятался за камень. Но Хазор-гейсу не растерялась. Схватила она саблю Шерали и бросилась на горного духа, замахнулась и ударила его. Сразу стало темно, загремел гром, и Шерали и Хазор-гейсу упали в обморок.

Когда они очнулись, было снова светло, а около них стоял прекрасный юноша.

Поклонился он до земли девушке и сказал:

– О красавица, вот уже много лет, как свирепая Алмауз-кампыр заколдовала меня и превратила в страшного, волосатого дива. Я полюбил тебя с одного взгляда и похитил из хижины. Но увы, в отвратительном облике дива я не смел и приблизиться к тебе. Ударом меча в твоей нежной руке ты, красавица, сняла с меня заклятие. Теперь я стал снова человеком. Выходи за меня. Будь моей женой.

Опустила стыдливо глаза Хазор-гейсу, зарумянились ее щеки и протянула она нежную свою ручку богатырю-диву.

Сели они на коней и уехали.

– А, Шерали? – спросите вы.

Шерали отправился в Кашгар вымаливать прощение у своего папаши султана.

БРАТЯ-ОТГАДЧИКИ

Жил в некотором государстве мудрый старик. А у старика было три сына-Когда пришло время старику умирать, призвал он к себе сыновей и говорит:

– Дети мои, настал мой смертный час. Нет у меня ни стада, ни золота, ни самоцветных камней, но я вам дал самое драгоценное из всех богатств на земле-научил вас уму-разуму, и могу умереть спокойно.

Старик умер.

Много ли, мало ли прошло с тех пор времени, только собрались братья, посоветовались и решили:

«Пойдем-ка мы странствовать по земле. Как-нибудь проживем, зато еще больше ума-разума наберемся и тем приумножим отцовское наследство».

Заготовили братья на дорогу припасов и отправились в путь.

Шли они, минуя пустынные степи и доли, переваливали через высокие горы. Шли долго – сорок дней шли.

Вот уже кончились у них запасы. Мучил их голод, мучила жажда. Братья выбивались из последних сил.

В это время впереди показались деревья, там был какой-то город.

«Теперь мы в жилые места пришли», – обрадовались братья и, хоть очень у них болели ноги, ускорили шаг.

Идут братья – впереди старший, за ним двое младших. Вдруг старший брат остановился, обернулся и говорит:

– Раньше нас здесь по дороге верблюд прошел. Через пять-шесть шагов средний сказал: Верблюд был кривой на один глаз.

Немного погодя заговорил младший:

– На том верблюде сидела женгдина.

Прошли братья еще немного, тут их догнал верховой с саблей на поясе. Верховой оглядел

внимательно всех троих.

А старший брат и говорит ему:

– Пропажу разыскиваете, путник?

Верховой придержал коня.

– Пропажу (разыскиваю, – говорит.

– Верблюд пропал? – спрашивает старший брат.

– Верблюд, – отвечает верховой...

Тут в разговор вмешался средний брат:

– Верблюд был кривой на один глаз?

– Да, он был кривой, – ответил верховой.

– А на верблюде ехала женщина? – спросил младший брат.

Верховой взглянул на братьев еще пристальнее и говорит:

– Ага, значит мой верблюд у вас. Куда вы его дели?

– Мы твоего верблюда не видали, – ответили ему братья.

– А если не видали, откуда вам знать его приметы? – спрашивает верховой.

– Мы по догадкам знаем. Верблюд твой ушел в ту сторону. Поезжай скорей и найдешь его, – ответили ему братья.

– Нет, – говорит хозяин верблюда, – верблюд мой у вас.

Тут всадник выхватил из ножен саблю и велел братьям следовать за ним. Пригнал он их прямо ко дворцу шаха той страны.

Братьев он оставил у ворот, под присмотром стражи, а сам прошел во дворец и рассказал все шаху.

Всадник тот был воином шаха. Он перекочевывал со своим скотом в горы, жена его ехала на верблюде, но отстала, сбилась с дороги и потерялась вместе с верблюдом.

Шах выслушал воина и говорит:

– Если ты ничего им не говорил, а они сами рассказали все приметы, значит они спрятали и верблюда и твою жену. Веди молодчиков сюда-Воин вышел и вернулся с тремя братьями. Братья низко поклонились шаху.

– Эй, воры! Куда вы девали верблюда? Где жена моего воина? – грозно закричал шах.

– Мы не видели ни его верблюда, ни его жены, – ответили братья.

Шах сказал:

– Мой воин ни о чем у вас не спрашивал, вы сами рассказали все приметы верблюда и что на верблюде была женщина. Как же вы смее отпираться?

– О шах! – ответили ему братья. – Мы много нужды перенесли, много странствовали по свету, учились доходить до всего разумом. О верблюде мы по догадкам своим сказали.

Шах недоверчиво засмеялся:

– Можно ли знать по догадкам о том, чего никогда не видел?

Тут он взглянул на своего визиря и что-то сказал ему на ухо. Визирь тотчас поднялся и вышел из дворца.

Немного погодя двое слуг принесли на носилках большой сундук и поставили его перед дверью на виду у шаха. Братья издали смотрели, как слуги несли, как ставили сундук.

Шах сказал:

– Эй, воры! Угадайте, что в сундуке. Не угадаете, прикажу отрубить вам головы.

– Что бы там ни было, в сундуке есть одна вещь, – сказал старший брат.

– И вещь та круглая, – добавил средний.

– В сундуке лежит один гранат, – догадался младший-Шах приказал:

– Несите сюда сундук.

Слуги исполнили приказ. Шах открыл сундук, заглянул в него, а в нем и вправду оказался один гранат.

Шах взял гранат и показал его всем. Потом, обратившись к воину, сказал:

– Видать, эти люди не воры. Они в самом деле отгадчики. Иди, ищи своего верблюда в другом месте.

Все, кто был во дворце, подивились догадливости братьев.

Шах сам вынес большой поднос с хлебом и поставил перед ними.

Кушайте, гости дорогие, – сказал он, – угощайтесь.

Братья переглянулись между собой, улыбнулись и, отведав по кусочку, завязали хлеб в платок.

«Это все-таки воры, – подумал шах, – они даже меня не боятся, над моим угощением смеются. Отпущу-ка я их. Они пойдут в чайхану ночевать, а я подслушаю их разговоры. Может быть, и про верблюда узнаю».

Шах отпустил братьев.

– Можете идти, куда хотите, – сказал он. Братья покинули дворец и направились в чайхану.

А шах, переодевшись в старый халат, пошел за ними. В чайхане братья уселись на деревянном помосте и потребовали чаю.

За чаем старший брат спросил:

– Что вы заметили?

– А ты? – спросили в свою очередь младшие.

– Я думаю, что шах из простых людей. Он сын хлебопека, – ответил старший.

Шах удивился, пошел к матери и спрашивает:

– Скажи мне – я сын шаха или простого человека? – Почему ты спрашиваешь? – говорит ему мать.

– Я не знаю, кто я, вот и спрашиваю. Мать и говорит ему:

– Муж мой был шахом – Детей у нас не было. Жил у нас слуга – хлебопек. Жена хлебопека родила мальчика, а сама умерла. Хлебопек завернул ребенка в тряпки и ночью пришел со слезами к нам. «Возьмите, – говорит, – его, воспитайте, и пусть он будет вам сыном – У меня не на что нанять ему кормилицу». Мы с шахом обещали хлебопеку воспитать его сына, а он дал клятву никогда никому не говорить об этом. Наутро по всей стране было объявлено, мол, жена шаха родила сына. Когда мальчик подрос, – это был ты, – старый шах умер, а его богатства и царство достались тебе.

Наутро шах снова позвал к себе трех братьев. Когда братья пришли, он усадил их с почетом, поставил перед ними угощение и сказал:

– Дорогие гости мои! Кто из вас спросил у путника, не потерял ли он верблюда?

Старший брат встал и, поклонившись, сказал:

– Это я, господин.

– Откуда ты мог знать, что воин потерял верблюда? – спросил шах.

– По следу я узнал, что перед нами прошел верблюд, и потому подумал, что воин этот ищет верблюда, – ответил старший брат.

– А кто из вас сказал, что верблюд кривой на один глаз? – снова спросил шах.

Тут встал средний брат и с поклоном сказал:

– Это я, господин., – Не видел верблюда, откуда ты мог знать, что он кривой на один глаз? – спросил шах.

– Я догадался, потому что по одной стороне тропинки трава кое-где была объедена, а с другой стороны вся трава была цела, – ответил средний брат-Шах спросил:

– А кто из вас узнал, что на верблюде ехала женщина?

Тут встал младший брат и, поклонившись, сказал шаху:

– Это я, господин мой.

– Откуда ты мог узнать это? – спросил шах.

– Я видел, что верблюд в одном месте становился на колени, а сбоку на песке остались следы маленьких каушей. По ним я узнал, что то была женщина.

Шах спросил:

– А как вы узнали, что в сундуке один гранат?

– После смерти отца мы пожелали отправиться странствовать, – ответил старший брат. – Мы условились обо всем, что повстречается нам, судить хорошенько, да умом раскидывать. Сундук несли двое слуг, но было заметно, что он не тяжелый, коль скоро ты велел принести сундук, чтобы проверить нас, я решил, что сундук не может быть пустым.

– А я слышал, как в сундуке, когда его ставили, что-то перекатывалось. И догадался, что вещь круглая, – сказал средний брат.

– Ну, а я подумал, если в сундуке одна вещь, то она должна быть редкостной, и решил, что там может быть гранат, – добавил младший брат.

– Так, – сказал шах. – А как же вы узнали, что я сын простого хлебопека?

Младший брат встал, отвесил низкий поклон и сказал:

– Доказать правоту своих слов шаху – все равно, что устоять на лезвии меча. Вы не одарили нас золотом, не пожаловали высокими должностями, как это делают другие шахи, а дали нам поднос с хлебом. Вот мы и решили: хлеб для этого человека превыше золота и должностей, значит, он сын хлебопека.

Шах долго думал над словами братьев, потом сказал:

– Я стар и немощен. Мне уж трудно отличать белое от черного. Мне нужен покой, а перед вами открыта дорога. Вы молоды, научены уму-разуму. Вам легче отличать хорошее от плохого. Вам больше к лицу править страной и народом.

Шах назначил братьев визирями.

Так братья-отгадчики, учась уму-разуму, достигли высоких степеней.

БЕЙ, ДУБИНКА!

Давно-давно жил один старик-охотник со своей женой-старушкой.

Однажды поставил старик силок и сел караулить. Смотрит – в силок попал большой аист. Подбежал старик и стал вытаскивать аиста! Вдруг аист заговорил человеческим голосом:

– Отпусти меня, старик. Я у аистов вожак. Отпусти меня – дам тебе всё, что ты ни пожелаешь. Мой дом – вон за теми горами. Кого ни спросишь, где дом аиста, всякий тебе покажет.

Старик отпустил аиста на волю.

Назавтра старик встал с утра пораньше и пошел в путь-дорогу – к аисту за подарком. Шел он мало ли, много ли, стороной ли, дорогой ли, шел-шел и дошел до места, где паслись бараны.

– Чьи это бараны? – спросил старик у пастуха – Это бараны аиста, – ответил пастух.

Пошел старик дальше. Видит – пасется табун лошадей.

– Чьи это кони? – спросил старик у табунщика – Это табун аиста, – ответил табунщик.

– Послушай-ка, – сказал старик, – аист обещал мне подарок. Что мне просить у него?

– У аиста есть корчажка. Как только скажешь: «Кипи, моя корчажка», она сразу закипит и из нее посыплется золото. Проси эту корчажку, – посоветовал табунщик.

Старик продолжал свой путь. Шел он мало ли, много ли, стороной ли, дорогой ли, через

степи, через горы, через, реки и озера, шел семь дней и семь ночей и, наконец, подошел к дому аиста.

– Мир вам! – сказал старик, перешагнув через порог.

Аист щелкнул клювом.

– Ляк-ляк. Если б не твое приветствие, я клюнул бы тебя раз и проглотил. Ты, должно быть, пришел за подарком? Ну, что ты хочешь? Проси!

– У вас есть «кипи, моя корчажка», – сказал старик, – дайте мне ее. Аист задумался.

– Старик, зачем тебе корчажка? Лучше я дам тебе полное блюдо золота, – стал уговаривать аист.

Но старик не соглашался.

Подарил аист старику корчажку.

Взял старик корчажку и отправился домой.

Шел он мало ли, много ли, шел он степью, шел дорогой и, наконец, добрался до кишлака. Зашел он отдохнуть к знакомому.

– Посмотрите за этой корчажкой, – попросил он хозяина, – я немного отдохну, а быть может вздремну. Но только не говорите: «Кипи, моя корчажка», – предупредил он.

Едва старик уснул, хозяин закричал: «Кипи, моя корчажка!» Из нее посыпались золотые монеты. Хозяин спрятал волшебную корчажку, а вместо нее принес простую корчажку, с виду точно такую же.

Проснулся старик, взял корчажку и отправился в путь.

Шел он мало ли, много ли, шел знакомою дорогой, шел семь дней и семь ночей и, наконец, пришел домой.

– Ну, старуха, расстилай скатерть, сейчас наберем золота и разбогатеем.

Старуха расстелила скатерть – Старик поставил корчажку на середину и закричал, что было силы:

– Кипи моя, корчажка!

Но корчажка не кипела, и золото не появлялось. Старик опять закричал, но корчажка не закипала. Разозлился старик, раскричался:

– Ах, проклятье тебе, аист. Обманул ты меня, дал простую корчажку. Завтра пойду и буду просить другой подарок.

На другой день рано утром старик отправился в путь. Пришел он к табунщику и говорит:

– Аист меня обманул. Какой подарок попросить мне теперь?

Пастух подумал и сказал:

– Есть у аиста «скатерть, раскройся!» Расстелешь ее и как скажешь: «скатерть, раскройся!», тотчас же появятся на ней разные яства. Проси ту скатерть.

Пришел старик к аисту и, переступив через порог, говорит:

– Мир вам!

– Ляк-ляк, – щелкнул клювом аист. – Если бы не твое приветствие, я клюнул бы тебя раз и проглотил. В прошлый раз я дал тебе корчажку, которая сама кипит. Что, ты ею уже не доволен? – спросил он.

Старик рассказал обо всем, что случилось, и добавил:

– Ты меня обманул, вместо кипящей корчажки дал простую. Вот я и пришел теперь просить у тебя "скатерть, раскройся!" Аист подарил старику «скатерть, раскройся!» Взял старик скатерть и отправился в обратный путь. Шел он мало ли, много ли и, наконец, пришел в тот самый кишлак, где он уже был.

– Вот вам скатерть, – сказал старик своему знакомому, – посмотрите за ней, пока я отдохну, а быть может вздремну немного – Только не говорите: «скатерть, раскройся!».

Когда старик уснул, хозяин крикнул: «Скатерть, раскройся!» и сразу же на ней появилось семьдесят различных яств. Хозяин быстро все унес в другую комнату, а вместо волшебной скатерти положил другую, с виду совсем такую же. Старик проснулся, взял эту скатерть и отправился в путь.

Придя домой, он сказал:

– Ну, старуха, угощу тебя, чем ты хочешь, говори сейчас всё будет готово.

Он расстелил скатерть и крикнул:

– Скатерть, раскройся!

Но, как он ни кричал, на скатерти было пусто, никакие кушанья не появлялись. Старик разозлился.

– Второй раз обманул меня аист, завтра же пойду, буду просить другой подарок, – сказал он.

На другой день на рассвете старик отправился в путь.

Пришел он к табунщику, рассказал ему все и спросил: – Что же теперь просить мне у аиста?

– Видно, у тебя много врагов, – сказал пастух. – Проси у аиста дубинку, которая сама бьет. Как только скажешь: «Бей, дубинка!», кто бы ни был перед тобой, всех побьет.

Старик не стал медлить и пошел дальше. Войдя в дом аиста, он сказал:

– Мир вам!

– Ляк-ляк, – щелкнул клювом аист. – Если бы не твое приветствие, я клюнул бы тебя раз и проглотил. Зачем опять пришел? Кипящую корчажку получил, волшебную скатерть получил, чего еще надо?

– И в этот раз ты меня обманул, – сказал старик. – Вместо волшебной скатерти дал мне другую. Теперь я прошу у тебя совсем настоящую вещь: дай мне дубинку, которая сама бьет.

– Хочешь взять дубинку, бери, она мне не нужна, – сказал аист и подарил старику дубинку, которая сама бьет.

Взял старик дубинку и отправился в обратный путь. Шел он мало ли, много ли, но, наконец, пришел в тот кишлак, где и раньше останавливался.

– Подержите-ка вот эту дубинку, – сказал он знакомому, – я немного отдохну, а быть может и сосну. Только не говорите: «Бей, дубинка!» – предупредил он.

Как только старик уснул, хозяин крикнул: "Бей, дубинка!" Тут дубинка и пустилась колотить всех, кто был в доме. Старик проснулся и прибежал на крик. Все с плачем бросились к нему и стали просить.

– Остановите дубинку. Мы взяли вашу корчажку и скатерть. Простите нас, мы все отдадим, только остановите дубинку!

– Стой, дубинка! – крикнул старик, и дубинка остановилась.

Тогда хозяйка вынесла из другой комнаты волшебные корчажку и скатерть и отдала старику. Старик отправился в путь – Шел он много ли, мало ли, долго шел, прошел через степи, через горы, через реки и озера, шел семь дней и семь ночей и, наконец, дошел до своего дома.

Поставил он корчажку и крикнул:

– Кипи, моя корчажка!

Корчажка закипела, и из нее посыпались золотые. Старик со старухой не успевали собирать. Потом старик крикнул:

– Скатерть, раскройся!

Скатерть раскрылась, и на ней оказалось семьдесят различных яств. Ни разу в жизни своей ничего подобного не видели старик со старухой. Они пили и ели, что хотели.

Узнал хан той страны, что старик-охотник где-то достал волшебную корчажку и такую же скатерть, и послал к нему своего визиря.

– Отдай корчажку и скатерть, – сказал визирь. Старик крикнул:

– Бей, дубинка!

Отколотила дубинка визиря, еле-еле он ноги унес. Хан собрал тогда семитысячное войско и наутро выстроил его перед домом старика.

– Ну, старик, выходи на бой, если есть еще у тебя душа в теле! – закричал хан.

Старик раскрыл двери, да как крикнет: . – Бей, дубинка!

И пошла дубинка колотить ханских воинов, еле-еле они ноги унесли.

Под конец дубинка добралась до хана и стала его бить.

Хан завопил:

– Старик, останови свою дубинку! Спаси меня от смерти.

А старик стоит себе у дверей своего дома, посмеивается:

– Не будешь другой раз зариться на добро бедняков. Так старик-охотник и его старушка-жена достигли своих желаний.

ЦАРЬ-САМОДУР И ЕГО ДОЧЬ

Жил-был царь-самодур, а у него росла единственная дочь – красавица.

Долго думал царь, за кого бы выдать ему дочку замуж и придумал хитрую загадку.

Раскормил он блоху до того, что стала она ростом с верблюда.

Приказал царь зарезать блоху, снять с нее шкуру и послал во все стороны глашатаев.

Глашатаи кричали:

– У кого есть уши, пусть слушает! Кто узнает, чья лежит во дворце шкура, за того царь выдаст свою дочь.

Со всего царства собирались во дворец люди посмотреть, что это за шкура. Каждому хотелось отгадать загадку и взять себе в жены красавицу-царевну.

Но никто не мог узнать, чья это шкура.

А царь-самодур сидел на троне, хихикал и потирал руки.

Каждому, кто ошибался, давали по десять палок по спине и выгоняли из дворца.

Во дворце жил болтливый прислужник. Знал он тайну царя, но боялся проболтаться.

Смотрел прислужник, смотрел, как колотят неудачливых женихов палками, подошел к колодцу " шепнул:

– Хи, хи, глупцы, не догадаются, что шкура снята с блохи.

А в колодце жил колдун – водяной. Услышал он, что сказал дворцовый прислужник, одел на себя лохмотья и под видом нищего явился во дворец.

Караульные увидели нищего, закричали, зашумели:

– Эй, ты, оборванец, убирайся! Колдун их спросил:

– А разве не сказал царь, что выдаст дочь замуж за того, кто отгадает чья шкура?

Караульные ему в ответ:

– Как ты, паршивый нищий, можешь узнать чья это шкура, когда самые знатные, самые благородные вельможи государства не узнали. И только сейчас себе спину почесывают. Проваливай пока цел.

Прогнали караульные нищего прочь.

Но колдун каждый день приходил снова и снова.

Надоел он караульным и те доложили царю:

– Какой-то нищий говорит, что знает, чья это шкура. Приказал царь привести нищего в тронный зал.

– Чья это шкура? – спросил царь. – Только быстро отвечай. Всем я давал по десять палок, а

тебе за твою наглость прикажу дать двадцать.

Колдун посмотрел на шкуру и говорит: – Да это же блоха.

Рассердился царь, что надо какому-то нищему отдавать дочь и завопил:

– Гоните его отсюда!

Бросились прислужники выполнять повеление царя, но колдун сорвал с головы шапку и подбросил ее вверх. Сразу стало темно, не видно ни зги.

Перепугался царь и начал просить колдуна:

– Смилуйся! Отдам тебе дочь, только сделай все попрежнему.

Колдун надел шапку на голову и сразу стало светло. Почесал себе затылок царь и пошел к жене.

– Придется нам иметь зятем паршивого нищего, иначе он все царство погубит.

Позвал он затем дочь-красавицу и сказал ей:

– Выдаю тебя замуж. Даю тебе в приданое сорок рабынь, сорок рабов и сорок ослов, с золотом.

Заплакала горько бедная царевна. Не хотелось ей выходить за старого, плешивого нищего, да еще колдуна. Но царь прикрикнул на нее, топнул ногой и ей пришлось согласиться.

Не успел закончиться свадебный пир, колдун начал собираться в дорогу.

Пошла царевна на конюшню взять себе коня.

Выбрала она было себе красавца-аргамака и вдруг небольшая лошадка-замухрышка заговорила человеческим голосом:

– Возьми меня, не пожалеешь. Только захвати с собой зеркальце, гребенку, щепотку соли и стручок красного перца – все это тебе пригодится.

Царевна поступила так, как ей сказала лошадка-замухрышка.

Привели во двор дворца сорок рабов, сорок рабынь, сорок ослов, груженных золотом. Посадили царевну на лошадку-замухрышку, и жених-колдун повез невесту к себе домой.

Царь, довольный, что избавился от такого опасного колдуна, запер ворота и пошел в свою опочивальню.

Как только свадебный поезд выехал из города, колдун кинулся на караван и начал глотать и рабов, и рабынь, и ослов.

– Ой! Ой! – испугалась царевна, – да он так и меня проглотит.

Но лошадка-замухрышка тихо ей сказала:

– Скажи своему мужу-колдуну, чтобы он ехал впереди и показывал дорогу.

Царевна попросила колдуна, он уехал вперед.

– Теперь ударь меня нагайкой посильней, – сказала лошадка-замухрышка, – и я поскачу.

Ударила лошадку-замухрышку царевна и помчались они, словно ветер.

Оглянулся колдун, видит, а царевны нет. Зарычал он от ярости и бросился в погоню.

Видит царевна – колдун нагоняет ее.

– Лошадка, лошадка, что мне делать? – спрашивает царевна.

– Брось на землю стручок красного перца, – говорит лошадка-замухрышка.

Царевна так и сделала, и вся степь на сотни верст покрылась густыми колючими кустами.

Колдун бежал босиком и сразу себе поранил ноги. Он начал кричать от боли и бегать взад и вперед, разыскивая дорогу.

Тем временем царевна ускакала очень далеко.

Колдун, наконец, пробрался через кустарник и снова начал догонять царевну. Тогда лошадка-замухрышка посоветовала царевне насыпать на землю соли.

И тут вся степь покрылась горячим песком, солью и превратилась в пустыню. Колдун бежал, бежал и от жары и жажды потерял силы, а царевна ускакала еще дальше прежнего.

Долго бродил колдун по пустыне, нашел колодец, напился, отдохнул и снова погнался за царевной.

По совету лошадки-замухрышки, царевна бросила гребенку и тогда между ней и колдуном выросли до самых небес горы.

Колдун полез на скалы, ободрал себе все когти, но перебраться через горы не смог. Тогда он вырвал себе зуб и начал рубить гору. Работал колдун долго и, наконец, прокопал в горе ход.

Снова колдун пустился в погоню за царевной.

Расстояние между ними делалось все меньше и меньше. Вот-вот колдун их нагонит.

По совету лошадки-замухрышки, царевна бросила на землю зеркальце и тогда между ними образовалась глубокая река.

По реке в лодке плыл молодой рыбак.

– Эй, джигит, – окликнул его колдун, – перевези меня на ту сторону.

– А что ты мне заплатишь?

– Десять червонцев.

Рыбак пристал к берегу, взял в лодку колдуна и поплыли они на другую сторону. Когда оставалось совсем мало плыть, колдун подумал:

«Зачем я буду платить рыбаку десять червонцев, – вытащил нож и кинулся на рыбака».

Но рыбак успел схватить колдуна за руку. Начали они бороться, рыбак отнял нож у колдуна и хотел уже столкнуть колдуна в воду.

– Пощади, – закричал колдун, – я добрый, я хороший, я озолочу тебя.

Царевна видела все, подъехала на своей лошадке-замухрышке к берегу и крикнула рыбаку: Не верь ему. Он коварный колдун.

Рыбак бросил колдуна в реку. Он тут же утонул. Лошадка-замухрышка быстро домчала красавицу-царевну в город к шаху-самодуру. Пришла она к отцу и сказала: – Пусть приведут рыбака во дворец. Царь-самодур послал стражников. Схватили они Молодого рыбака.

– Куда вы меня ведете? – спросил рыбак.

– К царю, наверно ты большой злодей и тебя повесят. Закручинился молодой рыбак, но что поделаешь. При-вели его во дворец.

Царь-самодур спрашивает:

– Какое преступление ты совершил?

– О великий шах, никакого греха за собой не знаю.

– Эй, палач, – закричал шах-самодур, – отрубить ему голову за то, что он не знает за собой греха.

Но тут выбежала из своих покоев красавица-царевна, заплакала, затопала ногами на палача. Палач убежал.

– Да если бы не этот рыбак, – сказала царевна, – меня в живых бы не было.

– Ладно, – сказал шах-самодур, – тогда пусть идет туда, откуда пришел.

– Ну нет, я выйду за него замуж. И вышла.

ЮНОША С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ

В старые времена жил один виноградарь. Он был сильно опечален тем, что у него не было детей.

А на горе жила Алмауз-кампыр, старая-престарая колдунья. Голова у нее была с большую киргизскую юрту, рот-величиной с дверь.

Служили колдунье сорок дивов, и никто не мог их одолеть.

На обед Алмауз-кампыр съедала целого верблюда, на ужин семь баранов. Пищу она себе готовила в котле, который не могли поднять и сорок человек. Особенно Алмауз-кампыр любила человечье мясо и часто ходила по селам и городам и воровала малых детей.

Пришла как-то Алмауз-кампыр в кишлак, где жил виноградарь, и стала просить милостыню. Услышал виноградарь ее голос и вышел к воротам.

– Эй, человек, – сказала Алмауз-кампыр, – скажи чего ты хочешь, – я все могу.

– У меня все есть, – сказал виноградарь, – только нет у меня сына. Некому будет сложить мои кости в могилу, когда я умру.

Тогда Алмауз-кампыр вынула из сумы яблоко и сказала:

– Дай своей жене съесть это яблоко и у тебя родится сын, но только ставлю тебе условие. Как только исполнится твоему сыну семь лет, ты отдашь его мне, я его научу уму-разуму.

Как сказала Алмауз-кампыр, так и было. Родился у жены виноградаря сын. Был он очень красивый и веселый мальчик.

Виноградарь сильно полюбил его и всегда играл с ним сам.

Но вот прошло семь лет и точно год в год, день в день, час в час Алмауз-кампыр пришла в кишлак.

– Семь лет прошло, я пришла за твоим сыном.

– Бабушка, – сказал виноградарь, – оставь мне сыночка, а взамен лучше возьми, что только твоей душе угодно. Я ничего не пожалею. Отдам и дом, и быков и виноградник.

Но никакие уговоры не помогли, и Алмауз-кампыр увела с собой семилетнего сына виноградаря.

Вот идут они по дороге, а навстречу идет старушка (а была это добрая пери). Отвела она в сторону мальчика и говорит ему:

– Сынок, знаешь, куда и с кем ты идешь? Это Алмауз-кампыр. Приведет она тебя к себе домой и заставит разжигать под котлом огонь. Когда котел нагреется, Алмауз-кампыр иарежет кусочками целый курдюк сала, бросит в котел и прикажет тебе мешать его шумовкой. Тут ты и остерегайся. Скажи: «Бабушка, ты сама помешай сало, покажи, как это делается». Как только злая колдунья возьмет шумовку и нагнется, столкни ее в котел.

Сказала эти слова добрая пери и исчезла. А мальчик пошел дальше за Алмауз-кампыр.

Все случилось так, как говорила добрая пери.

Стала Алмауз-кампыр топить сало и приказала мальчику его мешать шумовкой.

– Покажите мне бабушка, – попросил мальчик, – как это делается, поучите меня.

Взяла Алмауз-кампыр шумовку, наклонилась над котлом, а мальчик изловчился и толкнул ее.

– Пш-пш-пш! – зашипело в котле. Алмауз-кампыр тут и кончилась.

Захотел мальчик помыть руки, смотрит стоит кувшинчик, полил себе на руки, на голову и стали у него волосы золотые.

Пошел мальчик бродить по дому злой колдуньи. Видит, ходит кошка, а на шее у нее висит сорок ключей.

Открыл первым ключом мальчик дверь от большой комнаты, а в ней сорок детей и все они плачут и кричат. Выпустил мальчик детей на волю, а сам стал смотреть, что в других комнатах. А в них было добра видимо-невидимо. Когда мальчик открыл тридцать восьмую дверь, в этой комнате оказалось три добрых дива. Тридцать девятая комната была конюшней, в которой стояло три чистокровных скакуна. А в сороковой комнате в трех золотых клетках сидели три невиданной красоты птицы. Вышел мальчик из дому и не знает, что ему делать. Тогда добрые дивы дали ему по кольцу, птицы по перышку, а кони по волоску из своих хвостов.

– Мальчик с золотыми волосами, – сказали в один голос добрые дивы, птицы и кони, – когда

с тобой случится беда, ты возьми по кольцу, по перышку, по волоску брось их в огонь и мы сейчас же явимся к тебе на выручку. Сейчас лучше уходи отсюда, а то вот-вот прилетят злые дивы – слуги Алмауз-кампыр.

Не стал мальчик с золотыми волосами оставаться в доме страшной Алмауз-кампыр и ушел.

Долго ли он шел, мало ли шел, но пришел он, наконец, к старой покосившейся хижине.

Вышла из хижины старуха – добрая пери и спрашивает:

– Эй, мальчик с золотыми волосами, куда ты идешь?

– Я круглый сирота, иду, куда глаза глядят.

– Оставайся у меня, – говорит старушка. – Гуляй по саду, ешь урюк, персики, виноград. А я тебя буду любить, как сродного сына.

Так прожил мальчик с золотыми волосами у доброй старушки много лет и превратился в красивого юношу.

Однажды старушка послала его в соседний город купить муки да рису.

Три дочери царя сидели на крыше дворца, увидели юношу с золотыми волосами, и он им очень понравился. А младшая царевна безумно его полюбила.

Заболела младшая царевна, похудела, побледнела. Созвал царь всех табибов, знахарей, врачей и приказал вылечить дочь, но не могли они найти никакого лекарства. Спросил царь у дочера:

– Что с тобой?

И тогда младшая царевна рассказала про юношу с золотыми волосами.

Царь устроил большое гулянье, а на крыше дворца приказал постелить ковры и посадить на них своих дочерей.

– Пусть все богатыри моей страны сегодня пройдут мимо дворца, – повелел царь.

Своим дочерям он сказал: – Кто вам приглянется, в того бросьте розу.

Юноша надел на себя рваный халат, спрятал свои золотые волосы под облезлую меховую шапку и пошел ко дворцу.

Когда он проходил мимо дворца, старшие царевны не стали даже смотреть на какого-то бедняка в старом платье и в грязной шапке. Но младшая царевна сразу же узнала юношу с золотыми волосами и бросила в него свою розу.

Царь и придворные удивились выбору младшей принцессы.

Старшие сестры только посмеялись над ней и бросили свои розы в молодых джигитов, одетых в роскошные одежды.

Всех женихов привели во дворец.

Джигиты, которых выбрали старшие дочери, понравились царю. Он велел отвести их в роскошные покои и устроить пышную свадьбу.

Юношу с золотыми волосами, которого выбрала младшая царевна, царь приказал отослать в конюшню и дать ему место на подстилке рядом с конюхами.

Попытался царь отговорить свою любимую дочь выходить замуж за бедняка, но она стала плакать так горько, что царь только махнул рукой:

– Дело твое, – сказал он, – только подождем. Решил царь отложить свадьбу младшей дочери, а там видно будет.

Однажды призывает он к себе зятьев и приказывает им ехать на охоту. Дает он им самых лучших охотничьих соколов, самых лучших коней, самых опытных егерей.

Пришел и жених младшей царевны – юноша с золотыми волосами и стал проситься на охоту.

Царские зятья начали смеяться.

– Куда тебе ехать! Уж лучше почисть наших коней – это дело тебе больше подходит.

Посмеялись, поиздевались и ускакали.

Юноша с золотыми волосами поехал в степь, взял кольцо, волосок и перышко, которые ему оставили добрые дивы, кони и птицы в доме Алмауз-кампыр и бросил в костер.

Не успел юноша с золотыми волосами закрыть и открыть глаза, как из-под земли предстали перед ним добрые дивы, кони и птицы.

– Чего тебе надо, о юноша с золотыми волосами, – сказали они, – мы готовы тебе служить.

МУДРЕЦ

В старые времена жил старик. И было у него много сыновей. Однажды старик собрал у себя сыновей и, дав одному из них стрелу, сказал:

– Переломи ее пополам и передай брату.

Сын исполнил волю отца, переломил стрелу и вручил обломки брату.

Тот сложил обломки и, переломив их, передал четыре части третьему брату. Третий брат переломил обломки на восемь частей и отдал четвертому брату.

Тот сказал:

– Отец, у меня нехватает силы сломать их. Тогда старик встал и сказал; – Сыновья мои, эта стрела, друзья мои, похожа на вас... Если вы будете жить врозь, каждый отдельно, вас будут переламывать пополам и уносить, а если вы будете жить вместе и в общем согласии, то вас не переломит и не возьмет никакая сила. Если вы будете всегда дружны между собою, никто вас не посмеет обидеть и будете жить вы в мире и довольстве.

ХОДЖА ЛЕНТЯЙ

Жил когда-то Ходжа по прозвищу Лентяй. Ходжа-Лентяй был так ленив, что даже и шага никогда не делал во двор из своей комнаты. Если муха садилась ему на нос, он и рукой не хотел шевельнуть, чтобы согнать ее.

Очень Ходжа-Лентяй огорчался, когда наступало утро, потому что надо было вставать, умываться.

Дальше-больше Ходжа-Лентяй перестал умываться. Наконец, он так обленился, что не вставал с постели.

Только ел Ходжа-Лентяй и быстро и плотно.

Поест и опять спит.

В один из дней загорелся дом, в котором жил Ходжа-Лентяй. Схватив ведра, народ сбежался тушить пожар.

Заглянули в дом, смотрят а Ходжа-Лентяй лежит себе, как ни в чем не бывало.

– Беги! Сгоришь! – кричит ему народ. Ходжа-Лентяй продолжал спокойно лежать.

– Эй, тебе говорим, беги, сгоришь! – крикнули все разом.

Ходжа-Лентяй так и не шевельнулся. Ему было лень двинуться с места.

Пламя уже задело полы его халата, и он сам стал гореть. Только тогда Ходжа-Лентяй зашевелился.

Но было уже поздно. Ходжа-Лентяй поленился себя спасти и... сгорел, даже кучки пепла от него не осталось.

БЕДНЯК И ХАН

В давние времена жил-был бедняк по имени Мурад Бобо.

Пашет он как-то свое поле, идет, погоняет круторогих волов. Вдруг соха что-то в земле задела. Смотрит, в борозде лежит глиняный кувшин, полный золотых монет. Обрадовался Мурад Бобо: «Вот заживу безбедно».

Только видит Бобо по дороге едет верхом ханский стражник.

Затрясся от страха Мурад Бобо, думает: «Ой-ой, если тот стражник клад заметил и донесет о находке хану, много-много я беспокойства и несчастий увижу. Придется стражнику про кувшин сказать».

Помахал рукой Мурад Бобо и крикнул:

– Эй, эй, давай сюда.

Снова задумался Мурад Бобо: «А если стражник не заметил клада? Глупец я буду, если упущу такое богатство. Надо придумать скорее что-нибудь».

Незаметно присыпал кувшин землей и ждет.

Подъехал стражник и Мурад Бобо ему говорит:

– Господин стражник, того быка я купил за тридцать рублей, а этого быка я купил за сорок рублей. Я погону их, а вы посмотрите, который из них лучше пашет.

Рассердился стражник:

– Что я торговец скотом, что ли, эх, ты, чернолобый. Не видишь, что ли. Я стражник великого хана. Понял!

Хлестнул старика по спине камчой и поехал дальше. Думает Мурад Бобо: «Вдруг он только притворяется, что не заметил кувшина. Позову-ка его опять». И снова закричал:

– Эй, стражник, вернись. У меня есть к тебе доброе слово.

Подумал стражник: «Наверно, у старика, что-то есть». И погнал лошадь обратно.

А Мурад Бобо про себя рассуждает: «Если он заметил бы кувшин, разве он не спросил бы у меня, что это такое? Вовсе он этого не заметил!» И говорит стражнику:

– Эту пашню я четырежды вспахал, а вон ту пашню я трижды вспахал. На этом поле я думаю кунжут посеять, а вон на том поле хочу горох засеять. Ладно ли это будет?

Совсем озлился стражник и отвечает:

– Эх, ты, чернолобый! Я сроду з земле не копался, пусть черная кость в земле копается.

Хлестнул старика камчой по спине и поехал себе.

Думал, думал Мурад Бобо и решил:

«Пойду-ка я со своим кладом к хану. Иначе этот стражник раньше меня приедет, донесет, что я клад скрыл, много неприятностей мне будет».

Выкопал он кувшин, завернул в халат и, погоняя перед собою волов, пошел к себе в кишлак. Дома он положил халат с завернутым кувшином около двери и говорит:

– Жена, дай мне поесть. Только поскорее. Иду к самому хану.

– Вай, – говорит старуха, – зачем ты сам добровольно лезешь в пасть дракона? Не ходи.

– Не твоего ума дело, – отвечает Мурад Бобо.

А у жены в котле на очаге уже была сварена похлебка. Принесла она Мураду полную миску, а сама пошла на двор. Смотрит халат лежит, а в него что-то завернуто. Развернула она халат и ахнула: видит целый кувшин с золотом.

Спрятала старуха кувшин, а вместо него в халат завернула круглый камень.

Поел плотно Мурад Бобо, взял свой халат с завернутым камнем и отправился в ханский дворец. Пришел он к хану и говорит:

– Великий хан, у меня к тебе просьба.

– Говори, – отвечает хан.

"Чего я ему буду говорить:" – подумал Мурад Бобо, – только время тратить зря".

Взял халат за полу, встряхнул и камень упал на ковер.

Вытаращил глаза Мурад Бобо, увидев камень: «Вай, вай, оказывается я нашел камень, а кувшин с золотом мне только померещился. Не иначе тут какое-то волшебство. Однако хан разгневан, нужно что-то скорее придумать, оправдаться».

А хан действительно рассердился и манит уже рукой палача.

Видит Мурад Бобо плохо ему сейчас будет и говорит: – О великий хан, сидели мы вшестером, разговаривали. Один говорит: «Большой камень, в нем целый пуд будет». Другой говорит: «Нет маленький камень и тридцати фунтов не будет». Не знаю кто прав. Рассуди, великий хан, говорят у царя ума столько, сколько у сорока людей.

Рассвирепел совсем хан и давай кричать:

– Что я базарный весовщик, что ли, камни твои взвешивать. Эй, кто тут есть, бросьте его в яму.

Посадили Мурада Бобо в яму. Сидит он в темнице и разговаривает сам с собой вслух:

– Разве я камень нашел? У того, что я нашел отверстие было вот такое, а высота была вот эдакая.

Подслушал тюремщик, что говорит Мурад Бобо, и побежал к хану:

– Старик все твердит: отверстие было такое, высота была эдакая. Наверное, о великий хан, он что-нибудь нашел дорогое и ценное.

Тогда хан приказал допросить Мурада Бобо. Начали его допрашивать, а он молчит. Стали его бить. Закричал Мурад Бобо:

– Сжальтесь, все скажу, только отведите меня к хану.

– Говори, – сказал хан.

– При людях не скажу, а вам на ухо скажу. Хан подставил ухо.

Мурад Бобо и шепчет ему:

– Твои палки уж больно хороши, только смотри сам не попробуй, какие они хорошие.

Удивился хан, что так Мурад Бобо смело говорит. Надел на старика новый халат и отпустил.

Вернулся Мурад Бобо веселый дохмой и лег спать. Во сне видит, что он съел двадцать незрелых урючин. Утром спрашивает свою старуху:

– Что бы значил мой сон?

А старуха была сердита на Мурада Бобо и говорит в сердцах:

– Зеленый урюк кислый, не иначе дадут тебе двадцать палок.

Разозлился Мурад Бобо на старуху и пошел к кишлачному колдуну. Спрашивает его: – Что значит мой сон? Жена мне сказала, что я получу двадцать палок.

– Ты что мне дашь – за совет? – говорит колдун.

– У меня ничего нет.

– Пришел с пустыми руками, а еще совета просит, – сказал колдун.

Вернулся Мурад Бобо домой и завалился спать. А жена его занялась стиркой.

Стирала она, стирала и выплеснула из корыта грязную воду через забор на улицу. Мимо ехал сам хан и вся грязная вода попала ему на голову.

– Кто тут живет? – заорал хан. Люди ответили:

– Здесь живет Мурад Бобо.

– Подать его сюда.

Привели Мурада Бобо и приказал хан дать ему двадцать палок.

Еле дотащился до дому старик. Поохал, поохал и-заснул.

Утром старуха его и спрашивает:

– Ну, муженек, какой сон тебе приснился?

– Ишь ты, какая умная, так я тебе и скажу. А сам скорее собрался, пошел к колдуну, дал ему две лепешки и спрашивает его:

– Что бы это значило? Я во сне съел пять спелых урючин.

Колдун говорит:

– Почему говоришь неправду?

– Ну, я съел десять урючин.

– Опять не верно.

– Какой ты хитрый колдун Я съел двадцать урючин.

– Ну, вот теперь ты сказал правду, – говорит колдун. – Пойди к хану, он тебе даст двадцать золотых монет.

Вернулся домой Бобо и думает: «Кто его знает этого колдуна, может быть он и соврал. Пойдешь к хану, а он мне не золотых двадцать, а двадцать палок даст».

Так никуда и не пошел.

А хану приснился сон, что страшный див бьет его палкой и приговаривает: "Зачем приказал бить бедняка Мурада Бобо, зачем обидел его?" Проснулся хан весь в холодном поту и приказал своим людям привести к нему Мурада Бобо.

Старуха пекла лепешки в печке на дворе и вдруг видит, что по улице скачут два царских стражника. Кинулась она в дом и говорит:

– Пропал ты Бобо, опять царские слуги едут. Наказал Мурад Бобо старухе:

– Лягу я, а ты накрой меня одеялом. Спросят они про меня, скажи, дома его нет. Второй раз про меня спросят, скажи заболел он. А если уже не отстанут и спросят третий раз, скажи помер он.

Стражники заехали во двор и давай кричать:

– Эй, Бобо, иди сюда.

– Его дома нет, – ответила старуха.

– Лжешь старуха. Соседи говорят – он здесь. А ну-ка, давай его сюда.

– Он болен лежит, – говорит старуха.

– Болен, не болен пусть выйдет. Старуха им отвечает:

– Умер он.

– Если он мертв, то мы его все равно унесем! – говорят они.

Нашли носилки, уложили в них Бобо и отнесли во дво. рец.

Удивился хан.

– Что с ним?

– Завидев нас, Мурад Бобо со страху притворился мертвым.

Хан приказал:

– Пусть каждый принесет из сада охапку прутьев. Я крикну: «Бобо!» – и если он встанет, так встанет, а не встанет, – бейте его, пока прутья не кончатся.

Едва хан крикнул «Бобо!», старик вскочил со словами:

– К вашим услугам, великий хан! Хан спросил:

– Что тебе больше по душе: или побей меня палкой, или получи от меня деньги?

Бобо подумал: «Теперь он наверняка решил погубить меня: если я возьму деньги, скажет, что я украл и прикажет казнить, если я подниму на него руку, скажет, что я побил царя и тоже прикажет казнить».

И говорит:

– О великий хан! И бить я вас не буду, и денег мне не нужно. Только меня самого не трогайте, отпустите.

Хан говорит вельможам:

– Видите, какие у меня бескорыстные подданные, Дарю тебе двадцать золотых.

Только вышел Мурад Бобо из ворот, подскочили к нему стражники, отняли у него деньги, избили и прогнали.

Заплакал Бобо и пошел домой. Рассказал жене обо всем.

Старуха принесла кувшин и говорит:

– А ну-ка сосчитай.

Сосчитал Бобо деньги, что были в кувшине, и оказалось в нем двадцать золотых.

Зажил он не богато и не бедно, не стал больше он ходить к хану, и были они со старухой сыты.

ДОЧКА-УМНИЦА

Жил в старые времена один старик с дочкой лет двенадцати. А всего добра у старика было: один верблюд, одна лошадь и один ишак.

Старик рубил в горах дрова и возил продавать в город, а дочка занималась хозяйством.

Вот как-то навьючил своего верблюда старик дровами и приехал на базар. Подошел к нему толстый бай и спросил:

– Почему дрова продаешь? Старик запросил три тенге. Толстый бай сказал:

– Возьми «как есть» десять тенге, только отвези дрова ко мне домой.

Старик с радостью согласился и привез дрова во двор к толстому баю.

Получил старик обещанные десять тенге, свалил на землю дрова и хотел уйти.

Вдруг толстый бай сказал:

– Привяжи верблюда! Удивился старик:

– Верблюд мой.

– Нет, – сказал толстый бай. – Я купил дрова «как есть» вместе с верблюдом. Стал бы я платить тебе, дураку, десять тенге.

Спорили они, спорили и пошли судиться к казию. Казий спрашивает старика:

– Правда ли, что ты продал дрова «как есть»? Старик говорит:

– Да, только, господин казий, верблюд-то стоит триста тенге.

Ну уже это не мое дело. Сам виноват, не надо было соглашаться продавать дрова «как есть».

Приказал казий отдать верблюда толстому баю, а старик со слезами пошел домой. Только дочке так ничего и не сказал.

На другой день, навьючив дрова на лошадь, старик опять приехал на базар. А толстый бай тут как тут.

– Почему дрова продаешь?

– Три тенге. Толстый бай сказал:

– Возьми «как есть» десять тенге.

Забыл совсем старик, что было вчера и согласился.

Остался старик без лошади.

Пришел он домой печальный, однако дочке опять ничего не сказал.

На третий день старик навьючил дрова на ишака и собрался уже совсем на базар, но дочка сказала ему:

– Отец, прошлый и позапрошлый раз вы вернулись без верблюда и без лошади. Сегодня и ишака вам не оставят. Лучше я поеду дрова продавать.

Старик согласился. Девочка поехала на базар. Подходит к ней толстый бай.

– Почем дрова продаешь? Девочка запросила три теньги.

Толстый бай и говорит: .

– Возьми «как есть» пять тенег. Девочка отвечает:

– А вы дадите за дрова деньги свои «как есть»?

– Хорошо, согласен, вези дрова ко мне. Свалила девочка дрова и спрашивает:

– Дяденька, где прикажете вашего ишака привязать? Толстый бай показал место.

Привязала девочка ишака и попросила деньги задрова.

Протянул толстый бай деньги, а девочка «цап» схватила его за руку и говорит:

– Когда мы рядились, вы сказали, что дадите пять тенег «как есть». Отдавайте деньги вместе с рукой.

Спорили они спорили. Соседи прибежали на крик и повели девочку и толстого бая к казию.

Крутил казий и так, и эдак, придумывал тысячу хитростей, но девочка стояла на своем.

А народ кричит:

– Права девочка! Вот умница девочка!

Казий думал, думал и постановил;

– Отдавай руку. Заплакал толстый бай.

– Как же я без руки буду?

– Ну, плати выкуп 50 золотых тиллей. Отсчитал бай девочке 50 тиллей.

Жалко стало толстому баю денег. Он и говорит:

– Давай побьемся об заклад, кто из нас будет лучше врать, тот должен платить еще 50 тиллей.

– Хорошо, – говорит девочка, – только вы, господии бай, старше меня годами, вы и начинайте.

Уселся поудобнее толстый бай, откашлялся и начал:

– Однажды я посеял пшеницу. Она у меня до того уродилась, что всякий, заехавший в поле верхом на верблюде или лошади, плутал десять дней. Как-то сорок козлов забрались в пшеницу и пропали. Когда пшеница созрела, нанял я батраков жать ее. Вот и пшеницу сжали, смолотили, а о козлах и помину нет. Однажды я приказал жене испечь лепешки, а сам сел читать коран. Когда лепешки вынули из печи, я отломил кусочек и начал есть. Вдруг слышу у меня на зубах – «Мэ-э-э!» Из рта козел и выскочил, а за ним еще и еще. Козлы до того разжирели, что стали каждый с четырехгодовалого быка. Захлопала девочка в ладошки, посмеялась и закричала:

– Отлично! Вы сказали правду, таких случаев на свете бывает много. А теперь послушайте меня. Однажды посредине нашего кишлака я вскопала землю и посеяла одно-единственное хлопковое семечко. И что же, вы думаете, получилось?.. Выросло громаднейшее дерево, тень от которого падала во все стороны на расстояние дневной езды от кишлака. Когда поспел хлопок, для очистки его я созвала пятьсот здоровых и крепких женщин с быстрыми, руками. Очищенный хлопок я продала, а иа вырученные деньги купила сорок могучих верблюдов, навьючила их дорогими ситцами и отправила с двумя своими братьями в Бухару. Три года не было от них никаких вестей. И вот, увы, меня недавно известили, что они убиты. А теперь смотрите добрые люди, на толстом бае надет халат моего среднего брата, в котором он уехал в Бухару. Значит вы, бай, убили их братьев, завладели их товарами и верблюдами!

Толстый бай встал втупик: если признать рассказ девочки правильным, станут его судить за убийство и не сносить ему головы, а если сказать, что рассказ ее ложь, то он должен, в силу уговора, уплатить ей 50 золотых тиллей.

Думал, думал, выложил деньги и говорит: – Первый раз в жизни перехитрили меня. А девочка забрала верблюда, лошадь, ишака и вернулась веселая домой к отцу.

БЕЗВЕСТНЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ И ВЕРОЛОМНЫЙ ШАХ

Было то или не было, но говорят старики, что немало сотен лет назад правил Самаркандом царь не царь, эмир не эмир, шах не шах, хан не хан, а злой и страшный правитель по имени хан Абдуллахан. Жаден он и завистлив был неимоверно.

Завидущими глазами поглядывал он на соседа своего бухарского хана Халлилхана, столь же злого и завистливого.

И задумал Абдуллахан убить Халлилхана, а Бухару
Прибрать к рукам.

Но как? Бухара далеко, сил у Абдуллахана мало. Воевать дело опасное, счастье военное переменчиво.

Думал Абдуллахан, думал, так ничего и не придумал. Только растравил себе душу и сердце.
Пришел к Абдуллахану в те дни какой-то безвестный
человек и сказал:

— Могу прорыть большой арык из реки Зеравшан и . пустить воду в тощую маловодную Голодную степь-Степной народ жаждет, народ изнемогает. Сейчас в степь течет маленькая скудная река Санзар. Воды в степи мало, а в Зеравшане много, и если хоть часть ее пустить в Санзар, дехкане воспрянут. Расцветут в Голодной степи сады, зазеленеют виноградники, и народ возблагодарит тебя Абдуллахан. Разреши же, мудрый хан, прокопать арык через степи и горы.

Говорят, Абдуллахан засмеялся:

— Глупый ты человек. Как сможешь ты прорыть канал через горы? Никто, даже всемогущий аллах, не может заставить течь воду в гору.

Тот человек ответил:

— Твое имя, хан, превознесут в веках до небес, ибо в твое правление совершится великое дело и вода пойдет через гору. Я знаю места, где нужно будет только немного прокопать холмы и воде не придется течь вверх, ибо, конечно, это противоестественно. Мы соберём народ, выкопаем глубокий арык на много локтей глубины и вода потечет в Голодную степь. Слава о тебе, хан, разнесется по всему миру и все скажут: какой мудрый и знаменитый своей добротой к народу хан Абдуллахаи, великий хан.

Но правду говорили в народе, что Абдуллахан был не столько мудр и добр, сколько хитер и расчетлив. Он сразу же смекнул, сколько пользы можно извлечь из предложения безвестного мечтателя. Хан понял, что можно сразу схватить одной рукой фазана, а другой — сокола. Он понял, что если тот искусный мастер заберет много воды из Зеравшана, то в Бухаре наступит безводье. Сады засохнут, виноградники погибнут, поля превратятся в мертвую пустыню, налогов брать будет не с кого, богатство и могущество бухарского хана Халлилхана развеется, как дым, и силой он сравняется с жалкой мышью.

А что касается бедствий разоренного народа, что касается голода, вдовьих и сиротских слез, когда же всемогущие ханы обращали внимание на такие пустяки!

Подумал еще хан Абдуллахан и обрадовался еще больше от того, что новый канал даст воду Голодной степи. Но не воображайте, что он думал о благе своих подданных. Нет, Абдуллахан сразу же прикинул, насколько могут увеличиться его доходы с новых садов, виноградников, полей. Мысленным взором видел Абдуллахан, как несут ему в казну золото мешками.

Обласкал Абдуллахан безвестного мастера и похвалил его:

— О,— сказал он,— ты мудр, ты мудрее самого пророка Сулеймана.

И он приблизил к себе мечтателя. О, если бы знал тот человек, что получится из его

замысла, он лучше бы выколол себе глаза, вырвал бы себе язык, но не произнес бы ни одного слова перед троном Абдуллахана.

— Иди по кишлакам,— сказал Абдуллахан мечтателю,— и кликни клич. Я разрешаю тебе. Зови народ строить арык. Воззови к душам и сердцам людей, пообещай им все, что они захотят. Скажи им, что вся земля в Голодной степи, которая получит зеравшанскую воду, будет принадлежать тем, кто будет строить арык. И скажи им, что всякий, кто выкопает хоть двенадцать локтей земли, будет освобожден от налогов на двенадцать лет.

И народ откликнулся на зов мечтателя. Тысячи людей пришли копать арык, большой арык. Много верблюдов они привели с собой, ибо степняки были бедны, из-за маловодья их поля и сады давали мало зерна и плодов, и они не могли прокормиться от трудов рук своих и вынуждены были заниматься перевозкой грузов на верблюдах.

Много времени прошло пока народ проложил арык. Пришлось копать очень много земли, целые горы земли. Вырыли целое ущелье на глубину в сорок локтей, а в ширину на двенадцать локтей.

Если бы джизакцы не привели верблюдов, пришлось бы копать десять лет. Но верблюды в своих вьюках вытащили всю землю из арыков и потому арык стал называться Иски-Тюя-Таргар, что значит «Старый верблюд тащил».

Много времени пришлось работать народу и в жару и в холод, терпеть и жажду и голод. Многие заболели, умерли, много человеческих костей осталось на берегах арыка.

Но наступил долгожданный день, день радости и торжества. Вода пошла. И так был велик восторг степняков, что многие из них кидались в воду и некоторые из них утонули.

Довольный и радостный, призвал хан Абдуллахан безвестного мечтателя, обласкал его своей ханской милостью, одарил его и золотом, и шелковыми халатами, и подобными вихрю огненными конями.

Стал жить мечтатель в ханском дворце, есть ханский плов, спать на ханских одеялах.

Пусть же он живет во дворце у хана, а мы посмотрим, что же случилось с арыком.

Вода потекла. Она прошла через теснину Чуй-Тепе, прокопанную руками народа, через холм Парманкур, мимо кишлака Янги-Курган, и влились воды Зеравшана в речку Санзар-сай. И слились воды двух разных рек

Зеравшана и Санзар-сая и побежали полной, обильной струей через Тамерланово ущелье к городу Джи-заку.

Так много было воды, что она оросила все джизак-ские земли, а затем прошла в самую глубь Голодной степи до Мурза-Рабата, где не было ее с самого сотворения мира.

Так было много воды, что окрестности арыка оделись за какие-нибудь пять-шесть лет роскошными садами и виноградниками. Повсюду раскинулись золотые пшеничные посевы и хлопковые поля.

Казалось бы, жить станет степной народ легко и весело. Но, увы, хан в своей хитрости превзошел всех самых коварных, вероломных из вероломных деспотов.

Прискакали к поселенцам на вороных конях зякетчи— сборщики налогов и приказали платить и ушр, и зякет, и херадж и многие другие налоги и сборы.

Пришли степные жители во дворец к хану Абдулла-хану:

— Великий хан, твои люди обижают нас.

— А в чем дело?— спросил хан.

— Великий хан, ты обещал нам, что всякий, кто выроет двенадцать локтей нового канала, получит землю и воду зеравшанскую и освобождение от налогов на двенадцать лет.

— О,— ответил хитрейший хан Абдуллахан,— я не отказываюсь от своего обещания.

Ханское слово — твердое слово.

— Но почему же с нас берут налоги?

— Ха,— сказал хан,— я сказал, чтобы с вас не брали налоги за зеравшанскую воду.

— Но почему же с нас берут?

— Чего же вы ноете и плачете, ведь с вас подлинно не берут налогов за зеравшанскую воду, а только за санзарскую.

И стало ясно. Дехкане вспомнили, что воды Зеравшана около Янги-Кургана смешиваются с водами Санзар-сая, и кто же может теперь определить, где вода зеравшанская и где санзарская.

Хан Абдуллахан засмеялся и сказал:

— Ну, не огорчайтесь. С вас будут брать налог только за санзарскую воду.

Облагодетельствованные великой милостью, степняки пошли домой. Многие из них радовались, что налоги они будут платить только в половинном размере.

Но, увы, и здесь ждало их разочарование, ибо кто не слышал слов мудреца: «Если шах из сада подданного возьмет хоть яблоко, то его приближенный выдернет из земли яблоню с корнем. А если шах прикажет изжарить для себя яичницу из трех яиц, то слуга его изжарит для себя тысячу куриц...»

Сворой хищных гиен кинулись на джизакцев всевозможные нукеры, зякетчи, ясаулы, элиқбаши, махрамы, юзбаши и прочие слуги и прихвостни хана Абдуллахана. И если дехканин собирал со своего поля десять мешков пшеницы, то ему оставляли только один мешок, а девять мешков забирали в казну. Если у дехканина было десять баранов, ему оставляли одного барана, а девять отбирали в царскую казну. И народ сколько ни трудился, но оставался так же нищ, сир и гол, каким он был до прихода зеравшанской воды в Голодную степь.

Оставим же степной народ вздыхать и проклинать коварство деспотов, а сами посмотрим, что же делает великий хан Абдуллахан.

Жителям Бухары новый канал принес неисчислимые бедствия. Когда пошла вода из Зеравшана в Голодную степь, исчезла тогда вода во многих амлякдарствах, туманах и кентах Бухары. Иссякли арыки и хаузы, деревья посохли, поля запустели, народ вымер или разбежался перед лицом голода и гибели и горы песчаных барханов поднялись там, где звенели песни нежных, как душистые розы, девушек и журчали прохладные струи воды подобные хрустально.

Могущество хана Бухары Халлилхана развеялось в дым и стал он слабее мыши. Узнал об этом через своих клеветников хан Абдуллахан и приказал бить в большой барабан войны.

Много лет лилась кровь в братоубийственных междоусобицах. Все забыли про новый канал Иски-Тюя-Тартар. Река Зеравшан размыла голову его и вода перестала течь по руслу, на котором степной народ пролил реки пота и слез. Пришли в запустение в Голодной степи новые сады и поля. Горячий ветер своим дыханием иссушил плодовые деревья и виноградные лозы, пашни стали мертвой землей.

Что же стало с безвестным мечтателем, построившим арык?

Увы, схватился он за голову, презрел он ханские милости и благодеяния и ушел он куда глаза глядят проклиная хана Абдуллахапа и его свору.

Что с ним стало потом, никто не знает.

Сказки о богатырях

БАДАЛ-БОГАТЫРЬ

Едва у дедушкиной кобылицы Лали появлялся на свет жеребенок, как в ту же ночь он исчезал. Так пропали жеребята «Золотой конь» и «Серебряный конь».

Когда должен был появиться жеребенок «Вороной конь», дедушка позвал своего внука Бадала и сказал ему:

— Иди в конюшню и карауль всю ночь.

Чтобы не заснуть, Бадал порезал палец и посыпал ранку солью. Хоть и ссаднило палец, но все же сон оказался сильнее, и Бадал заснул.

Вдруг лошадь заржала. Очнулся Бадал — смотрит с неба опустилась черная тень, схватила жеребенка и потащила вверх.

Выхватил Бадал меч и ударил. Тень исчезла.

Наступил рассвет. Бадал видит, что у его ног лежит коготь величиной с чинар.

Позвал дедушка к себе Бадала и двух его старших братьев и сказал:

— Жеребят у нас таскает Черный див, отправляйтесь на розыски. Убейте дива и приведите всех похищенных коней.

Братья отправились в путь.

Отъехали они далеко. Перед ними было три дороги. И у каждой лежало по камню. На первом камне было написано: «Пойдешь — вернешься», на втором — «Либо останешься жив, либо нет», на третьем — «Совсем не вернешься».

Бадал сказал:

— Выбирайте.

Старший брат выбрал дорогу «Пойдешь — вернешься», средний — «Либо останешься жив, либо нет».

Отправился Бадал по дороге — «Совсем не вернешься».

День и ночь он ехал.

Наконец, увидел — вдали что-то блестит.

Заинтересовался Бадал и направил коня в ту сторону. Когда он подъехал поближе, увидел высокий замок. Стены замка были позолочены и сияли под лучами солнца.

Ворота замка были заперты.

Но Бадал и на минуту не задумался. Быстро перелез через стену и спустился внутрь.

В замке было сорок комнат.

Бадал зашел в каждую из них. В одной комнате было золото, в другой — серебро, в третьей — сласти: сахар, леденцы, халва, мешалда, в четвертой — сто- сортов всяких кушаний, в пятой — китайский фарфор, в шестой — серебряная посуда, в седьмой — золотая, в восьмой — невиданной красоты золотые украшения, в девятой — алмазы, в десятой — рубины. Короче говоря, в каждой комнате что-нибудь да было.

На одном дворе били копытами и ржали чистокровные кони, на другом — потряхивали колокольцами верблюды, на третьем — топтались слоны, в четвертом... — да разве все перескажешь, что нашел Бадал в замке.

Осмотрел Бадал все и дошел до роскошных палат. Там сидела девица невиданной красоты.

— Сюда влетит птица — у нее крылья сгорят, сюда человек войдет — ноги обожжет, — сказала девица. — Что ты тут делаешь, эй, дитя человеческое? Как ты не побоялся за свою голову, пришел сюда.

Поклонился Бадал девице и сказал:

— Не говори: первое — с голодным, второе — с изнемогающим от жажды, третье — с усталым. Я голоден, умираю от жажды и усталости.

Девушка хлопнула в ладони.

Прислужница принесла на золотом блюде плов, сваренный в котле с семью ушками, на серебряном, блюде — мясо семи баранов, на деревянном — белые сдобные лепешки. Бадал в семь глотков съел плов, в семь глотков — мясо, в семь глотков — хлеб. Запил все семью чайниками чаю и пришел к девице.

— О красавица, сказал он, — есть ли в этом доме где-нибудь запрятанный кусочек сухой лепешки.

Удивилась девица:

— Глупый, разве я не приказала подать обед на сорок человек?

Она встала и пошла посмотреть. Увидев, что Бадал все съел, девица рассмеялась.

— Ты богатырь с блюдами и котлами, посмотрю, какой ты богатырь с дивами!

— Ага, вот дивов я и ищу! — сказал Бадал. — Скажи красавица, кто ты сама? Что ты тут делаешь в обители дивов?

— Зозут меня Оккыз. Меня украли у отца-матери и принесли сюда дивы.

Тут подул холодный ветер и начался буран. Вдали поднялась стена снега и закрыла небо.

— В чем дело? — спросил девицу Бадал-богатырь.

— Белый див идет. Беги, джигит, а то пропадешь. Бадал выбежал из замка и спрятался под мостом,

переброшенным через ров.

Земля задрожала. Загрохотали копыта. Все вокруг окуталось, побелело от снега. Стало холодно, листья на деревьях завяли, птицы замерзли на лету. На Серебряном коне на мое г въехал страшный Белый див.

Серебряный конь только ступил копытами на мост — и встал, точно вкопанный.

— Чу! Чу! — понукал коня Белый див, но Серебряный конь не двигался.

Тогда Бадал выскочил из-под моста. Белый див вскричал:

— Кто посмел преградить путь морозу?

— Огонь! — сказал Бадал.

— Драться, бороться или рубиться будешь? — спросил див.

— Бороться! — ответил Бадал.

Стали они бороться. Бадал обхватил Белого дива так крепко, что кости его затрещали. Богатырь поднял на воздух Белого дива и со всего размаху ударил об мост. Доски проломились, и Белый див застрял среди них, как клин в расщепленном бревне.

Бадал отрубил Белому диву голову и бросил в ров.

Вернулся Бадал с Серебряным конем в замок. Оккыз очень обрадовалась, увидев Бадала целым и невредимым.

Принесла она на золотом блюде и поставила перед Бадалом плов, который приготовила для Белого дива.

Не успел богатырь съесть плов, как вдруг замок заслонила желтая тень.

— Желтый див идет, — сказала девушка. Богатырь вышел из замка и снова спрятался под мостом.

Воздух нагрелся, земля накалилась точно железо, пламя вспыхнуло, живые твари изжарились с треском.

Словно ветер, несшийся Золотой конь подскочил к мосту и остановился, как вкопанный.

Див взревел.

- Кто преградил путь огню?
- Вода!—ответил богатырь.
- Огонь рассыплю, сварисься!
- Водой залью, погаснешь!
- Тогда выбирай: стреляться, рубиться или бороться!
- Буду бороться!— сказал богатырь.

Борьба началась. Желтый див не считал джигита опасным противником и думал в одно мгновение побороть и испепелить его, но силен был Бадал, и борьба продолжалась долго. Девушка Оккыз забеспокоилась. Вот, вот, должен бы вернуться Черный див.

Девушка выбежала из замка и поднялась на мост.

Влила она в рот Бадалу кувшин остуженного чая и сразу же у него прибавилось сил.

Крепко уперся ногами Бадал в землю и, произнеся:— Э, счастье!— поднял дива и швырнул в ров.

Желтый див с размаху воткнулся головой в землю и наружу остались торчать только его ноги.

Отвел Бадал Золотого коня во двор и пошел поблагодарить девушку.

Тут все вокруг потемнело.

— Еще что случилось?— спросил богатырь.

— Черный див идет!— ответила девушка.— Берегись

Спустился на землю мрак, на небе появились звезды.

Богатырь снова вышел к мосту, смотрит — на другом конце моста сверкают в ночи, точно у волка, глаза Черного дива. Ехал Черный див верхом на молодом Вороном коне.

Скакун, почуяв Бадала, радостно заржал и остановился, как вкопанный.

— Чу! Чтоб тебе пропасть!— понукал Вороного коня

Черный див.

Вдруг Черный див увидел Бадала и заорал:

— Кто ты, что смеешь становиться на пути мрака! — и набросился на джигита.

Между ними завязалась борьба. Черный див был очень силен, но и богатырь ему не уступал.

Прошел день, настала ночь, прошла ночь снова наступил день, а Бадал все боролся с Черным дивом. Наконец, пришла Оккыз и высыпала под ноги Черному диву ведро проса.

Черный див поскользнулся и растянулся на досках моста.

Богатырь выхватил меч и отсек Черному диву голову.

В тот же миг мрак рассеялся... На небе ярко засветило солнце.

Богатырь вернулся в замок.

— Я уезжаю,— сказал он девице.

— О цветок моего сада, о соловей моего цветника, почему ты хочешь уехать? — спросила красавица.

Бадал-богатырь поклонился и сказал:

— Не знаю, что с моими братьями.

Опечалилась девушка, но пошла проводить Бадала до ворот.

Сел он на Вороного скакуна, взял за повод Золотого и Серебряного коней и в один миг исчез.

Вернулся Бадал к камню с надписью: «Либо останешься жив, либо нет» и поехал по этой дороге.

Скоро он приехал в большой город. Был базарный день.

Бадал-богатырь подошел к лавчонке, где продавались вареные бараньи головы.

Войдя в лавчонку, видит — его средний брат, грязный и оборванный, подкладывает дрова в

очаг.

Бадал-богатырь дал хозяину лавки одну теньгу и сказал:

— Отрежь мяса на одну теньгу от бараньей головы и пошли мне вон в чайхану напротив со своим истопником.

— Куда я пошлю этого грязного, поганого. Я лучше сам подам.

— Нет,— возразил Бадал-богатырь,— пошлите с «им. Когда средний брат принес на одну теньгу бараньей

головы, Бадал-богатырь сказал ему:

Бадал-бога-того, чтобы

— Садись, ешь!

— Кушайте сами!

— Эх, ты, недогадливый,, — возразил тырь,— разве я приехал в этот город для поесть бараньей головы.

Тут средний брат узнал Бадала-богатыря и заплакал от радости.

Бадал купил ему хорошее платье, посадил на Серебряного коня, и они поехали.

Вернулись братья к камню «Пойдешь — вернешься» и поехали по дороге. Скоро прибыли они в большой город.

Завернули братья в первый попавшийся караван-сарай. Поводья лошадей принял слуга, подметавший двор. Смотрят, а это старший брат.

Посадил его Бадал на Золотого коня и поехали они домой.

Скакуны мчались, словно ветер, и к вечеру они прибыли в замок дивов.

Девица приняла братьев, как дорогих гостей.

— Теперь давайте отдохнем,— сказал после ужина Бадал,— а рано утром снова двинемся в путь.

В полночь старший брат разбудил среднего:

— Вставай, нужен совет. Если наш брат расскажет обо всем отцу и сам станет хозяином всех богатств этого замка, лучше нам умереть, чем переносить такой позор.

— Правильно говоришь!— сказал средний брат. Они привязали на пороге острый меч и закричали:

— Эй, враги у ворот!

Бадал-богатырь вскочил, бросился в дверь и тут же упал.

Меч отсек ему обе ноги.

Прибежала Оккыз, нажала ваты и, обливаясь слезами, перевязала раны богатыря.

А тем временем братья собирались в дорогу. Все богатство они погрузили на верблюдов.

Увидел это Бадал-богатырь и сказал братьям:

— Увы, братья, вы сделали черное дело, и я остался здесь. Положите только около меня лук и стрелы.

— Ну, что же, положим!— поневоле согласились вероломные братья.

— Я останусь с Бадалом,— сказала девушка Оккыз,

— Нет,— возразили братья и увезли с собой красавицу.

Богатырь в замке остался один.

Бадал был хороший стрелок. Он убивал пролетающих в небе птиц и готовил себе пищу.

В один из дней Бадал ползком выбрался из замка. Видит, безрукий человек гонится за джейраном.

Безрукий был такой быстроногий, что всё время держался рядом с джейраном, но схватить его, конечно, не мог. Рук-то у него не было.

Бадал-богатырь прицелился и пустил стрелу. Джейран свалился.

Бадал и безрукий подружились и стали вместе жить. Как-то Бадал-богатырь спросил: .

— Кто тебе отрубил руки?

— Я был лихой джигит,— рассказал безрукий,— никто не мог сравниться со мной в силе и смелости. Однажды хан устроил кокбури — козлодрание. И я отнял у самого хана козла на полном скаку. В гневе хан приказал отрубить мне обе руки.

Бада. и безрукий теперь охотились вместе. Когда они выходили на охоту, безрукий брал на плечи богатыря.

В один из дней они нашли в степи слепого юношу и взяли его с собой.

— У меня была невеста-красавица,— рассказал слепой,— хан узнал о ее красоте и решил забрать девушку в свой гарем. Когда за моей невестой пришли воины хана, я схватил меч и напал на них. Увы, их было много, и они одержали верх. Хан приказал ослепить меня.

Тогда Бадал-богатырь и его новые друзья решили освободить невесту слепого. Много дней они поджидали случая и, наконец, пробрались во дворец и похитили ее из ханского гарема.

Ханские полицейские погнались за ними, но, дойдя до камня «Совсем не вернешься», трусились и вернулись обратно.

Девушка стала жить в замке, смотреть за хозяйством, готовить Бадалу и его друзьям пищу.

Дни проходили.

Когда джигиты уходили на охоту, девушка оставалась одна. Как-то поднялся сильный ветер и погасил огонь в очаге.

Девушка очень огорчилась, что к приходу джигитов не будет готов обед.

Поднялась она на башню и увидела вдали дымок.

Пошла девушка в том направлении и дошла до пещеры. Смотрит, сидит старая-престарая старуха и поджаривает зерна кукурузы.

— Салом, бабушка,— сказала девушка.

— Если бы не твое приветствие, то я тебя проглотила бы! — сказала старуха.

Старуха эта была страшная ведьма — Алмауз кампыр.

— Что тебе надо, внучка?— спросила Алмауз кампыр.

— Дайте мне горячих угольков.

— Бери!— сказала старуха, дала девушке полный совок углей, а вдобавок насыпала ей в подол жареных зерен кукурузы.

Девушка так торопилась в замок, что по дороге рассыпала много зерен.

Прибежала девушка в замок, быстро разожгла в очаге огонь и к приходу джигитов плов был готов.

Назавтра, когда джигиты снова ушли на охоту, Алмауз кампыр по рассыпанным зернам нашла дорогу

в замок.

Девушка вежливо поздоровалась со старой ведьмой.

— Салом, бабушка, заходите.

— Если бы не твой «салом!», я бы тебя проглотила. Причеси-ка мне голову!

Алмауз кампыр положила голову на колени девушке, и пока та причесывала ее, стала сосать из нее кровь.

Перед возвращением джигитов ведьма ушла, предупредив:

— Если только заикнешься, что я была, я тебя проглочу.

Каждый день Алмауз кампыр сосала кровь девушки и мучила ее.

Наконец Бадал-богатырь заметил, что девушка стала бледная, точно смерть.

— Что с тобой сделалось, сестрица?—спросил он. Девушка ответила:

— Ничего не случилось.

— Нет,— сказал Бадал-богатырь,— если ничего не случилось, ты от мяса джейрана должна была стать толстая и красная. Если тебя кто-нибудь обидел, скажи.

Но девушка так ничего и не рассказала.

— Что-то тут есть, друзья! Сегодня ты покарауль,— сказал Бадал-богатырь слепому.— Что бы ни случилось, ты нам расскажешь.

Они оставили слепого в замке.

В обычное время приковыляла Алмауз кампыр:

— Эге, человечинной пахнет!— сказала она и привязала задвижку двери прядью своих волос.

Когда слепой услышал, что девушка плачет, и хотел зайти в комнату, дверь оказалась закрытой, и он ничего не узнал.

Наутро Бадал-богатырь решил сам последить и остался в замке.

Только пришла Алмауз кампыр он подполз к двери и стал слушать.

— Салом, бабушка!— сказала девушка. Старуха, как обычно, начала:

— Если бы не твой «салом», я бы тебя проглотила. Но тут Бадал-богатырь протянул в дверь руку и схватил ведьму за волосы и скрутил.

— Не Бадал ли богатырь ты, что за напасть,— завизжала ведьма.

— Да, я самый!— ответил Бадал-богатырь.— А ну скажи свое последнее слово! Сейчас я тебе отрублю голову.

— Не убивай, прошу тебя, не убивай! Я верну тебе ноги, только не убивай!

Тут вернулись друзья богатыря.

— А как ты вернешь мне йоги? — спросил Бадал-богатырь.

— Я проглочу тебя и выкину обратно, и ты станешь таким, как был.

— Ладно, останешься жить, но начнешь со слепого,— сказал Бадал-богатырь. Только вот смотри на мой меч. Если вздумаешь схитрить, тут тебе и конец.

Ведьма проглотила слепого и вернула его зрячим с острыми глазами, проглотила безрукого и вернула его с руками.

Теперь пришла очередь Бадала-богатыря.

— Будьте внимательны, возьмите в руки мечи; когда она проглотит меня и не захочет вернуть, разрубите ее и достаньте меня!—сказал Бадал-богатырь.

Его друзья обнажили мечи. Ведьма проглотила богатыря.

— Верни! — сказали джигиты.

Ведьма сидела, выпучив глаза. — Убьем! — сказали джигиты.

— Ха, ха! Ну и ладно, Бадал-богатырь тоже умрет вместе со мной,— засмеялась Алмауз кампыр.

Тогда джигиты изрубили ведьму на куски, а богатыря не нашли,

Джигиты очень огорчились.

Тут воробей прыгнул на подоконник и зачирикал:

— Чир-чир-чир-чир! Ми-зи-не-ц! Девушка сказала:

— Посмотрите в мизинце.

Они разрезали мизинец ведьмы и оттуда живой и со здоровыми ногами выскочил Бадал-богатырь. От радости топнул он ногой об пол и затанцевал.

Вдруг смотрит,, голова Алмауз кампыр катится к выходу и бормочет:

— Я еще тебе задам, я еще тебе задам! Бросились за головой три джигита и изрубили ее в мелкие куски.

Тут пришел ведьме Алмауз кампыр конец.

Три джигита и девушка вчетвером пустились в путь. Сначала они заехали в дом девушки.

Родители девушки, не найдя ее следов, считали ее умершей и уже хотели объявить траур. С приездом друзей траур обернулся свадьбой. Девушку выдали замуж за бывшего слепого.

Пировали сорок дней.

Потом поехали в дом бывшего безрукого, попиrowали й там.

Наконец, Бадал-богатырь отправился домой.

В тот день, когда он вернулся в родные места, дедушка его устроил пир по случаю свадьбы старшего сына, который брал в жены Оккыз.

Бедная Оккыз никак не хотела выходить замуж и все думала о Бадале-богатыре.

Богатырь вошел в дом.

Мой любимый!— воскликнула Оккыз и бросилась в объятия богатыря.

Для богатыря и Оккыз это был день большой радости, а для братьев — день несчастья.

Бадал-богатырь привел своих братьев к деду, поставил их перед ним и сказал:

— Рассудите нас.

— Говори,— сказал дед.

Тогда Бадал-богатырь обратился к старшему брату.

— Я ли, грязный оборванный, подметал, убирал навоз и привязывал коней путешественников в караван-сарай? И ты ли меня выручил?

— Увы мне! — сказал старший брат.

Тогда Бадал-богатырь обратился к среднему брату.

— Я ли, вонючий, поганый, подкладывал дрова в очаг торговца вареными бараными головами? И ты ли

меня выручил?

— Увы мне!— сказал средний брат.

— А вы мне отрубили в благодарность ноги и бросили одного на верную смерть.

Сказал так Бадал-богатырь, повернулся и вышел из комнаты.

Выгнал тогда дед вероломных братьев из дома.

ТРИ БОГАТЫРЯ

Ну так вот... Давным-давно жил один человек, не богатый не бедный. У него было три сына. Все трое красивые, подобно месяцу, грамоте обучались, уму-разуму набирались, с плохими людьми не знались.

Старшему Тонгуч-батыру был двадцать один год, среднему Ортанча-батыру - восемнадцать лет, а младшему Кенджа-батыру - шестнадцать.

Однажды отец позвал сыновей к себе, усадил, приласкал каждого, погладил по голове и сказал:

-Сыновья мои, я не богат, имущества, что останется после меня, вам надолго не хватит. Большого от меня не ждите и не надейтесь. Воспитал я в вас три качества: во-первых, вырастил вас здоровыми - вы стали сильными: во-вторых, дал вам в руки оружие - вы стали искусными копнами; в третьих, научил вас ничего не бояться - вы стали храбрыми. Еще я вам даю три завета. Слушайте и не забывайте их: будьте честными - и будете жить спокойно, не хвастайтесь - и не придется вам краснеть от стыда; не ленитесь - и будете счастливыми. А обо всем остальном позаботьтесь сами. Приготовил я вам трех коней: вороного, буланого и серого. Сумы ваши наполнил съестными припасами на неделю. Счастье у вас впереди. Отправляйтесь в путь-дорогу, поезжайте посмотреть свет. Не познав света, вы не сможете выйти в люди. Идите ловите птицу счастья. Прощайте, сыновья мои,!

Сказав так, отец встал и ушел.

Стали братья собираться в дорогу. Утром рано сели на коней и пустились в путь. Целый день ехали братья и уехали далеко-далеко. К вечеру решили отдохнуть. Слезли с коней, поели, но, прежде чем лечь спать, договорились так:

"Место здесь пустынное, нехорошо, если все уснем. Поделим ночь на три стражи и будем по очереди охранять о покой спящих".

Сказано - сделано.

Сперва стал дежурить старший брат Тонгуч, а другие легли спать. Долго сидел Тонгуч-батыр, играя мечом и посматривая при лунном свете во все стороны... Стояла тишина. Все было словно сном. Вдруг со стороны леса послышался шум. Тонгуч обнажил меч и приготовился.

Недалеко от того места, где остановились братья, было логовище льва. Почуввав запах людей, лев поднялся и вышел в степь.

Тонгуч-батыр был уверен, что справится со львом, и, не желая беспокоить своих братьев, побежал в сторону. Зверь погнался за ним.

Тонгуч-батыр обернулся и, ударив льва мечом по левой лапе, нанес ему рану. Раненый лев бросился на Тонгуч-батыра, но тот опять отскочил и со всего размаху ударил зверя по голове. Лев упал мертвый.

Тонгуч-батыр сел верхом на льва, вырезал из его шкуры узкую полоску, подпоясался ею под рубашкой и, как ни в чем не бывало, вернулся к спящим братьям.

Затем в свою очередь на стражу встал средний брат Ортанча-батыр.

В его дежурство ничего не случилось. За ним встал третий брат Кенджа-батыр и охранял покой своих братьев до рассвета. Так прошла первая ночь.

Утром братья снова тронулись в путь. Ехали долго, проехали много и вечером остановились у большой горы. У подножья ее стоял одинокий развесистый тополь, под тополем из земли пробивался родник. Около родника была пещера, а за ней жил царь змей, Аждар-султан.

Богатыри не знали о царе змей. Спокойно привязали они коней, почистили их скребницей, задали им корму, а сами сели ужинать. Перед тем как ложиться спать, они решили дежурить, как и в первую ночь. Сначала стал на дежурство старший брат Тонгуч-батыр, за ним пришел черед среднему брату Ортанча-батыру.

Ночь была лунная, царила тишина. Но вот послышался шум. Немного спустя из пещеры выполз Аждар-султан с головой, как- корчага, с длинным, как бревно, туловищем к пополз к роднику.

Не захотел Ортанча-батыр тревожить сон братьев и побежал в степь, подальше от родника.

Почуввав человека, Аждар-султан погнался за ним. Ортанча-батыр отскочил в сторону и ударил царя змей мечом по хвосту. Закружился на месте Аждар-султан. А богатырь изловчился и ударил его по спине. Тяжело раненный царь змей бросился на Ортанча-батыра. Тогда богатырь последним ударом покончил с ним.

Затем он вырезал из его шкуры узкую полоску, подпоясался ею под рубашкой и, как ни в чем не бывало, вернулся к братьям и сел на свое место. Пришла очередь дежурить младшему брату Кенджа-батыру. Утром братья опять отправились в путь.

Долго ехали они через степи. На закате солнца подъехали к одинокому холму, слезли с коней и расположились отдыхать. Разожгли костер, поужинали и опять стали дежурить по очереди: сначала старший, потом средний, наконец очередь дошла до младшего брата.

Сидит Кенджа-батыр, охраняя сон своих братьев. Не наметил он, что огонь в костре погас.

"Нехорошо оставаться нам без огня",- подумал Кенджа-батыр.

Взобрался он на вершину холма и стал смотреть вокруг. Вдалеке время от времени мигал огонек.

Кенджа-батыр сел на коня и поехал в ту сторону.

Долго он ехал и, наконец, доехал до одинокого дома.

Слез Кенджа-батыр с коня, тихонько на цыпочках подошел к окну и заглянул внутрь.

В комнате было светло, а на очаге в котле варилась похлебка. Вокруг очага сидело человек двадцать. У всех были мрачные лица, вытаращенные глаза. Видно, эти люди замыслили что-то недоброе.

Кенджа подумал:

"Ого, здесь собралась шайка разбойников. Оставить их и уйти - не дело, не подобает поступать так честному человеку. Попробую-ка я схитрить: присмотрюсь, войду к ним в доверие, а потом сделаю свое дело".

Он открыл дверь и вошел. Разбойники схватились за оружие.

- Господин, - сказал Кенджа-батыр, "обращаясь к атаману разбойников я ничтожный ваш раб, родом из далекого города. До сих пор я занимался мелкими делами. Давно я уже хотел пристать к какой-нибудь шайке, вроде вашей. Я услышал, что ваша милость находится здесь, и поспешил к вам. Не смотрите, что я молод. Одна надежда на вас, что вы меня примете. Я знаю немало разных сноровок. Умею рыть подкопы, умею высматривать и разведывать. Я пригожусь в вашем деле.

Так умело повел разговор Кенджа-батыр.

Атаман шайки ответил:

- Хорошо сделал, что пришел.

Приложив руки к груди, Кенджа-батыр поклонился и сел около огня.

Похлебка поспела. Поели.

В ту ночь разбойники решили ограбить шахскую казну. Поужинав, все сели на коней и поехали.

Кенджа-батыр тоже отправился с ними. Спустя немного времени они подъехали к дворцовому саду, слезли с коней и стали советоваться, как пробраться во дворец.

Наконец они сговорились так: сначала через стену перелезет Кенджа-батыр и разведает, спит ли стража. Потом остальные по одному перелезут через стену, спустятся в сад и там соберутся, чтобы сразу ворваться во дворец.

Разбойники помогли Кенджа-батыру взобраться на стену. Батыр спрыгнул, походил по саду и, обнаружив, что стража спит, нашел арбу и подкатал ее к стене.

Потом Кенджа-батыр взобрался на арбу и, высунув голову из-за стены, сказал: "Самое удобное время".

Атаман велел разбойникам одному за другим перелезть через стену.

Едва только первый разбойник лег животом на забор и, нагнув голову, приготовился слезть на арбу, Кенджа-батыр размахнулся да как хватит мечом по шее, так и покатила голова вора.

- Слезай, - приказал Кенджа-батыр, протянул тело вора и сбросил его вниз.

Короче говоря, Кенджа-батыр порубил головы всем разбойникам, а потом отправился во дворец.

Тихонько прошел Кенджа-батыр мимо спящей стражи в зал с тремя дверями. Здесь дежурили десять девушек-прислужниц, но они тоже спали.

Никем не замеченный, Кенджа-батыр вошел в первую дверь и очутился в богато украшенной комнате. На стенах были развешаны расшитые пунцовыми цветами шелковые занавески.

В комнате на серебряной кровати, окутанной белой тканью, спала красавица, прекраснее всех цветов на земле. Тихонько приблизился к ней Кенджа-батыр, снял с ее правой руки золотой перстень и положил его в карман. Потом он вернулся назад и вышел в зал.

"Ну-ка, осмотрим вторую комнату, какие там тайны?" - про себя сказал Кенджа-батыр.

Открыв вторую дверь, он очутился в роскошно убранной комнате, украшенной шелками, расшитыми изображениям птиц. Посредине, на серебряной кровати, окруженная десятком девушек-служанок, лежала красивая девушка. Из-за нее спорили месяц и солнце: у кого из них она взяла свою красоту.

Кенджа-батыр тихонько снял с руки девушки браслет и положил в карман. Затем вернулся назад и вышел в тот же аил.

"Теперь нужно пройти в третью комнату",- подумал он.

Здесь украшений было ещё больше. Стены были убраны малиновым шелком.

На серебряной кровати, окруженная шестнадцатью красивыми девушками-служанками, спала красавица. Девушка была так прелестна, что даже сама царица аисзд, прекрасная утренняя звезда, готова была служить ей.

Кенджа-батыр тихонько вынул из правого уха девушки полотую серьгу и положил ее в карман.

Кенджа-батыр вышел из дворца, перелез через забор, гол на коня и поехал к братьям.

Братья еще не просыпались. Так Кенджа-батыр сидел до шри, играя мечом.

Рассвело. Богатыри позавтракали, оседлали коней, сели верхом и отправились в путь.

Немного спустя они въехали в город и остановились в караван-сараяе. Привязав коней под навесом, они пошли в чайхану и уселись там, чтобы отдохнуть за чайником чая.

Вдруг на улице вышел глашатай и объявил:

- Имеющие уши да слушают! Сегодня ночью во дворцовом саду кто-то отрубил головы двадцати разбойникам, а у шахских дочерей пропало по одной золотой вещи. Наш шах пожелал, чтобы весь народ от мала до велика помог объяснить ему непонятное событие и указать, кто тот герой, который совершил такой богатырский поступок. Если у кого в доме есть приезжие из других городов и стран, надо немедленно привести их во дворец.

Хозяин караван-сарая предложил своим гостям явиться к шаху.

Братья поднялись и не спеша отправились во дворец.

Шах, узнав, что они чужестранцы, приказал отвести их в особую комнату с богатым убранством, а визирю поручил выведать у них тайну.

Визирь сказал:

- Если спросить прямо, они, может быть, и НЕ скажут.

Лучше оставим их одних и подслушаем, о чем они будут говорить.

В комнате, где сидели братья, кроме них, никого не было. Вот перед ними расстелили скатерть, принесли разные кушанья. Братья принялись за еду.

А в смежном покое молча сидели шах и визирь и подслушивали.

- Нам дали мясо молодого барашка,- сказал Тонгуч-батыр,- но он, оказывается, был выкормлен собакой. Шахи не брезгуют и псиной. А я вот чему удивляюсь: от бекмеса дух идет человеческий.

- Верно,- промолвил Кенджа-батыр. - Все шахи кровопийцы. Нет ничего невероятного, если в бекмес подмешана человеческая кровь. Меня тоже удивляет одна вещь:

лепешки на подносе уложены так, как может укладывать только хороший пекарь.

Тонгуч-батыр сказал:

- Должно быть, так оно и есть. Вот что: нас позвали сюда, чтобы узнать, что случилось в шахском дворце. Конечно, нас будут спрашивать. Что мы скажем?

- Мы не будем лгать,- сказал Ортанча-батыр. Мы скажем правду.

- Да, пришла пора рассказать обо всем, что мы видели за три дня в дороге,- ответил Кенджа-батыр.

Тонгуч-батыр стал рассказывать, как он сражался со львом в первую ночь. Потом он снял с себя тесьму из лвиной шкуры и бросил перед братьями. Вслед за ним Ортанча-батыр тоже рассказал о случившемся во вторую ночь и, сняв с себя тесьму из шкуры царя змей, показал ее братьям. Затем заговорил Кенджа-батыр. Рассказав, что произошло в третью ночь, показал братьям взятые им золотые вещи.

Тут шах и визирь узнали тайну, но они не могли понять, что сказали братья про мясо, бекмес и лепешки. Поэтому они сначала послали за пастухом. Пришел пастух.

- Говори правду!- сказал шах.- Барашка, что ты прислал вчера, кормила собака?

- О государь!- взмолился пастух.- Если жизнь мне сохраните, я расскажу.

- Прошу тебя, говори правду,- сказал шах.

Пастух рассказал:

- Зимой у меня околела овца. Жаль мне стало ягненочка, и отдал я его собаке. Та и выкормила его. Вчера я прислал как раз этого барашка, потому что других, кроме него, у меня не осталось, всех уже ваши слуги забрали.

Затем шах велел позвать садовника.

- Говори правду,- сказал ему шах,- разве в бекмес подмешана человеческая кровь?

- О государь мой,- ответил садовник,- было одно событие, если жизнь мне сохраните, я расскажу вам всю правду.

- Говори, пощажу тебя,- сказал шах.

Тогда садовник рассказал:

- Прошлым летом кто-то повадился каждую ночь воровать оставленный для вас самый лучший виноград.

Я залег в винограднике и стал караулить. Смотрю, кто-то идет. Я с размаху ударил дубинкой по голове. Потом вырыл глубокую яму под виноградной лозой и зарыл тело. На следующий год лоза разрослась и дала такой урожай, что винограда было больше, чем листьев. Только вкус у винограда оказался немного другой. Свежего винограда я вам не посылал, а сварил бекмес.

Что же касается лепешек, то их укладывал на поднос сам шах. Оказывается, отец шаха был пекарем.

Шах вошел к богатырям в комнату, поздоровался и сказал:

- Все, что вы рассказали, оказалось правдой, и поэтому вы мне еще больше понравились. У меня к вам просьба, дорогие гости-богатыри, послушайте ее.

- Говорите,- сказал Тонгуч-батыр,- если подойдет нам ваша просьба, мы исполним ее.

- Есть у меня три дочери, а сыновей нет. Оставайтесь здесь. Я бы выдал за вас своих дочерей, устроил бы свадьбу, созвал бы весь город и сорок дней угощал бы всех пловом.

- Говорите вы очень хорошо,- ответил Тонгуч-батыр,- но как же мы можем жениться на ваших дочерях, когда мы не шахские дети, да и отец наш совсем не богат.

Ваше богатство добыто царствованием, а мы воспитаны в труде.

Шах настаивал:

- Я - властелин страны, а вас воспитал ваш отец трудом своих рук, но раз он отец таких богатырей, как вы, то чем же он хуже меня? На самом деле он богаче меня.

А теперь я - отец девушек, перед которыми плакали влюбленные шахи, могущественные властелины мира,- стою перед вами и плачу, умоляя, предлагаю вам своих дочерей в жены.

Братья согласились. Шах устроил пир. Пировали сорок дней, и молодые богатыри стали жить в шахском дворце. Шах больше всех полюбил младшего зятя Кенджа-батыра.

Однажды шах прилег отдохнуть в холодке. Вдруг из арыка выползла ядовитая змея и уже собиралась укусить шаха. Но подоспел Кенджа-батыр. Он выхватил меч из ножен, разрубил змею пополам и отбросил в сторону.

Не успел Кенджа-батыр вложить меч обратно в ножны, шах проснулся. В его душу запало сомнение. "Он уже недоволен тем, что я выдал за него свою дочь,- подумал шах,- ему все мало, оказывается, он замышляет убить меня и сам хочет стать шахом".

Шах пошел к своему визирю и рассказал ему о случившемся. Визирь давно уже затаил вражду к богатырям и ждал только удобного случая. Он стал наговаривать шаху.

- Не спрашивая у меня совета, вы выдали за каких-то проходимцев любимых дочерей. А вот теперь ваш любимый зять хотел вас убить. Смотрите, с помощью хитрости он все равно погубит вас.

Шах поверил словам визиря и приказал:

- Посадил, Кенджа-батыра в тюрьму.

Кенджа-батыра посадили в тюрьму. Опечалилась, загрустила молодая принцесса, жена Кенджа-батыра. Целыми днями она плакала, и ее румяные щеки поблекли. Однажды она бросилась отцу в ноги и стала просить его, чтобы он освободил своего зятя.

Велел тогда шах привести Кенджа-батыра из тюрьмы.

- Вот вы, оказывается, какой коварный,- сказал шах.- Как же вы решились убить меня?

В ответ Кенджа-батыр рассказал шаху историю попугая.

История попугая

Когда-то жил шах. У него был любимый попугай. Шах так любил своего попугая, что не мог жить без него ни одного часа.

Попугай говорил шаху приятные слова, развлекал его. Однажды попугай попросил:

У меня на родине, в Индии, есть отец и мать, братья и сестры. Давно я живу в неволе. Теперь я прошу вас отпустить меня на двадцать дней. Я слетаю на родину, шесть дней туда, шесть дней обратно, восемь дней побуду дома, нагляжусь на мать и отца, на братьев и сестер.

- Нет,- отвечал шах,- если я тебя отпущу, ты не вернешься, и мне будет скучно.

Попугай стал уверять:

- Государь, я даю слово и сдержу его.

- Ну ладно, коли так, я отпускаю тебя, но только на две недели,- сказал шах.

- Прощайте, как-нибудь обернусь,- обрадовался попугай.

Он перелетел из клетки на забор, распрощался со всеми и полетел на юг. Шах стоял и смотрел ему вслед. Он не верил, что попугай вернется.

Попугай в шесть дней долетел до своей родины - Индии и разыскал родителей. Бедняжка радовался, порхал, резвился, перелетал с горки на горку, с ветки на ветку, с с деревца на деревце, купаясь в зелени лесов, побывал в гостях у родных и знакомых и не заметил даже, как прошло два дня. Настала пора лететь опять в неволю, в клетку. Тяжело было попугаю расставаться с отцом и матерью, братьями и сестрами.

Минуты веселья сменились часами печали. Повисли крылья. Быть может, удастся еще раз прилететь, а может быть, и нет.

Собрались родные, знакомые. Все жалели попугая и советовали не возвращаться к шаху. Но попугай сказал:

- Нет, я дал обещание. Могу ли я нарушить свое слово?

- Эх,- сказал один попугай,- когда ты, видел, чтобы цари выполняли свои обещания? Если бы твой шах был справедлив, разве он держал бы тебя четырнадцать лет в заключении и только на четырнадцать дней выпустил на волю. Разве ты появился на свет, чтобы жить в неволе? Не выпускай из рук свободы ради того, чтобы доставить кому-нибудь развлечение! Лютости у шаха больше, чем милости. Неразумно и опасно быть близко к царю и тигру.

Но попугай не послушался советов и собрался улетать. Тогда заговорила мать попугая:

- В таком случае я дам тебе совет. В наших местах растут плоды жизни. Кто скушает хотя

бы один плод, тот сразу превращается в молодого, старик снова становится юношей, а старуха - молодой девушкой. Отнеси ты шаху драгоценные плоды и попроси, чтобы он тебя отпустил на волю. Быть может, в нём проснется чувство справедливости и он даст тебе свободу.

Все одобрили совет. Тотчас же принесли три плода жизни. Попугай распрощался с родными и знакомыми и полетел на север. Все смотрели ему вслед, затаив в сердце большие надежды.

Попугай в шесть дней долетел до места, вручил шаху подарок и рассказал, какое свойство имеют плоды. Шах обрадовался, обещал освободить попугая, отдал один плод жене, а остальные положил в пиалу.

Визирь затрясся от зависти и злости и решил повернуть дело по-иному.

- Пока вы не кушайте плоды, принесенные птицей, давайте-ка сначала их испытаем. Если они окажутся хорошими, их съесть никогда не поздно,- сказал визирь.

Шах одобрил совет. А визирь, улучшив момент, впустил сильного яда в плоды жизни. Затем визирь сказал:

- Ну, теперь давайте испытаем.

- Принесли двух павлинов и дали им поклевать плоды. Оба павлина тут же издохли.

- Что было бы, если б вы их съели?,- сказал визирь.

- Я тоже умер бы!- воскликнул шах. Он выволок из клетки бедняжку-попугая и оторвал ему голову. Так бедняга-попугай получил от шаха "награду".

Вскоре шах разгневался на одного старика и решил его казнить. Шах велел ему съесть оставшийся плод. Как только старик съел его, у него сразу выросли черные волосы, прорезались новые зубы, глаза заблестели молодым блеском и он принял вид двадцатилетнего юноши.

Понял царь, что напрасно погубил попугая, но было поздно.

- А теперь я расскажу о том, что случилось, пока вы спали,- сказал в заключение Кенджа-батыр.

Он пошел в сад, принес оттуда рассеченное пополам туловище змеи. Шах стал просить извинения у Кенджа-батыра. Кенджа-батыр сказал ему:

- Господин, разрешите мне с братьями поехать домой в свою страну. С шахами невозможно жить в добре и мире.

Сколько шах ни умолял, ни упрашивал, богатыри не согласились.

- Мы не можем быть придворными людьми и жить во дворце шаха. Мы будем жить своим трудом,- сказали они.

- Ну, тогда пусть дочери мои останутся дома,- сказал шах.

Но дочери заговорили наперебой:

- Мы не расстанемся с мужьями.

Молодые богатыри вернулись к отцу вместе со своими женами и зажили счастливой жизнью в довольстве и труде.

ОТЕЦ ВОД

У подножья Нуратинских гор, в городе, название которого не сохранилось в памяти потомства, в квартале кузнецов жил давным-давно мастер-кузнец. Много времени прошло с той поры, память у людей коротка, как волос на бритой голове, и дырява, как халат на плечах бухарского нищего, и сейчас невозможно даже припомнить, как звали того бедного, но весьма достойного человека.

Был год великой засухи. Обычно полноводная в летнюю пору река иссякла. Арыки высохли. Деревья потеряли листья. Жестокое дыхание пустыни уничтожило урожай того года.

Надвигался голод.

Но никакие, даже самые сильные горячие ветры не вредили садам беков и ханов, никакая засуха не трогала их обремененные плодами деревья и виноградные лозы. Ибо не иссякали источники, вытекающие из подножья гор, ни зимой, ни летом, ни в другое время года. Те сады и те источники были во владении самых богатых, самых жадных, самых могущественных людей города.

Когда вся страна изнывала под палящим дыханием, водоемы высохли и матери бродили по раскаленным пыльным улицам города, прижимая умирающих от жажды детей к груди, владельцы садов взирали равнодушно на горе и слезы.

Плакали в бессильном отчаянии женщины, дети охрипли от крика.

Ропот народа подымался к дворцу, что выстроен был правителем города на высоком холме, стоны неслись выше звезд.

Пошли горожане к правителю города и просили указать путь к жизни и спасению. Говорили они: «Дети наши умирают. Вы имеете и власть, и воду, и богатство, – помогите нам». Но вышли к посланцам муллы и ишаны и, подняв руки к небу, воззвали: "Так предначертано. Если аллах терпит зло, то и вы, смертные, должны терпеть. Тот, кто ропщет, – вероотступник!" В ярость пришли горожане. Ходили толпы людей по улицам и площадям. Кричали: «Где вода?» Другие вспоминали обиды и притеснения.

Рос гнев народа.

Но высоки и неприступны стены, окружающие сады богачей. Разбились о камни волны народного гнева. Много мужчин, полных силы и смелости, погибли под ударами мечей воинов правителя. Долго еще тучи воронов кружились над трупами, брошенными далеко в степи.

Затих в унынии город, опустели базары, и лишь горячий ветер мчался по улицам.

А кузнец, преисполненный ярости, ушел в горы.

Тихо стало в кузнице. Не слышно было звонких ударов молота по железу, застыла зола в горне.

В дни скитаний встретил кузнец среди скал и камней белобородого пастуха и нашел у него приют и место отдыха. Пока варился на каменном очаге бедный ужин, рассказал кузнец о своей печали и о черных днях бедствия, в которых пребывал народ долины.

Смотрел старец на пламя очага и думал.

Но вот он поднялся во весь рост, глаза его горели в сумраке у самого свода пещеры.

– Я – Отец Вод, хранитель истоков реки, дающей жизнь долине. Я знаю, – сказал он, – как сделать людей долины счастливыми, я знаю, как дать им в руки великую силу. Приказываю тебе спуститься в долину... Собери сельский и городской люд, пусть возьмут с собой кетмени и придут сюда.

Когда солнце поднималось над пыльной равниной, кузнец быстро шагал по дороге к высоким башням города.

Как джарчи-глашатай, взывал кузнец на дорогах, в кишлаках, на площадях базаров, у дверей бань и мечетей. Тысячи людей шли в горы.

Созвал их Отец Вод и сказал: «Беда ваша от засухи. Загородите долину. Сделайте запас воды и вам не страшны будут горячие ветры пустыни даже в год великого без-водия».

Скоро народ начал строить плотину.

А богачи и владельцы садов послали в глубину пустыни к злому волшебнику Адджрубуну верного человека и приказали сказать: «О властитель живого и мертвого! Людишки с черными руками кладут камни стен крепости против твоего могущества. Лети в горы и убедись сам».

Помчался злой Адджрубун в горы. Песок и пыль поднялись до самого свода небес и потушили звезды.

Огненную бурю нагнал бешеный Адджруб в горную долину, где работали тысячи кетменщиков. Многие сгорели, многие задохнулись; казалось, весь народ, собравшийся в долине, погибнет. Но Отец Вод всплеснул воды горного озера, и ледяные струи охладили скалы, сделали воздух теплым и приятным, как в бане. Отступил Адджруб, трясаясь от ярости.

Люди принялись снова трудиться, копая землю, ломая камень, воздвигая плотину, но их ждала новая беда.

Земля содрогнулась и заколебалась. Луна качалась из стороны в сторону, как светильник, подвешенный на цепочке к потолку. Стон поднялся из груди земли. Горы сталкивались вершинами и обрушивались в бездны. Поток камней мчался вниз по долине, люди казались муравьями под ногами великанов.

Но Отец Вод одним взмахом руки перенес строителей на склоны гор. И камни, упавшие туда, где только что были люди, не причинили вреда, а только послужили на пользу, ускорив возведение плотины.

Не уgomонился Адджруб. Он собрал со всех гор и долин свирепых тигров, огнедышащих драконов, когтистых барсов, диких волков, гиен, шакалов, ядовитых змей, скорпионов и послал их против кузнеца и его людей. В глухую полночь, когда глаз не мог разглядеть пальцев на вытянутой руке, полчища зверей и насекомых напали на безмолвный стан, где в землянках и юртах спали уставшие строители. Не растерялся среди смятения и переполоха кузнец. Приказал он зажечь сотни факелов из смолистых ветвей горного дерева арчи, и красное пламя запылало, словно пожар, и все гады и дикие звери в страхе разбежались.

Кузнец с народом своей земли строил каменную плотину высотой в пять тополей. Так повелел Отец Вод. Обтесанные глыбы скал, из которых складывали плотину, были величиной с дом. А чтобы камни держали друг друга, кузнец заливал промежутки между ними расплавленным свинцом, добытым тут же в окрестных горах.

Колдун не унимался. Он понял, что скованная плотиной река будет служить народу, она даст много воды иссушенной земле, и люди воспрянут и выйдут из-под его власти.

Обрушил он на строителей плотины гром и молнии. Но устоял кузнец и его строители.

Тысячу дней люди пробивали скалы, чтобы дать дорогу воде через каменную гору.

Колдун давил в прорытой пещере людей. Камни падали им на головы. Змеи смертельно жалили их. Но дни и ночи стучало железо. Гора стонала и содрогалась, когда люди вгрызались в ее грудь.

И вот пришел день радости.

Река, скованная плотиной, смирилась. Воды мирно потекли по подземному арыку сквозь гору, и прохладные струи утолили жажду сожженной огнем и жаром земли.

На высокой черной скале заскрежетал зубами Адджруб от бессильной ярости.

Люди пришли в город. Радостно было возвращение. То был день пиршества, плясок и песен. Прибежали поклониться кузнецу богачи, владельцы садов. Лежали гордые в пыли перед кузнецом и кричали: "Ты велик!" Вошла в сердце кузнеца жалость. Не казнил, а простил он гордецов и посеял семена на пашне гибели. Забыл он слова мудрых: «Враг с отрезанной головой лучше».

Но затаили владельцы садов смертельную ненависть. Богачи поклялись погубить кузнеца.

Много лет бродил Адджруб по пустыне изгнанником, и осталось силы у него не больше, чем у воробья.

И призвали владельцы садов – богачи мерзкого колдуна тайно в город. Долго с ним шептались в темных углах. Ушел Адджруб в далекую страну и рассказал жившим там диким и страшным наездникам об изобилии и богатстве города.

Проснулась в них жадность, и отправились они в поход. Черные тучи воронья окружили

город. Долго длилась осада. Великие и доблестные были сражения и схватки. В смертельном поединке сразил вражеского шаха кузнец-богатырь. Победа была по праву за жителями города. Таков был старинный обычай.

Враг устал, обессилел, руки воинов-наездников ослабели. Они хотели уйти в свои степи.

Но затаившие обиду владельцы садов послали в стан диких кочевников верного человека.

Посланец сказал им:

– Неподалеку стоит плотина, от которой город получает воду и жизнь. Плотина сложена из камня и свинца. Свинец боится огня.

Тысячи всадников поскакали в ущелье. Они собрали дрова, хворост и сухую колючку. Пламя поднялось выше облаков, свинец от жара растопился, и камни, более не сдерживаемые ничем, расплзлись и обрушились вниз. Вода стеной ринулась по долине, залила поля и сады. Разрушила город, погубила многих его жителей и все вражеское войско. Погиб и злой колдун Адджруб.

Немногие спаслись из жителей города, но и они покинули те места. С той поры город лежит в развалинах.

Так было, а если кто-нибудь усомнится в истине рассказанного, пусть отправится в ущелье. Там и сейчас можно видеть камни со следами свинца, из которых кузнец строил плотину.

МУЖЕСТВЕННЫЙ ДРУГ ГАЙРАТ

Было ли то или не было, кто знает? Но, говорят, в старые времена городом Бустонабад правил хан Кагар.

Отправился однажды хан Кагар охотиться. Подъехал юн к берегу реки Сыр-Дарьи попить коня и вдруг видит на склонившейся над водой камышинке из изумрудов сидит подобная серебристому полумесяцу красавица и полощет длинные, похожие на сияние солнечных лучей волосы.

Хлестнул нагайкой своего коня хан Кагар, конь рванулся вперед. Потянул руки хан, чтобы схватить красавицу, но она скользнула по камышинке и без всплеска исчезла в глубине вод.

Метался по берегу хан Кагар взад и вперед, скакал то в одну, то в другую сторону, но больше девушку он не увидел.

Забыть неведомую красавицу хан Кагар так и не смог, и воспоминание о ней жгло его душу точно огнем.

Сын хана Кагара Турсун, статный и привлекательный лицом юноша, дружил с джигитом из народа Гайратом. Турсун и Гайрат дали клятву: «Пусть превратится тот из нас в камень, кто откажется от друга». Клятву они скрепили кровью.

Как-то ханский сын Турсун охотился с другом своим Гайратом на берегах Сыр-Дарьи, в тех же местах, и увидел красавицу, сидевшую на камышинке.

Турсун с одного взгляда влюбился в прекрасную девушку и замер на месте, точно пригвожденный стрелой.

При виде юношей красавица кокетливо улыбнулась, соскользнула по камышинке в воду и исчезла.

Огорченный Турсун схватился за голову и начал проклинать свою несчастную судьбу.

Гайрат был сметливый, благоразумный юноша. Он сказал:

– Девушка вероятно перид. Простым смертным нельзя иметь дело с волшебными существами.

– Но я люблю ее, и жизнь без нее мне не жизнь, – застонал Турсун.

Сидевший поблизости на берегу старик-рыбак слышал разговор юношей и сказал:

– Девушка эта пери. Живет она на дне Сыр-Дарьи в подводном царстве и только изредка всплывает на поверхность реки, чтобы посушить свои чудесные волосы. Ради такой девушки не жалко и в воду броситься.

– Много не болтай, – раздраженно сказал Турсун, хватаясь за саблю. – Ты что же, старик, предлагаешь мне утопиться! Погубить меня замыслил!

– Нет, – ничуть не испугавшись, ответил рыбак, – я только говорю, что истинный влюбленный не боится ни огня, ни воды.

Слова рыбака задела Турсуна.

– Старик, скажи, как спуститься в подводное царство? Ты должен знать. Говори, иначе зарублю.

Усмехнулся только рыбак, взял свою сеть и пошел. Турсун и Гайрат стали умолять его не уходить.

– Если бы не ваша молодость, – проговорил старик, – я не стал бы даже разговаривать с такими грубыми и невоспитанными людьми. Ладно, станьте на колени и просите.

– Я сын могущественного хана и не могу унижаться так перед простым человеком, – заявил Турсун.

Тогда на глазах изумленных юношей старик-рыбак начал обращаться в туман. При этом рыбак говорил:

– Для любящего ничего не страшно.

Упал Турсун на колени и заплакал. Рыбак исчез, растворился в воздухе, но до слуха юношей донеслись чуть слышные слова:

– Презрев страх, спуститесь по камышинке.

– Возьми меня за руку, – попросил Гайрата Турсун, – и покажи путь.

– Я друг тебе и я пойду с тобой, – сказал Гайрат. Взял он друга за руку и повел.

Нашли они изумрудную камышинку, на которой сидела пери и, крепко зажмурив глаза, соскользнули в воду.

Только на дне реки друзья решились раскрыть глаза.

Смотрят – перед их изумленными взорами раскинулся благоустроенный город с улицами, домами, базарами, караван-сараями. Во все стороны спешили люди как люди, только вместо ишаков и лошадей они ехали на здоровенных сомах и белугах, а перед собой гнали не стада баранов и коз, а целые стаи всякой мелкой рыбы.

Подивились юноши, походили по подводному городу и постучались в ворота первого попавшегося дома. Из калитки выглянула дряхлая старушка:

– Ийе! – удивилась она. – Что нужно у нас под водой вам – людям мира зноя и жажды? С какими коварными намерениями пришли вы сюда?

– Бабушка, – поспешил успокоить старушку Гайрат, – мы заблудились и против своей воли попали на дно Сыр-Дарьи. Приютите нас на ночь. Или гостеприимство незнакомо людям подводного царства?

– Прошу, заходите, – сказала старушка, – все, что найдется в доме, к вашим услугам.

Старуха приняла Турсуна и Гайрата, накормила их пловом с рыбой и постелила одеяла из осоки и зеленых водорослей. Перед тем как оставить юношей одних, старушка сказала:

– Сыночки, не выходите ночью на улицу. У нас дворы охраняют зубастые шуки. Не успеет плешивая красавица косу расплесть, как они загрызут самого храброго.

Сказала так и ушла к себе.

Хоть было сыро лежать на одеялах из водорослей, но Турсун мгновенно уснул, а Гайрат

долго переворачивался с боку на бок.

Наконец он тихонько встал и выглянул на двор. Сквозь воду светила зеленая луна и было хорошо видно. На дворе никаких щук не оказалось.

Гайрат вышел на улицу и зашагал к хрустальному дворцу подводного царя. Походил кругом, посмотрел. «Вероятно, та пери здесь живет», – подумал он и вернулся в дом старухи.

Утром старушка угостила юношей на завтрак кавардаком из рыбы.

Гайрат сказал:

– Что же, бабушка, вы пугали нас свирепыми щуками. Всю ночь от бессонницы бродил я по улицам и ни одной щуки не видел. Скажите, а кто живет в хрустальном дворце?

Хитро улыбнувшись, старушка ответила:

– Аи, аи, непослушный. Во дворце живет подводный царь и его единственная дочь пери с волосами, подобными солнечному сиянию.

При этих словах Турсун побледнел, и старуха сразу же заметила его волнение. Она добавила:

– Дочь царя красива, так красива, что все, кто ее увидит, теряют покой и становятся безумны. Достаточно пери открыть в темную ночь глаза и в нашем подводном царстве становится светло так, как у вас, у людей, наверху в самый ясный солнечный полдень.

– Откуда вы, бабушка, все знаете? – удивился Турсун.

– Ну, это весь водяной народ знает, а мне как не знать – я же нянька нашей пери.

– Вы пойдете во дворец сегодня? – спросил Гайрат.

– Пойду.

– Если увидите пери, скажите: «Те двое юношей пришли. Удивительно, что не потонули».

– Вай, джигиты, уж не затеяли ли вы дурного. Ничего я царевне не скажу.

И ушла во дворец.

Во дворце старушка-нянька терпела, прикусив язык, терпела, но не могла сдержать себя и проболталась царевне:

– Те двое юношей пришли. Удивительно, что не потонули.

– Молодцы, не испугались, – засмеялась пери и начала угощать и ублажать старушку.

Когда нянька уходила, пери дала ей кусочек хрусталя и обыкновенный уголек.

– Нянюшка, отдай им, – сказала пери, – и ничего больше не говори.

По пути домой старуха думала:

«Вай, мне несчастной! Царевна что-то задумала. Не сносить мне головы», – бросила на дорогу хрусталь и уголек и пошла дальше.

Но не сделала она и десяти шагов и сказала себе: «Царевна узнает – обидится. Опять плохо». Вернулась нянька, подобрала хрусталь и уголек и отнесла юношам.

Турсун предался отчаянию. Он бил себя в грудь и стонал:

– Проклятие! Пери смеется над нами. Кому нужны этот осколок хрусталя и кусочек угля? Мы жизнь чутьне потеряли, в воду бросились и вот награда! Но Гайрат возразил:

– Нет, тут что-то есть. Надо подумать.

– Ты думай, а я не стану.

– О, понял, – вдруг сказал Гайрат, – хрусталь означает: «Днем при свете, не показывайтесь!», а уголек значит: «Ночью приходите».

Когда стало темно, друзья подошли ко дворцу. Прислужница ждала уже юношей у калитки.

– Ты, Гайрат, оставайся и сторожи, а я пойду в сад, – сказал Турсун.

Гайрат остался, а Турсун прошел в сад и встретился с пери.

– А где ваш друг? – спросила девушка. – Что же он даже на меня и посмотреть не хочет?

– Он стоит на страже.

Пери и Турсун до поздней ночи гуляли по саду, но Турсун так растерялся, что не решился признаться девушке в своей страсти.

Но вот прибежала прислужница и Турсун покинул царевну.

На следующую ночь Турсун опять приказал:

– Ты, Гайрат,, сторожи!

И опять царевна при виде Турсуна рассмеялась и спросила про Гайрата.

– Он стоит на страже. Он охраняет покой ханского сына! – высокомерно заявил Турсун.

Снова пери и Турсун гуляли по дорожкам сада. Шесть ночей стоял у калитки дворцового сада Гайрат, а на седьмой сказал Турсуну:

– Нам надо возвращаться домой. Сговорись с царевной, увезем ее из подводного царства и ты во дворце своего отца отпразднуешь свадьбу.

– Не мешайся не в свои дела, – возразил Турсун, – как смеешь ты указывать мне – ханскому сыну.

– Пора уезжать. Я подозреваю, что за нами следят. И я устал сторожить.

– Можешь не трудиться. Не ходи за мной. У меня у самого есть ноги.

Обидно стало Гайрату, и он не пошел с ханским сыном ко дворцу.

Когда и на этот раз Турсун пришел в сад, пери спросила его про друга Гайрата. Зло взяло Турсуна. Он воскликнул:

– Что вам, царевна, до какого-то простого джигита, когда перед вами я, ханский сын.

– Он храбрый воин и верный друг, – сказала пери, – и я хочу видеть его и говорить с ним.

И пери направилась к калитке, чтобы увидеть Гайрата.

В ярости Турсун выхватил саблю и преградил путь царевне. Она испуганно закричала. Двери дворца распахнулись и со всех сторон прибежали рабы с факелами и фонарями. Пытался Турсун бежать, но его схватили...

Послушайте теперь про Гайрата.

Наутро видит он, что ханский сын не вернулся домой. Тогда Гайрат попросил у старушки паранджу и чачван, накинул на себя и пошел на базар послушать, что говорит народ.

На базаре Гайрат узнал, что ночью царевну застали в саду с неизвестным юношей. Подводный царь разгневался и приказал бросить в темницу и дочь свою пери и юношу. Теперь оба они находятся в строгом заключении.

Не растерялся Гайрат, купил здесь же на базаре большой поднос, положил на него сдобных лепешек и сладостей и поспешил к царской темнице.

– Эй, женщина, куда лезешь? – закричали стражники. – Входа нет.

Старушечьим голосом Гайрат начал жалобно просить:

– Миленькие сыночки, разве вы меня не признали. Я же нянюшка нашей царевны, несу ей угощение. Вы уж меня пустите к ней, а то как бы вам потом плохо не было.

Тем временем Гайрат положил в руку каждому страж, нику по золотой монете, и не успел косою подмигнуть, как он проскользнул в темницу к пери.

Откинул Гайрат чачван и, низко поклонившись, проговорил:

– Прекрасная пери, не пугайтесь, я друг Турсуна и во имя дружбы пришел выручить вас. Оденьте на себя паранджу и чачван. Стража подумает, что это не вы, а ваша нянька.

Лукаво улыбнувшись, пери спросила:

– Только ли во имя дружбы вы пришли, Гайрат? Ведь нет человека, который при взгляде на меня не влюбился бы.

Покраснел только Гайрат и опустил глаза. Пери надела на себя паранджу, опустила чачван и, никем не узнанная, вышла из темницы.

Царь подводного царства приказал привести к себе на суд провинившуюся дочь и

неизвестного юношу. Стражники нашли в темнице вместо царевны молодого джигита и, делать нечего, привели его с Турсуном к подножию трона.

– Что такое, – удивился царь, – где же моя дочь?

– Позвольте мне сказать,, ваше подводное величество, – обратился к царю Гайрат, – ваша дочь, царевна, ни при, чем. Стража в темноте ошиблась и бросила тень на незапятнанное имя вашей дочери.

– Кто ты и что ты делаешь вместе со своим сообщником в моих владениях?

– Мы с моим другом охотились и случайно утонули в Сыр-Дарье, – ответил Гайрат, – попали мы в ваш город тоже случайно и, не зная куда идти, забрались в дворцовый сад, чтобы прилечь и отдохнуть. Тут нас и схватили,, а царевны мы и в глаза не видели.

– Палачей! – завопил царь подводного царства. Явились палачи.

– Казнить стражников, оклеветавших мое дитя!

Затем царь обратился к юношам и разрешил им жить в подводном городе столько, сколько они пожелают.

– Когда захотите вернуться к себе на родину в страну зноя и жажды, скажите мне, и я прикажу проводить вас, – сказал царь и отпустил юношей.

Обрадовался Турсун и целыми днями и ночами предавался развлечениям. Пиры сменялись пирами, празднества – празднествами, охота – охотой. Ханский сын и думать забыл о пери и о том, что надо ехать домой.

Однажды старушка, их хозяйка, пришла из дворца расстроенная и запричитала:

– Бедная наша царевна плачет. Ее выдают замуж за сына морского царя. Она просит вас помочь ей.

Тут Турсун снова загорелся и сказал:

– Гайрат, что будем делать? Я хочу забрать пери себе в жены.

– Надо сначала помочь царевне избавиться от ненавистного сватовства.

Ночью, рискуя головой, Гайрат проник во дворец, увиделся с пери и уговорил ее бежать.

В ту же ночь пери тайком покинула дворец и вывела юношей по изумрудной камышинке из подводного царства. На берегу у волшебника-рыбака они взяли своих коней и поехали в ханскую столицу Бустонабад.

Пусть они едут, а вы послушайте про хана Кагара.

Долго ждал хан Кагар возвращения своего сына с охоты и, наконец, беспокоился. Позвал он своих придворных и объявил:

– Немедленно найдите Турсуна, а если не разыщите, я город разорю, а всех мужчин и женщин, малых и больших повешу, да и вас в придачу.

Во все стороны поскакали испуганные придворные искать ханского сына.

Те, кто поехал к реке Сыр-Дарье, смотрят, едет Турсун живой и невредимый с Гайратом и с прекрасной пери.

– Поезжайте вперед и скажите отцу, – сказал Турсун придворным,. – что еду я и везу с собой невесту, дочь царя подводного царства.

А хан Кагар не мог затушить огонь страсти своей к прекрасной пери и, услышав о том, что родной сын стал его соперником, замыслил черное дело. Приказал он своему наперснику, страшному и злому колдуну Джа-дугару погубить Турсуна, а сам начал готовить торжественный пир.

Тем временем юноши с красавицей неторопливо ехали в сторону Бустонабада. Откуда ни возьмись, на краю дороги на тополь сел большущий черный ворон и давай каркать:

– Карр, карр, каррр!

Омрачилось лицо прекрасной пери и она сказала: – Что говорит эта мудрая птица?

– Э, стоит ли обращать внимание на всякую птицу, заявил Турсун и натянул было уже лук, чтобы стрелой сразить ворона.

– Нет, – схватила за руку Турсуна пери, – растолкуйте мне, что советует ворон, иначе я дальше не поеду.

– Ха, ха, какой совет может дать дрянная ворона; лучше я пристрелю ее.

Но Гайрат приложил руку к сердцу и обратился к царевне:

– О пери, первое «карр» означает – берегитесь! Второе «карр» – хан задумал отравить Турсуна. Третье «каррр» – хан хочет вас, пери, сделать своей женой.

Хотела пери повернуть обратно, но Турсун заявил:

– Все это неправда.

Но пери настаивала. Пока они спорили, загудели трубы, забили барабаны, открылись ворота Бустонабада и приблизился верхом на парадно убранном коне хан Кагар в сопровождении пышной свиты. Пришлось всем ехать в город.

Когда прибыли во дворец, хан приставил к царевне сорок прислужниц и отослал ее на женскую половину, а сам под руку повел сына в богато разукрашенный покой и сказал:

– Душа моя, сыночек любимый, приляг и отдохни с дороги пока готовится пир в честь твоего приезда.

– Прекрасную постель приготовили вам, – заметил, кланяясь, колдун Джадугар.

Только Турсун снял с себя верхнюю одежду и хотел прилечь, как вдруг Гайрат бросился вперед и начал наносить удары саблей по шелковому покрывалу, которым была покрыта постель.

– Что делает этот сумасшедший, – воскликнул Турсун, но тут все увидели, как из-под покрывала выползли ядовитые змеи. Все в ужасе бросились бежать. Только Гайрат остался в комнате, пока не изрубил всех змей в куски.

Вскоре все собрались в пиршественном зале. Хан Кагар по знаку своего наперсника колдуна выбрал блюдо плова и приказал прислужнику отнести его сыну, сидевшему на другом конце дастархана.

– Душа моя, сыночек, покушай на здоровье, – сказал хан.

Едва прислужник сделал два шага, как Гайрат подскочил к нему и, взяв из его рук блюдо, понес сам, но запнулся о ковер, уронил блюдо на землю. Плов рассыпался.

– Эх, какой ты неловкий, Гайрат, – засмеялся Турсун.

Ханская гончая подбежала, поела плова и тут же издохла.

Все гости поняли, что плов был отравлен.

Вечером хан Кагар пригласил сына в сад, но Гайрат сделал тайный знак и Турсун стал отказываться. Тогда хан сказал:

– Душа моя, сыночек, в саду в беседке наслаждается свежестью вечера твоя невеста пери. Неужели ты не захочешь на нее взглянуть.

Тогда Турсун бегом бросился в сад и направился поспешно к беседке, в окно которой пери любовалась земными цветами.

– О, моя любимая! – воскликнул Турсун, но в ужасе попятился. Из-за куста выполз дракон колдуна Джа-Дугара и кинулся на ханского сына.

В ужасе Турсун бросился бежать, забыв, что у него на поясе висит боевой меч.

Тут пришел бы конец Турсуну и хан избавился бы от своего сына-соперника, но в сад прибежал Гайрат и сразился с драконом.

Долго Гайрат бился с чудовищем, но, наконец, изловчился и взмахом сабли снес ему голову.

Пери захлопала в ладоши, и Гайрат поднял голову. Он увидел, что несколько капель драконовой крови брызнули на прелестное лицо пери.

Подбежал Гайрат к беседке, вскарабкался на подоконник и начал снимать осторожно губами капли ядовитой крови со щеки пери.

Тут вернулся пришедший в себя Турсун и в ярости закричал:

– Как смеешь ты целовать мою невесту?

– Кровь дракона ядовита и могла повредить девичьей красе, – спокойно объяснил Гайрат. – У меня не оказалось платка и я вынужден был губами снять капли.

– Нет, у тебя на уме другое. Я прикажу казнить и тебя и изменницу невесту.

– Гайрат столько сделал для вас, о Турсун, – печально сказала пери, – а вы упрекаете его и клеветеете на него и на меня. Он верный друг ваш.

– Да, мы с Турсуном клялись в юности, что если один из нас откажется от другого, пусть превратится он в камень. Лучше я стану камнем, но больше я не друг тебе, Турсун.

Сказал так Гайрат и окаменел.

В ужасе бросился Турсун бежать из сада, а из глаз пери хлынули потоком слезы любви и горя. Дождем слезинки падали на окаменевшее тело Гайрата и там, где камня касалась слеза, превращался он в живое тело.

Обняла пери мертвый холодный камень и вдруг почувствовала, как он оживает. Поцеловала пери Гайрата, и он предстал перед ней живой и могучий.

Не стал больше раздумывать Гайрат, схватил он пери в объятия, вскочил с ней на коня и умчался.

Что касается хана Кагара, то при виде пери в объятиях Гайрата он в изумлении открыл рот, да так и остался с разинутым ртом до самой смерти.

А ханский сын Турсун испугался, ушел из дворца, одел дервишеское платье и пропал без вести.

ЗИЯД-БАТЫР

В давние времена жил шах по имени Султан. Была у него дочь красоты несравненной,, скромная, умная, ученая. Звали ее Камархон.

Никто не умел так ловко, как шахская дочь, из лука стрелять, копьё метать, мечом разить- Шах Султан свою дочь даже больше, чем сына, любил.

А сколько было женихов у Камархон, и не перечесать! Из разных стран приходили просить ее руки сыновья шахов и беков, но все они ей не нравились.

Кто к ней ни сватался, всем Камархон один ответ давала:

— Я замуж не собираюсь.

Во дворце у Султана работал старик-мастер. Во всех ремеслах был он искусен. Вещи, которые он делал, очень нравились шаху, и старого мастера поставили начальником над всеми мастерами.

Был у мастера двадцатилетний сын, статный, красивый, а к тому же храбрый и умный. Звали его Зияд-батыр. Большой славой он пользовался среди других батыров.

Мастер захотел научить сына своему ремеслу и говорит:

— Сын мой, учись ремеслу: вырастешь — оно тебе пригодится.

Много времени не прошло, сын всякому ремеслу от отца научился.

Смотрит отец на сына, радуется, а того не знает, что Зияд-батыр от любви страдает, мучится, ночами не спит, слезы льет, по красавице-царевне тоскует.

Однажды приказала Камархон мастеру сделать лук. Взялся старик за работу, и за несколько

дней сделал лук.

А Зияд-батыр тайком от отца тоже лук мастерил, кончил он работу и показал отцу.

Посмотрел мастер на его лук и удивился. У Зияд-батыра лук намного лучше, чем у него самого, получился. Нельзя было взять этот лук в руки и не восторгаться его красотой.

На луке было вырезано узорным письмом красивое двустигшие о любви.

Обрадовался очень старый мастер, сына в лоб поцеловал и говорит ему:

— Молодец, сын мой, очень я рад, что ты так хорошо моим инструментом овладел, теперь тебе в жизни нищета не грозит.

Свой лук мастер себе оставил, а царевне послал лук, сделанный Зияд-батыром. Очень понравился царевне лук.

Именно такой ей и хотелось получить. Послала она мастеру дорогие подарки.

Вскоре мастер умер— Позвал шах Султан Зияд-батыра

и назначил его, вместо отца, начальником над своими мастерами.

Зашел однажды шах к дочери своей Камархон и увидел, висит у нее на стене лук красоты необыкновенной. Взял шах в руки лук, отделку его рассматривает, любитесь им, удивляется.

Вдруг заметил шах стихи, которые были на луке вырезаны, прочитал их, позвал Зияд-батыра и спрашивает:

— Кто стихи на луке вырезал?

— Я, — отвечает Зияд-батыр.

— Мало тебе того, что я тебя начальником всех мастеров назначил, неблагодарный? Ты еще любовные стихи моей дочери-царевне Камархон пишешь.

Разозлился шах, позвал палача и приказал казнить Зияд-батыра.

Тут один из визирей кинулся в ноги шаху, попросил помиловать молодого мастера, от смерти избавить. Послушал Султан визиря, но все же приказал изгнать Зияд-батыра из города.

Отправился Зияд-батыр в дальний путь. Ехал он и по степям, и по холмам, много дней ехал, много дорог изъездил и приехал в горы. Посмотрел—кругом зеленая трава, воздух чистый, человеку сердце радуют, путника на отдых

зовут. Увидел Зияд-батыр, что старик-пастух табун лошадей пасет. Подъехал он к пастуху, поздоровался.

Видит старик, что юноша устал, — утомился; налил ему из бурдюка чашку кумыса.

— Откуда путь держишь, сынок?—спрашивает пастух. Зияд-батыр все, как было, пастуху рассказал. Пожалел его старик и снова спрашивает:

— А сейчас куда едешь, сынок?

— Куда же мне ехать сейчас, отец? Куда может ехать бездомный путник, лишившийся родины? Еду, куда глаза глядят.

— Вот я у жителей здешних гор коней пасу,— говорит старик.— От отцов, дедов пастушьему делу научился. Если тебе такая жизнь по душе, будь моим сыном.

Понравилась Зияд-батыру слова пастуха.

— Отец, если вы меня к себе берете, да еще своим сыном назвать желаете, я всей душой у вас остаться согласен.

Так стал Зияд-батыр жить у пастуха, пасти лошадей. Научился он хорошо из пращи стрелять.

Когда дикие звери на табун нападали, Зияд-батыр так ловко в них пращею камни метал, что многих зверей убивал.

Радовался старик-пастух. Прежде каждый год дикие звери много беды делали, а после того, как Зияд-батыр пришел, кони стали спокойно пастись.

Слава о Зияд-батыре далеко по горам пошла.

Пока Зияд-батыр со своим отцом-пастухом стада пасет, послушайте про шахскую дочь—царевну Камархон.

Камархон никому не говорила, что она любит Зияд-батыра, но про себя давно уже решила: «Если отец захочет меня замуж выдать, выйду я только за Зияд-батыра».

После того, как шах изгнал Зияд-батыра из города, весь мир в очах Камархон черной чадрой закрылся. С утра до вечера она про Зияд-батыра думала. По ночам до раннего рассвета плакала.

Долго царевна горе свое никому не открывала.

Было у нее сорок прислужниц. Старшую из прислужниц звали Хумаюн.

Тосковала Камархон, тосковала и, наконец, рассказала Хумаюн о своем горе. Чтоб тоску развеять, стала Камархон часто на охоту ездить.

В один из весенних дней, отпросившись у отца, Камархон со своими служанками оделись джигитами и отправились на охоту. Приехали они в лес, несколько фазанов и других птиц застрелили, а больше никакой дичи не встретили.

Поскакала Камархон дальше и видит — вдали гора виднеется вышиной до небес. Поехала Камархон к той горе. Из оврага выскочил волк. Пустила в него Камархон стрелу, убила волка, шкуру с него сняла, отдала одной из служанок и поехала дальше.

Едет Камархон с прислужницами, видит в лесу пасется олень, в ушах у него золотые кольца висят, на рогах золотая печать видна, шея драгоценными ожерельями увешана. Понравился очень олень Камархон, и захотелось ей обязательно поймать его.

— Поймайте мне оленя,— приказывает она девушкам,— только стрел в него не метайте, арканами ловите. Смотрите, чтобы никто оленя не упустил, а если кто оленя упустил,— с охоты прогону, на весь свет опозорю.

Взяли девушки арканы, стали оленя окружать. Бросила Хумаюн аркан на оленя, промахнулась. Олень мимо царевны пробежал. Три раза подряд бросала сама Камархон аркан, не смогла поймать оленя. Стыдно ей перед девушками стало, досадно,— поскакала она оленя догонять.

Летел олень быстрее птицы.

Конь у царевны был словно ветер, но и он оленя догнать не мог.

Наконец, и олень и конь утомились. Олень, задыхаясь, забежал в пещеру.

Царевна обрадовалась, подумала: «Ну теперь поймаю», вошла в пещеру, а в пещере другой выход был, олень через него проскочил и убежал.

Камархон снова на коня вскочила и погналась за оленем. Гналась она за ним, гналась и прискакала к той горе, где Зияд-батыр стада пас.

Увидев, что какой-то всадник гонится за оленем, взял Зияд-батыр камень, заложил в пращу, прицелился и запустил его. Попал камень в цель и сбил один рог у оленя.

Олень на землю свалился.

Разгневалась Камархон, выхватила меч из ножен и говорит:

— Эй, дерзкий пастух! Если б я хотела оленя убить.

я бы его давно убила. Я думала его живым поймать. Как смеешь ты в чужую дичь стрелять.

Вдруг из-за скалы выскочил громадный тигр. Конь царевны испугался и назад отскочил. Камархон упала с коня и мечом себе руку поранила.

А Зияд-батыр, как увидел тигра, заложил камень в пращу, прицелился.

Только собрался тигр на царевну прыгнуть, как камень ему в голову угодил. Тигр упал мертвый.

Подбежал Зияд-батыр к царевне, видит — лежит без сознания раненый юноша с маской на лице.

Зияд-батыр быстро снял с себя рубашку, оторвал один рукав и рану Камархон перевязал-

«Надо спасти бедного юношу, — подумал, — жалко будет, если он зря погибнет».

Принес Зияд-батыр воды, на лицо раненого побрызгал — не помогло. «Надо маску снять, — решил Зияд-батыр, — дать ему немного воды выпить».

Снял он с юноши маску, из-под маски черные волнистые волосы рассыпались и увидел Зияд-батыр, что лежит перед ним его любимая Камархон.

Чуть сознание не потерял Зияд-батыр от неожиданности и горя.

— Дорогая моя, подними голову, не заставляй меня мучиться. Ты меня зарубить хотела — руби. Только не лежи так бездыханная, подними свою голову, — молил, просил Зияд-батыр.

Прошло немного времени, девушка стала в себя приходить. Открыла глаза, видит: по лицу у пастуха слезы текут, стала вглядываться — узнала Зияд-батыра, своего любимого, и опять сознание потеряла.

Тут одна за другой стали девушки-прислужницы подъезжать. Видят убитый тигр лежит, царевна без сознания, а какой-то пастух над ней склонился, водой на лицо ей брызгает.

Девушки быстро с коней спрыгнули. Хумаюн голову царевны себе на колени положила, плачет, в чувство ее приводит, к ране лекарство прикладывает. Тут только Камархон в себя пришла.

Хотели девушки скорее в шахский дворец возвратиться, Камархон не согласилась:

— Пока рана моя не заживет, никуда я отсюда не поеду.

Был в том месте родник и около родника два тенистых дерева.

Прислужницы положили царевну под деревьями, а царевна думает: «Узнал меня Зияд-батыр или не узнал?»

И лукаво его спрашивает:

— С каких пор вы здесь пастухом работаете? Зияд-батыр думает: «Убить захочет, пусть убивает,

что бы ни было, правду скажу», — и отвечает:

— Да с тех пор как ваш отец меня к изгнанию приговорил.

Царевна извиняется перед Зияд-батыром:

— Моя вина. Не смогла я отца упросить, чтобы он вас не прогонял.

Обрадовался Зияд-батыр и пошел звать своего приемного отца.

— Надо хорошо угостить дорогих гостей, — говорит старик-пастух.

Принес он из кишлака большой котел, огонь под котлом разложил, пять баранов зарезал, девушек пловом угостил, кумысом напоил.

Прошло пятнадцать дней, и рана царевны начала заживать.

Послушайте теперь про отца царевны.

Месяц прошел с тех пор, как Камархон уехала на охоту, а про нее не было ни слуху, ни духу.

Позвал шах одного богатыря и говорит:

— Вот уж месяц прошел, как о царевне вестей нет, поезжай, узнай, где она. Найди ее, и привези ее во дворец.

А тот богатырь давно на царевне хотел жениться. Поэтому он шаху верой и правдой служил. Обрадовался он, получив такое приказание, мигом в путь собрался. Взял с собой джигитов, кувшин вина и поехал.

Проехал богатырь пять дней, нашел царевну и видит: сидит она под деревьями и беседует с Зияд-батыром. Как увидел это богатырь — огорчился.

Боясь обидеть царевну злым словом, слез он с коня, поздоровался и говорит:

— Отец беспокоится о вас, меня на поиски послал.

Тут стали его обедом угощать. Богатырь кувшин вина из хурджуна достал. Девушки вино разлили. Выпил богатырь две чаши вина, голова у него закружилась, глаза стали красные, кровь в жилах закипела. Стал он задевать Зияд-батыра, придирается.

— Почему мне перечишь?— закричал забияка, вскочил и ударил Зияд-батыра кулаком. Оскорбился Зияд-ба-тыр, на удар ударом ответил.

У приезжего богатыря из рта пена пошла, упал он и тут же кончился. Слишком полнокровный был.

Набросились на Зияд-батыра джигиты и затеяли бой-драку.

Всех их одолел Зияд-батыр и говорит царевне:

— Теперь мне здесь оставаться опасно. Поедем куда-нибудь в другую страну.

Царевна отослала своих девушек-прислужниц к шаху и дала им наказ:

— Если отец про меня спросит, скажите, что Камархон уехала в другую страну.

С плачем девушки в город возвратились.

А Зияд-батыр и царевна попрощались со стариком-пастухом, сели на коней и пустились в путь-дорогу. Проедут немного, поохотятся, дальше едут.

Так за несколько дней добрались они до города Герата. Правил там шах Хусейн-Мирза.

Остановились они в караван-сараях. Зияд-батыр устроился на работу в кузнице. Вскоре они с Камархон поженились.

Пришел к Зияд-батыру однажды один богатый человек и говорит:

— Зачем вам жить в караван-сараях, я в своем квартале для вас домик нашел.

Понравился домик Зияд-батыру. Было у него немного заработанных денег, отдал он их и переселился с женой в этот дом.

А был у того богатого человека слуга — бывший разбойник. Позвал богач разбойника и говорит:

— Никуда сегодня вечером не уходи. У меня дело есть.

И вот в полночь он с разбойником пошел к дому Зияд-батыра. Задумал тот богач, когда Зияд-батыр уснет, убить его и похитить Камархон.

Но Камархон услышала шаги и Зияд-батыра разбудила. Зияд-батыр встал, видит — перед домом два человека стоят.

Взял он из-под подушки кинжал и схватился с разбойником. А Камархон подбежала, да как даст богачу кулаком по щеке, и у того щека раздулась. Зияд-батыр покончил со слугой, а царевна повалила на землю богача и душит его.

Богач просит — молит:

— Отпустите меня, пощадите!

Царевна думает: «Убить его надо», но Зияд-батыр говорит:

— Ладно, отпустим негодяя. Пусть себе убирается, поскорей да больше такими делами не занимается.

Убежал богач домой и подумал: «А что, не пойти ли мне пожаловаться на них шаху?— Повязал распухшую щеку и отправился во дворец.

Сидел на своем троне Хусейн-Мирза, окруженный своими вельможами.

Пришел богач и жалуется:

— Великий шах, приехал недавно в наш город какой-то безродный бродяга, привез с собой девушку. Я думал, что это честные люди, дом им продал, & они меня избили, изувечили... Накажите, государь, негодного бродягу, изгоните его из города.

Разгневался шах Хусейн-Мирза и говорит:

— Такого мало из города выгнать, казнить надо,— и послал своих стражников к Зияд-батыру.

Пришли полицейские, схватили Зияд-батыра и Камархон, руки им связали и потащили во дворец. Как увидел шах Хусейн-Мирза царевну Камархон, все на свете забыл и говорит Зияд-батыру:

— Где ты такую красавицу взял, откуда она? Не иначе украл, разбойник, где-нибудь.

— Спросите у нее самой,— отвечает Зияд-батыр.

— Оставь красавицу здесь, а сам иди,— говорит шах Зияд-батыру.

Но Зияд-батыр не соглашается, не уходит.

Разъярился шах, позвал палачей, приказал казнить Зияд-батыра.

Повели палачи Зияд-батыра на казнь. Развернул он плечи, веревки порвал, всех палачей, полицейских перебил и убежал к своему хозяину-кузнецу.

Рассказал Зияд-батыр все, что с ним случилось. Кузнец ему посоветовал:

— Тут недалеко пещера есть, ты в ней спрячься, а я пойду в город, послушаю, что люди говорят. Завтра приду к тебе и все расскажу.

Послушайте теперь про царевну.

Сначала шах с ней по-хорошему говорил, сулил:

— Я тебя озолочу, будешь ты богаче всех шахских дочерей, оставайся в моем дворце четвертой женой.

Не поддается Камархон уговорам.

Еще больше разгневался шах. А в саду у него в подземелье была потайная тюрьма, про которую никто не знал.

Взял шах и бросил Камархон в ту тюрьму. А когда шах услышал, что Зияд-батыр убежал, приказал все ворота в городе запереть и беглеца найти. Искали, искали Зияд-батыра, нигде найти не смогли.

Настал вечер. Пришел кузнец в пещеру, где Зияд-батыр спрятался, и стали они советоваться, что им дальше делать. Подумал, подумал кузнец да и говорит:

— Есть у шаха визирь Алишер Навои. Надо тебе пойти к нему и про все свои несчастья рассказать. Челозек он справедливый, твоему горю поможет.

— Ладно,— говорит Зияд-батыр,— так и сделаю. Вышел он в полночь из пещеры и направился в дом

Алишера Навои. Постучался и говорит:

— Я издалека к достославному Навои за советом пришел. Пустите меня к нему.

Алишер Навои, как обычно, еще не спал. Он до поздней ночи, а то и до утра всегда писал стихи. Пришли к нему слуги и говорят:

— Там какой-то джигит издалека к вам за советом пришел.

— Впустите его,— говорит Алишер Навои.

Вошел Зияд-батыр, поздоровался, сел и рассказал Алишеру Навои про свое горе. Навои его утешил:

— Не беспокойся. Шах не убьет Камархон. Завтра я про нее узнаю и тебе сообщу.

Назавтра отправился Алишер Навои к шаху во дворец и зашел в сад. Он-то знал, что у шаха есть подземная тюрьма.

Ходил он по саду, садовника встретил. Поклонился садовник Алишеру Навои, букет цветов преподнес. Садовник и за садом и за тюрьмой смотрел. Только никто этого не знал.

Алишер Навои спрашивает садовника:

— Знаешь ли ты про красавицу, которая в подзег мелье сидит?.

— Знаю, господин,— отвечает садовник.— Сам шах ее в подземелье приказал бросить.

Пошел Алишер Навои домой и сообщил Зияд-батыру, что Камархон жива и здорова. А людям своим Алишер Навои приказал подземный ход копать к саду шаха.

За три дня подземный ход прокопали и Камархон из тюрьмы освободили. Привели ее в дом Алишера Навои, там ей место было приготовлено:

Навои и говорит Зияд-батыру:

— Тебя и Камархон в моем доме никто не обидит. Живите здесь спокойно и счастливо.

Прожили Зияд-батыр и Камархон в доме Навои три года-

У Камархон сын родился. Уже он ходить начал.

Однажды проходил Алишер Навои по саду, видит мальчик сидит и в воде плещется. Взял его Навои на руки, цветов ему дал. Подошел он к двери Зияд-батыра и слышит, как тот говорит:

— Не плачь, дорогая моя Камархон, знаю я, что по матери родной скучаешь, что повидать ее не можешь... Не плачь... успокойся... У меня тоже сердце по родной стороне болит...

Услышал это Алишер Навои и зашел к ним. Камархон слезы вытерла, встала, поклонилась Алишеру Навои, а он говорит ей:

— Не горюй, не печалься. Еще месяц потерпи, а там я сам вас в вашу страну отвезу и отцу твоему все объясню.

Прошел месяц. Отпросился Алишер Навои у шаха в путешествие, взял четырех верных джигитов и стал в путь-дорогу снаряжаться. Джигиты за неделю до отъезда тайком увезли Камархон и Зияд-батыра из города и спрятали в горах. Закончил Алишер Навои свои сборы и отправился в путь. По дороге заехал в горы и взял с собой Камархон и Зияд-батыра.

Несколько дней они ехали, большой путь проехали и прибыли на родину Камархон. Услышал шах Султан об Алишере Навои и выслал джигитов гостя встречать.

Погостил Алишер Навои несколько дней, шах Султан его во дворец приглашает:

— Добро пожаловать,— говорит,— по какому делу приехали?

Алишер Навои ему отвечает:

— Приехал я затем, чтобы попросить у вас прощения двум провинившимся. Если вы их простите, я у вас еще несколько дней погощу, не простите — сейчас уеду.

Шах Султан говорит:

— О великий Навои, если б провинившиеся даже и отца моего убили, раз вы за них просите, все равно прощу. Скажите мне кто они?

Тут Алишер Навои приказал позвать Камархон и Зияд-батыра. Вошла Камархон и бросилась отцу «а грудь».

Шах от радости сознание потерял. Давно он уже думал, что дочь его погибла. Привели шаха в чувство, плачет он и спрашивает:

— Где же ты пропадала, дочь моя?

Тут Зияд-батыр подошел. Хотел его шах Султан казнить, но Алишер Навои напомнил о его слове. Пришлось Султану признать простого пастуха Зияд-батыра своим зятем.

Погостил Навои у шаха несколько дней и домой в Герат воротился.

А Зияд-батыр и Камархон всю жизнь его добром поминали.

Зияд-батыр первым делом послал за старым пастухом, с которым он в горах вместе скот пас, и поселил его в тенистом саду.

Любил Зияд-батыр простой народ, бедным, голодным, раздетым помогал.

ТУЛЬГАННОЙ

В старые времена решил уратюбинский бек поселить людей на границе, чтобы они охраняли его бекство.

«Коканд хочет идти на нас войной, нужно оградить страну, — объявил бек народу. — От

каждого из сорока домов пусть пойдет один здоровый воин с семьей».

Стали седобородые старейшины селения Ахтунан советоваться:

– Не дать людей – нельзя. Он – бек, сделает с нами, что захочет. Но кто пойдет? Богатые люди не пойдут. Пусть бедняки идут. Не все равно, где им жить. И здесь плохо живут, и там плохо.

Собрали денег седобородые по несколько тенег, кое-чего из одежды, дать тем беднякам, и от каждого десятка домов Ахтунана послали одну семью.

А богачам ничего не делается. Купили бедняков за гроши да и отправили на горе и несчастье.

Один ахтунанский бедняк по имени Назар сам решил поехать с семьей.

"Что у меня тут? – подумал он. – Сад, что ли, свой есть? У перепелки дома нет, куда ни пойдет, там и кричит свое «пит-пильдык».

У Назара была семнадцатилетняя дочка Тульганой.

Когда она была еще маленькая, Назар устроил помолвку Тульганой с Пардабаем – сыном такого же бедняка, как и он сам. Тульганой и Пардабай вместе росли и полюбили друг друга.

«Но как оставить дочь? – думал Назар. – Ведь у Пардабая нет ни одеяла, ни подушек, ничего. Так и быть, пускай Пардабай поживет, как ему суждено, потерпит, покорится судьбе. Если моей дочери судьба жить в чужой стороне, кто-нибудь и там возьмет ее в жены».

Поплакала Тульганой, да что поделаешь, против воли отца не пойдешь.

Выпросил Назар у седобородых двух ишаков, погрузил на них свои старые рваные одеяла да кошмы, забрал семью и пристал к другим переселенцам.

От некоторых родов пустились из Ахтунана в путь и старики и согбенные старухи с восковыми торчащими ушами.

Были и такие, что хотели повидать новые места. Подпоясавшись поверх халатов, они подгоняли чужих ослов с вьюками.

Так шли переселенцы несколько дней. Подошли к чужим рубежам. Войсковые начальники показали в степи место, где жить, приказали не пускать неприятеля и уехали во-свои в Ура-Тюбе.

.. Бедняки расположились на месте. Кто выкопал в сухой глине себе землянку, кто сделал камышовый шалаш.

Так и жили, пробавляясь ячменными лепешками да водой.

Прошло два месяца. Тульганой совсем опечалилась. От Пардабая не было никаких вестей.

Вдруг кокандцы пошли войной на Ура-Тюбе.

Уратюбинский бек выступил навстречу. Войска выстроились. Кокандские богатыри выехали с копьями вперед, и стали вызывать уратюбинцев на поединок.

От уратюбинцев вышел богатырь Алланазар. Поборол многих кокандских силачей.

Тут завязалась общая схватка. Шум, суматоха. Кто убит, кто остался в живых, – ничего не поймешь.

Поселенцы тоже воевали, показали свою храбрость.

Пока они воевали, дети и женщины попрятались в камыши.

Побоялась остаться в своей землянке Тульганой. «Заметят меня кокандцы и захватят себе в добычу», – думала она. А в камыши тоже далеко не вошла. Страшно стало. Тогда много хищных зверей было.

Так и сидела Тульганой у самого края камышовых зарослей.

Прошло несколько часов. Звуки битвы стихли. Затрубили карнаи, сурнаи. Войска разошлись на свои места.

Успокоилась немного Тульганой, вышла из зарослей, подошла к арыку, умылась, стала пить

воду.

Вдруг видит, скачет на коне богато одетый толстый военачальнике золототканной чалме, с саблей на золотом поясе.

Задрожала от страха Тульганой и, бросилась прятаться в камыши.

Но всадник ее заметил и ласково окликнул:

– Не бойся, девушка хорошая, я начальник Суфибек, а тебя как зовут?

– Меня зовут Тульганой.

– Не пугайся. Я ничего непристойного себе не позволю. Целый день я был в битве. Устал, запыхался. Хочу руки, ноги помыть, воды попить. Да и время вечерней молитвы подходит. Ты посмотри, девушка, за конем. Потом поговорим с тобой, и я сам отвезу тебя в хорошее место.

Снял Суфибек чалму, сапоги, халат, пояс, оружие, подошел к воде и стал умываться. Видит Тульганой, Суфибек занят и захотелось ей поозоровать, позабавиться.

Одела она сапоги Суфибека, халат, перетянула талию золотым поясом, на голову надела золототканную чалму.

– Ну, как? Я такой же бек, как вы? – спросила Тульганой.

Суфибек посмотрел на нее и удивился:

– О девушка, да ты молодец, да как стройна! О, да ты настоящая красавица. Но, как бы то ни было, не подобает пропускать молитву. Я помолюсь, а ты смотри за конем.

Начал Суфибек совершать вечернюю молитву.

А Тульганой подумала: «Хочет он с двух сторон получить пользу: сперва он помолится, чтобы не остаться в долгу у аллаха из-за пропущенной . молитвы, а потом сделает меня своей добычей. Довольно с него и молитвы».

Словно лихой джигит, вскочила Тульганой на коня; повернула в сторону и поскакала. Подгоняет девушка коня нагайкой, да все оглядывается.

Пусть она едет, а вы послушайте о Суфибеке.

Суфибек молился и не смотрел по сторонам, чтобы не нарушить благолепия молитвы.

Вот он кончил, провел руками по лицу, перебрал чет-ки, опять провел руками по лицу, поднялся, повернул голову: ни коня, ни оружия, ни девушки.

«Куда она делась? – подумал он. – Озорница-девчонка, любит пошалить. Отвезу ее к себе, будет она украшением моего гарема. Не спряталась ли она в камыши».

Суфибек пошел искать. Все ноги исколол, но так и не нашел. Побежал босиком на холм. Поднялся, посмотрел кругом, нет ни коня, ни девушки.

Подоткнул Суфибек обе полы халата, бежит туда, бежит сюда, мечется во все стороны. Кого ни встретит – спрашивает и бежит дальше.

Так устал, что и разум потерял. Увидел чесоточную, запаршивевшую козу и спрашивает:

– Эй, коза! Домашняя, чесоточная коза, не проезжала ли Тульганой?

– Мэ-э, – отвечает коза.

Побежал Суфибек дальше, увидел старуху, спрашивает:

– Не проехала ли здесь бедовая девчонка Тульганой. Ох, что она со мной сделала, только не сбивай меня с пути, сатана, иначе плохо тебе будет.

– Нет, – отвечает старуха, – не видела. След затерялся.

Суфибек не знал, куда идти, запыхался, измучился. Стыд и досада мучили его: потерял лошадь, оружие, да еще и Тульганой упустил из рук.

Пошел назад Суфибек. Со лба пот льется, из глаз текут слезы. Не может он к своим войскам идти в таком жалком виде.

"Как я покажусь им?"И пошел он искать пристанища в Мирзачульскую , степь.

Пусть себе Суфибек, плача и стеною, идет по степи, а вы послушайте про Тульганой.

Едет, скачет девушка-озорница на коне. Золотое шитье на чалме блестит, пояс золотой талию ей стягивает, сабля в золотых ножнах на поясе висит.

Дехкане, сборщики колосьев, завидев джигита на бекском иноходце, с дороги сходили в сторону, низко кланялись, думали:

«Ой, ой, сам бек едет».

Так и скакала Тульганой через степи, через поля, через холмы, проехала Кошбормак, подъехала к городу Джизаку.

У ворот города увидели Тульганой военные начальники.

Подумали они:

«Конь в пене, издалека прискакал джигит, роскошно одет, – это посланец самого эмира бухарского». Под-бежали к Тульганой, помогли ей с коня сойти, доложили беку.

Пришел бек, поздоровался. Повел к себе, усадил на роскошные ковры, угостил вкусными кушаньями:

– Откуда едете? – спрашивает бек.

– Кокандский бек пошел войной на уратюбинского бека, – важно отвечает Тульганой. – Я отвез письмо беку, вот теперь и возвращаюсь.

На другой день, после чая, Тульганой подвели коня, посадили.

Тульганой спешила, гнала коня. Остановилась ненадолго в Янги-Кургане, дальше поскакала. Приехала в селение Ахтунан в самый базар. Удивился народ:

"Зачем эмирский человек приехал и все осматривает? Что бы это такое случилось?" Куда Тульганой ни направит коня, все смотрят на нее, пугаются.

Проехала Тульганой через базар. Все глазами ее провожают: «Куда поедет этот человек?» Любопытные идут позади, следом.

Проскакала несколько улиц Тульганой и въехала в плохенький дворик бедняка Пардабая.

«Вай, этот Пардабай, несчастный, что-то натворил, – подумали люди. – Эмирский человек, должно быть, узнал. Сейчас Пардабая заберет, не иначе, в зиндан посадит».

Едва завидел Пардабай в воротах всадника – бросился в сарай.

"Теперь я пропал! – думал он. В сарае зарылся он в самане и лежал, не шевелясь, затаив дыхание: «Может быть, не найдет и уедет».

– Пардабай дома? – спросила Тульганой мужским голосом и въехала во двор. Вышла из комнаты старуха – мать Пардабая.

– Сынок, – боязливо сказала она, – зачем вам Пардабай? Месяца два как он ушел в горы жать и собирать колосья. Хочет что-нибудь заработать на свое жалкое пропитание.

Тульганой сошла с коня. Привязала его и зашла в дом. .

Задрожала старуха от страха: "Вот-то беда стряслась, – горько думала она. – Видно, слишком хороша и такая наша скудная жизнь!" Тульганой повесила на колышек пояс и саблю. Потом сняла с себя золототканную чалму Суфибека. Косы рассыпались у нее по плечам.

– Ну, вот! На кого я похожа? – спросила она. Старуха смотрит – перед ней Тульганой.

– О Тульганой, это ты? – обрадовалась старуха и прижала Тульганой к груди.

Потом побежала во двор.

– Эй, Пардабай! Твоя нареченная приехала.

А Пардабай лежит, зарывшись в сено, и думает: "Какая там нареченная. Разве девушки такие бывают? Сбоку сабля повешена, на голове золотая чалма. Нет, мать меня обманывает".

Вошла старуха в сарай, сбросила саман, прикрывавший сына, взяла его за руку.

– Выйди! Посмотри! Вернулось твое пропавшее счастье – Тульганой, – сказала старушка.

С тех пор, как уехала невеста, у Пардабая руки не брались за работу, а теперь, когда он ее увидел, радости его не было конца-краю.

Мать и говорит:

– Вот Тульганой приехала. Есть у тебя несколько грошей? Сходи на базар, чего-нибудь купи. Надо свадьбу устроить, вай, уж эта бедность, ничегошеньки дома нет.

– Мы знаем бедность друг друга. Возьмите лошадь, продайте ее на базаре, за сколько пойдет. А потом купите, что нужно, – сказала Тульганой.

Пардабай обрадовался, сел на лошадь, поехал на конский базар и продал за столько, сколько дали ему.

Купил мяса, сала, ковер, мягкие подстилки, справил все, что нужно.

– Пусть все знают, что Тульганой вышла замуж, – решил Пардабай и устроил маленький пир человек на десять.

Вот так они зажили с Тульганой и достигли своего желания.

МОЛОДЦУ И СЕМИДЕСЯТИ ИСКУССТВ МАЛО

В стародавние времена жил старик. Было у него триста золотых монет. Однажды позвал он сына, усадил возле себя и говорит:

– Алиджан ты стал уже большой, а я состарился. Хочу при жизни обучить тебя торговому делу. Завтра поедешь с караваном купцов. Вот тебе сто золотых. Будешь в другом городе, не трать бестолку денег, закупи на них товаров.

С такими наставлениями старик отправил сына в дорогу.

А сыну только что исполнилось восемнадцать лет. Был он хороший, умный юноша. Не любил он торговли, а мечтал научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы жить трудом своих рук.

Однако спорить со стариком-отцом Алиджан не посмел – взял деньги и отправился вместе с купцами.

Через несколько дней караван пришел в большой город и остановился в караван-сараях.

В городе был большой сад. В тот же день вечером Алиджан отправился туда погулять. Вошел он в сад, а там тысячи светильников горят – светло, как днем. Среди деревьев за решеткой на мраморной площадке возвышаются колонны, поддерживая потолок открытой постройки, разрисованной всевозможными красками. На полу, устланном коврами, расставлены золотые серебряные, жемчужные и рубиновые низенькие столики, – а на столиках фигурки из драгоценных камней. Больше сотни одинаково одетых юношей сидят попарно у столиков и передвигают фигурки.

Остановился Алиджан около решетки и застыл от изумления. Стоит и не может глаз оторвать от диковинного зрелища. Так простоял он не один час.

Наконец заметил его прислужник сада, подошел к нему и говорит:

– Что вы стоите? Чему удивляетесь?

– Что там за люди и что они делают? – волнуясь, спросил Алиджан.

– Все эти юноши, – ответил слуга, – уже месяц учатся здесь играть в шахматы.

– А как мне поступить в школу? – спросил Алиджан.

– Нужно заплатить сотню золотых.

Отдал Алиджан сто золотых и начал учиться.

Вскоре Алиджан научился так хорошо играть в шахматы, что побеждал даже своих учителей.

Через год ученье закончилось, и юноши стали разъезжаться по домам. Алиджан приуныл: «Куда я поеду без денег?» – подумал он.

Учитель пожалел его, дал ему один золотой и отправил с проходящим караваном. Алиджан

вернулся к отцу с пустыми руками. Отец очень огорчился.

Прошел год. Старик опять позвал сына. После долгих наставлений он снова вручил ему сотню золотых и вновь отправил с торговым караваном.

Караван пришел в тот же большой город.

«Ну, теперь я не буду зря тратить денег», – решил Алиджан.

Вечером пошел он погулять.

Вот подходит Алиджан к саду и слышит прекрасную музыку. Смотрит – на том же месте, где он учился играть в шахматы, сидят юноши, обучаются игре на разных музыкальных инструментах.

Алиджан вмиг позабыл все наставления отца, вынул из мешочка сто золотых, отдал их и начал учиться музыке.

В короткое время он так хорошо научился играть, что стал гораздо искуснее своего учителя.

Через год учеба закончилась. Алиджан загрустил: «С каким лицом я теперь предстану перед отцом?» – горько думал он. Учитель пожалел его, дал ему два золотых и отправил домой.

Алиджан вернулся к отцу. Хоть и рад был возвращению сына старик, но разбил его еще больше, чем в первый раз.

Время шло, через год старик передал сыну свои последние сто золотых и сказал:

– Если ты не будешь беречь эти деньги, мы останемся без куска хлеба и без крова над головой, – и взял с сына клятву, что тот истратит деньги только на покупку товаров.

Алиджан снова поехал в тот же большой город. Сначала отправился он в баню смыть дорожную пыль.

Возвращаясь из бани, дошел Алиджан до знакомого сада и подумал: «Дай-ка загляну хоть на минутку».

Только подумал – и сам не помнит, как очутился посреди сада. Смотрит – на том же мраморном возвышении сидят юноши и пишут слова, а учитель им диктует.

Алиджан замер от восторга. Долго-долго стоял он и наконец решил: «Выучился я играть в шахматы, обучился музыке, а писать не умею. Пусть я стану нищим, а все-таки выучусь читать и писать».

Отдал Алиджан в школу сто золотых и начал учиться читать и писать. Как и раньше, он учился лучше всех и скоро кончил школу.

Опять у него не было денег, чтобы вернуться в родной город. Учитель дал ему три золотых и отправил в дорогу. Но теперь Алиджан не решился вернуться к отцу.

Он нанялся слугой к одному купцу, который собрался в далекий город. Товары купца уже были погружены на верблюдов." Еще до восхода солнца караван двинулся в путь.

День и ночь ехали путники, нигде не встречая воды. Наконец, они добрались до колодца. Вода в нем была глубоко, на самом дне.

Приказал купец спуститься в колодец своему новому слуге. Алиджан благополучно добрался до воды и наполнил бурдюк. Тут он увидел в стенке колодца дверцу.

"Что бы это значило?"-подумал Алиджан и приоткрыл ее. Смотрит, а за дверцей большая светлая комната, и на ковре сидит волшебник, печально опустив голову. В руках у него скрипка.

Алиджан не испугался: он оставил у двери бурдюк, тихонько подошел к диву, взял скрипку и заиграл.

Услышал волшебник приятные звуки, слетавшие с нежных струн, открыл глаза и облегченно вздохнул. Оглядевшись вокруг, он встал, подполз к Алиджану и погладил его по голове.

– О человек, как ты сюда попал? – спросил волшебник.

Алиджан рассказал ему все по порядку. Потом вспомнил про караван и заторопился уходить.

– Что ты хочешь больше всего на свете? Я все для тебя сделаю, – сказал волшебник.

Алиджан поднял на него изумленные глаза.

– У меня умер единственный сын, – рассказал волшебник. – Вот уже пять дней, как его нет на свете. Я остался один и так мне стало тоскливо, что я сам готов был умереть. Чтобы чем-нибудь отвлечься, я взял в руки скрипку, но играть не мог. Приди ты на несколько часов позже, меня бы уже не было в живых. Своей волшебной игрой ты спас меня от смерти. Хочешь, я отдам тебе все свое богатство?

– Помогите мне выйти из колодца, – ответил Алиджан. – Больше мне ничего ненужно. – И он сыграл еще раз на скрипке. Волшебник дал ему мешочек золота и сказал:

– Закрой глаза! Алиджан закрыл глаза.

А когда открыл, он оказался наверху возле колодца на твердой земле. Видит – никого нет: караван ушел.

Пошел Алиджан по следам верблюдов и догнал караван. Все очень удивились и стали расспрашивать, как он выбрался из колодца. Алиджан рассказал по порядку все, что с ним было, и показал подаренный волшебником мешочек с золотом.

Когда караван остановился на отдых, хозяин взял листок бумаги, написал письмо и запечатал своей печатью. Письмо он отдал Алиджану и сказал:

– У меня есть красавица-дочь. Я выдам ее за тебя. Поезжай вперед ко мне домой и подготовь все для свадьбы, да смотри, не потеряй деньги. Через три дня я тоже буду дома.

Он дал Алиджану доброго иноходца и рассказал, как ехать.

Ехал-ехал Алиджан, остановился передохнуть, и подумал: "Я отдал сто золотых, чтобы научиться читать и писать. Дай-ка посмотрю, что там в письме!" Вскрыл он письмо, начал читать и испугался.

Вот что писал купец своей жене:

«Моя любезная супруга, я посылаю тебе золото, которое в руках у этого слуги. Я обманул его, сказал, что выдам за него свою дочь. Прикажи тотчас же отрубить ему голову. С поклоном твой муж».

Тогда Алиджан взял перо и бумагу и написал такое письмо:

«Моя любезная подруга, прими со всем почетом и уважением этого дорогого гостя и выдай за него нашу дочь замуж. Свадьбу устрой, не дожидаясь моего приезда».

Алиджан запечатал письмо и поехал дальше.

Приехал он в город, разыскал дом купца, передал письмо его жене. Она прочитала письмо и приняла гостя с большим почетом.

На другой день отпраздновали свадьбу Алиджана с дочерью купца. Два дня продолжался пир.

На третий день сел Алиджан на иноходца, а слугам наказал:

– Уезжаю по торговым делам. Никому не открывайте ночью ворот, а если кто полезет через забор, схватите и избейте его. Так приказал ваш хозяин.

Ночью купец приехал с караваном, стал стучать в ворота. Стучал два часа подряд, никто ему не открыл. Тогда он перелез через забор во двор. Тут на него набросились слуги и поколотили палками до полусмерти.

Долго хозяин лежал без памяти, потом очнулся и с трудом добрался до своей комнаты. Поздоровался он с женой и спрашивает:

– Ну скажи: что же ты сделала, когда приехал человек с моим письмом?

– Исполнила ваше приказанье, – ответила она.

- А где же золотые? – у хозяина загорелись глаза от жадности.
- Какие золотые? – удивилась жена.
- Я же тебе писал, чтобы ты приказала убить человека, который привезет письмо, а золотые взяла бы для нас и спрятала.
- Ой, что с вами? Да вы в уме? Как же убивать своего зятя?
- Какого зятя?
- Мужа нашей дочери, – Когда ты ее выдала замуж?
- Уже два дня.
- Хозяин хлопнул себя по лбу и начал ругать жену я слуг.
- А где он сам? – спросил он про зятя.
- С утра уехал на лошади и приказал никому не открывать ночью ворог. «А если, говорит, кто полезет через забор, схватите и избежите его», – ответили слуги.
- Понял хозяин, что наказан поделом, и решил помириться с зятем.
- Оставим хозяина и его жену, и расскажем об Али-джане.
- Долго Алиджан ехал на своем иноходце, наконец, добрался до большого города. Был базарный день. На площади кричал глашатай:
- Не говорите, что не слышали! Кто умеет хорошо играть в шахматы, пусть идет во дворец к шаху. Кто выиграет три раза подряд, тому шах отдаст свой трон. А кто три раза подряд проиграет, тому он отрубит голову.
- Алиджан пошел во дворец к шаху и сказал, что хочет играть с ним в шахматы.
- Стали играть. Алиджан раз проиграл, два раза выиграл. Опять стали играть. Шах два раза выиграл и раз проиграл. Начали снова игру. Алиджан подряд выиграл три раза.
- Делать нечего, пришлось шаху уступить Алиджану свой трон. Шах встал с места, низко поклонился юноше и сказал:
- Теперь ты – шах, садись на трон.
- Нет у меня желанья стать шахом. Хочу я вернуться в свой город и учить народ грамоте и музыке.
- Алиджан отправился сначала за своей женой, а потом вместе с ней приехал к отцу в свой родной город.
- Когда он рассказал отцу все, что с ним было, старик с восхищением и радостью сказал:
- И вправду умен ты! Скольким искусствам научился и от скольких смертей спасся!
- Молодцу и семидесяти искусств мало! – ответил сын.

БОЗБАЛА

Было ли, не было, сыто ли, голодно, когда волк был визирем, лис — караульщиком, ворон — знахарем, а воробей — ябедником, жил уважаемый всеми человек.

Не было у него сына. День и ночь горевал он: плохо пил, плохо ел, еще хуже спал.

Много лет прошло и, наконец, жена родила ему сына, да такого красавчика, что только ясный месяц с ним мог сравниться. На радостях счастливый отец устроил большой пир. На пиру том народ веселился две ночи и два дня. По желанию родовых старейшин новорожденного назвали Бозбала.

Но скоро веселье омрачилось. На седьмой день умерла мать Бозбалы.

Стали новорожденного кормить молоком козы.

Когда Бозбале исполнилось два года, отец его взял себе вторую жену. Мачеха не очень привечала пасынка. А когда у нее родился сын, и вовсе не взлюбила Бозбалу. Спать укладывала

где-нибудь в темном углу на старой порванной кошке, попрекала даже куском хлеба.

Подошло время, Бозбала поступил в школу. Когда он возвращался из школы, отец усаживал его на колени, заставлял читать вслух, ласково разговаривал с ним.

Мачехе это очень не нравилось. Она сейчас же усаживала на колени мужа своего сына, а Бозбалу стыдила:

— Уходи! Здоровенный ты парень, а не стыдно у отца на коленях сидеть! Видишь, братишка твой посидеть хочет!

Коза, кормившая молоком Бозбалу в детстве, принесла козленка невиданной красоты. Бозбала назвал козленка своим, зубами пометил ему уши и сам за ним ухаживал. Коза-мать три раза в день приходила кормить своего

детеныша и снова уходила в степь, а козленок оставался дома и играл с Бозбалой. Мальчик даже научил своего любимца говорить по-человечески.

Когда мачеха обижала Бозбалу, мальчик уходил с козлом в степь и рассказывал ему о своих горестях.

Видит мачеха, что сколько она ни обижает пасынка, он никогда не плачет. Стала она придумывать, чем бы еще больше донять его.

Была у мачехи мать старуха — со сморщенным лицом, с беззубым ртом, большая мастерица по части всяких хитростей и плутней. Старуха сказала:-

— Муж твой скоро уедет по торговым делам. Всякий раз, когда пасынок попросит есть, давай ему горелую лепешку, а сыну своему — сдобную. Бозбала обидится и уйдет из дому. А если пожалуется отцу, ты накричи побольше, да свали вину на него же. Муж в гневе и сам отправит куда-нибудь своего сына. Вот ты и избавишься от него.

Мачеха так и поступила, как советовала старуха. Бозбала загоревал. Вышел он в сад и сел там, низко опустив голову.

— Бозбала, о чем ты горюешь?— спросил козленок.

— Эх,— ответил мальчик,— если бы ты сумел помочь!

— Расскажи мне, может быть я что-нибудь придумаю.

Бозбала заплакал и все рассказал. Козленок ответил:

— Не плачь, Бозбала. Отдавай мне горелую лепешку, а я тебе раздобуду вкусной еды.

Бозбала покрошил лепешку. Козленок съел ее, поднял вверх мордочку и заблеял. Смотрит Бозбала, а перед ним — блюдо с пловом.

Так Бозбала каждый день отдавал горелую лепешку козленку, а взамен получал плов.

Однажды мачеха подсмотрела, как Бозбала ест плов. Побежала она к своей матери. Старуха подумала и говорит:

— Когда вернется муж, прикинься больной и попроси: зарежь, мол, козленка твоего сынишки, тогда я поправлюсь.

Жена бая так и сделала. Когда муж приехал, она притворилась больной и стала со слезами просить его

зарезать козленка. Бай сейчас же послал за мясником. Из мяса устроили угощение, а голову закопали.

Приходит Бозбала из школы, а козленка нет. Спросил он брата, а тот говорит:

— Приехал отец и велел зарезать козленка, чтобы устроить пир-

— Теперь это место стало мне постылым,— сказал Бозбала, и ушел из дому.

Выбежал отец на улицу и стал звать сына:,

Бозбала, Бозбала, Тюльпан мой Бозбала! Хоть малого барашка Возьми с собой; Бозбала. Бозбала, Бозбала

Тюльпан мой Бозбала! Быстроногого коня Оседлай, Бозбала. Бозбала, Бозбала, Тюльпан мой

Бозбала! Самый лучший халат

Надень на себя, Бозбала, Бозбала, Бозбала, Тюльпан мой Бозбала! Кошелек серебра Возьми себе, Бозбала.

Но Бозбала даже не обернулся.

Идет Бозбала по кишлачной улице, а навстречу ему два его задушевных друга — молодые джигиты.

— Добрый путь? Куда идешь?— спрашивают. Бозбала рассказал о своем горе.

— А теперь прощайте. Я в этих местах не останусь.

— Подожди,—говорят ему джигиты,—мы тоже пойдем вместе с тобой.

Шли они дружно, точно три брата.

Долго они шли и много прошли.

Подошли друзья к берегу большой реки, смотрят__

стоит прекрасный дворец. Уселись они под одним деревом, закусили. Двое легли спать, третий остался караулить.

Из дворца вышла девушка с золотым кувшином, подошла к реке и стала брать воду. Увидела она друзей,' засмотрелась на них и уронила кувшин в реку.

Подошла девушка и спрашивает:

— Кто вы, откуда идете? Джигит рассказал все как было.

— А сама ты кто?— спросил он девушку.

— Я прислужница Айпарчи — дочери здешнего хана. Хан собирается выдать дочь замуж. Я пошла принести воды помыть голову моей госпоже, да засмотрелась на вас и упустила в воду кувшин. Что я скажу теперь?— сказала девушка и ушла во дворец.

Айпарча спросила прислужницу, почему она так долго не приходила. Девушка рассказала о трех юношах.

Айпарча подошла к калитке, выглянула, увидела спящего Бозбалу, и сердце ее поразила любовь. Охнула она . и упала без чувств. Рабыня побрызгала ее розовой водой . и привела в себя.

Айпарча приказала принести два красных яблока. Нацелившись, она бросила одно в Бозбалу.

Бозбала вскочил, глядит — у калитки улыбается ему раскрывшаяся роза-

«Что за девушка! Не сон ли это!» — подумал Бозбала, протирая глаза.

А девушка бросила ему второе яблоко.

Бозбала с первого взгляда загорелся любовью. Он приблизился к калитке, поздоровался с девушкой.

Дочь хана и говорит:

— Отец меня выдает за нелюбимого. Убежим?

— У меня,— отвечает ей Бозбала,— есть два Друга. Что мы с ними будем делать?

— Они пойдут с нами,— ответила ханская дочь.— Ночью, когда все будут спать, приходи сюда к калитке. Я буду ждать тебя с двумя лошадьми.

— Хорошо,— сказал Бозбала и, вернувшись к друзьям, рассказал им обо всем.

Ночью Бозбала пришел ко дворцу, а девушка уже ждет его. Айпарча попрощалась с дворцом и с родиной, и они отправились в путь.

Ехали они долго и проехали много. Когда миновало пять ночей и пять дней, подъехали они к покинутому

замку.

Вошли они во внутрь, смотрят — комнаты богато убраны, полы устланы коврами и паласами, а людей — никого.

— Что будет, то будет,— решили они и стали здесь жить.

Когда минуло десять дней, подошли друзья Бозбалы. Стали они тоже жить в этом замке. Каждый день один уезжал на охоту, тем и кормились.

Так Бозбала достиг исполнения своих желаний.

МУКБИЛ МЕТАТЕЛЬ

В давние времена Бухарой правил один жестокий шах. А у шаха была дочь. Девушку звали Мехри, что значит «отзывчивая», а прозвали ее «Нигяр»— красавица. И в самом деле она была такая красивая, что перед сиянием ее лица тускнел свет луны.

И насколько Мехри-Нигяр была красивая, настолько же была она сильная и смелая. Не по душе ей было сидеть в шахских хоробах,— одевалась она часто добрым молодцем и скакала верхом на «дгневом коне на охоту. Однажды Мехри-Нигяр с восьмьюстами удалых молодцов-джигитов отправилась в степь.

Джигиты ее все были такие мастера арканы закидывать, что, вздумай кто-нибудь из них звезду поймать, нацелится, кинет свой аркан — и захлестнет ту звезду без промаха. Да и сама Мехри-Нигяр — метнет стрелу, в любую цель попадет, будь она хоть под небеса подвешена.

Долго ли, коротко ли охотилась Мехри-Нигяр, только в один из дней оказалась она вблизи высоких гор.

У подножья одной горы паслась лань. Обернулась Мехри к своим удальцам-охотникам и говорит:

— Окружим лань и возьмем ее живой!

Восемь сотен охотников окружили лань. Со всех сторон со свистом полетели арканы. Но лань оказалась такой резвой, что сумела увернуться и убежала, проскочив мимо самой Мехри.

Рассердилась девушка, хлестнула коня и помчалась за ланью.

Вдруг из зарослей кустарника, страшно зарычав, выскочил тигр. Конь Мехри-Нигяр отпрянул в сторону, девушка не удержалась в седле и упала.

Наверное, ее растерзал бы дикий зверь, не приди ей на помощь какой-то пастух, оказавшийся поблизости. Метнул пастух из пращи камень, размозжил тигру голову.

Зверь упал на землю мертвый в двух шагах от Мехри-Нигяр, но пастух даже не взглянул на него. Подбежал, чтобы помочь встать незнакомому всаднику, смотрит, а это девушка невиданной красоты лежит, по белому лицу разметались темные кудри. Пастух помог девушке подняться, а она не может слова вымолвить от смущения.

Тут подоспели джигиты-охотники. Остановились они, дивятся: что случилось?

А Мехри-Нигяр вскочила в седло, сняла кольцо с пальца, отдала пастуху и, хлестнув коня, поскакала прочь.

Пусть она скачет себе до самого дома, а вы послушайте о пастухе.

Пастух был родом из горного племени. Звали его Мукбил, что значит «счастливый», а прозывали «Метатель», потому что он очень ловко метал камни из пращи.

Расставшись с Мехри, бедняга Мукбил так затосковал, что еле добрал до своего селения. А придя домой, и вовсе заболел.

Забеспокоились люди гор. Они любили пастуха и уважали его, потому что Мукбил-Метатель пас их стада и охранял скот от диких зверей. Бывало, какой зверь ни покажется у стада, пастух первым же камнем размозжит ему голову. Дикие звери боялись Мукбила-Метателя.

Люди гор каждый день навевывались к больному, справлялись о его здоровье.

Как-то вместе с другими пришел и один мудрый старик. Подсел он к Мукбилу, пристально посмотрел ему в глаза и говорит: — Сын мой, скажи правду, о чем ты тоскуешь.

Мукбил-Метатель только махнул рукой. — Э, отец, что спрашивать!

Но старик настаивал:

— Сынок, ты должен, открыть нам тайну своего -сердца.

Слово за слово, Мукбил-Метатель рассказал, как спас царевну от верной смерти, как она подарила ему свое кольцо, как он полюбил ее всю жизнь.

Старик поведал тайну пастуха всему народу гор.

— Мукбил-Метатель полюбил дочь шаха,— сказал он.— Нам надо искать какой-нибудь выход.

Люди гор уселись в круг и стали думать. Одни говорили:

— Шах ни за что не отдаст своей дочери за пастуха. Другие не соглашались с ними:

— Попробуем, пошлем людей — отдаст так отдаст, а не отдаст, соберемся и еще подумаем.

В конце концов так и порешили: послали к шаху сватов и старшим над ними назначили мудрого старика. Вот прибыли сваты во дворец. Шах увидел посланцев гор и спрашивает у них:

— Кто вы такие? С какой жалобой?

— Господин,— говорит ему мудрый старик, — мы прибыли к вам с покорной просьбой.— И рассказал все, как было.

Шах разгневался.

— Эй, невежды!—закричал он.— Как вы смели приехать ко мне сватами! Или вы меня за равню считаете?— И велел бросить сватов в темницу.

Потом кликнул тысячу палачей.

— Отправляйтесь,— говорит,— в горы. Отдаю вам на разграбление весь скот и все добро людей гор, только изловите мне Мукбила!

Что стая голодных волков, шахские палачи ринулись в горы, начали убивать людей, грабить их скот и добро.

Отец Мукбила-Метателя рассказал сыну, о несчастье, постигшем народ гор. Мукбил тотчас вскочил с постели и даже не вспомнил о своей болезни.

— Это,— говорит Мукбил,— из-за меня народ попал в беду!

Схватил пращу и пошел на шахских палачей.

Почти всех палачей убил Мукбил-Метатель, только немногим удалось бежать. Вот прибегают оставшиеся в живых палачи к шаху и говорят: -

— О, господин! Мукбил — опасный человек. Даже близко к себе не подпускает, а взмахнет своей пращей-любой охнуть не успеет, валится от первого же камня.

Еще больше рассвирепел шах. Собрал он еще тысячу палачей и выступил в поход во главе их сам.

Мукбил-Метатель встретил.- шаха в узком ущелье и пустил в дело свою пращу: как метнет камень,— палач наземь валится. .

Видит шах, что из его похода не выйдет никакого толка, посылает к Мукбилу человека и говорит:

— Ладно. Передай ему — я согласен отдать свою дочь. Только есть у меня одно условие: пусть Мукбил-Метатель приведет мне каждой рукой по четыре, а всего восемь тигров.

Узнав о желании шаха, Мукбил-Метатель согласился и говорит:

— Я выполню условие, только прежде шах пусть освободит наших послов, что безвинно томятся в темнице.

Шах вернулся в город и освободил сватов. А Мукбил-Метатель отправился на поиски тигров.

В одном месте в густых зарослях спал тигр. Мукбил-Метатель заметил зверя, подошел тихонько и схватил его за горло.

Тигр пытался бороться, но пастух еще крепче сжал ему горло, поднял его над головой, как малого котенка, и ударил о землю. Потом, пока зверь не очнулся, продел ему в нос кольцо и привязал толстой цепью к дереву.

Вот так и бродил Мукбил-Метатель по горам, пока не поймал восемь тигров. Проучив их хорошенько палкой, так, что звери стали гнуть шеи до самой земли, будто волы в ярме, Мукбил на седьмой день, ведя каждой рукой по четыре тигра, отправился к шаху.

Когда прошел слух, что Мукбил-Метатель ведет восемь тигров, в городе началось смятение: люди попрятались в дома, а многие убежали.

Шах узнал через своих стражников о случившемся, нахмурился. «Я думал, что пастух погибнет, охотясь за тиграми, а вышло по-иному!»—подумал он и — делать нечего — с отрядом палачей отправился навстречу Мук-, билу-Метателю.

— Хвала тебе, сын мой, хвала!—сказал он.— Только ты зверей в город не води,— еще вырвется какой-нибудь и покалечит людей. Отведи их в горы и хочешь— отпусти, хочешь — шкурыними. А потом — ты, вижу, умеешь слово держать — есть у меня для тебя еще задача. Вторая задача такая: должен ты представить мне голову богатыря Хатама из города Таи. У Хатама есть добрый конь,— и его приведешь. Выполнишь вторую задачу, получишь мою дочь в жены.

Не понравилось Мукбилу-Метателю, что шах не сдержал слова, но он подумал: «Наверное, этот Хатам

разбойник, иначе зачем понадобилась бы шаху его голова. Ладно, раз так, не стану перечить, выполню вторую задачу шаха и доброе дело сделаю — избавлю людей "от грабителя».

Вернулся Мукбил-Метатель домой, распрощался с людьми гор и отправился в далекий путь. Шел он долго и, когда исполнилось ровно четыре месяца, подошел к городу Таи.

День клонился к вечеру. Мукбил-Метатель только было подумал, где б ему переночевать, как вдруг видит: какой-то человек, лет сорока, скромно одетый, купает в большом канале коня.

— Хатам в городе или в отлучке?—спрашивает у него Мукбил.

— Хатам в городе,— отвечает человек.— Вы, похоже, странник,—переночуйте у меня, а завтра пойдете к Хатаму.

Мукбил-Метатель согласился.

Человек хорошо принял Мукбила, угостил его щедро и только тогда спросил:

— А какое у вас дело к Хатаму?

— Очень он нужен мне,— ответил Мукбил-Метатель.— Вы не знаете, что он за человек?

— Да,— говорит хозяин дома,— я знаю Хатама. Он правитель нашей страны. Только он не сидит, как другие шахи, на высоком троне, а живет среди своего народа, как простой человек.— Сказал так и снова обернулся к Мукбилу.— Так, что же все-таки за дело у вас к Хатаму?.

Мукбил смутился: «Как же так?—думает.— Хатам, видно, вовсе не похож на разбойника. Раз он живет среди народа и ведет себя как простой человек, не может он делать зла людям».

— Не знаю, что и сказать вам,— отвечает он хозяину.— Я должен отрубить ему голову.

Хозяин удивился:

— Да что же худого сделал вам Хатам?

— Хатам ничего худого мне не сделал,— ответил Мукбил-Метатель и рассказал, зачем он разыскивает Хатама.

— Ну, хорошо,—говорит ему хозяин дома,—сегодня вы отдохайте, а завтра я вас отведу к Хатаму.

Настало утро. Мукбил и говорит:

— Что ж, покажите мне дом Хатама.

А хозяин ему:

— Вы,— говорит,— и находитесь в доме Хатама, потому что Хатам — это я. Коня, что шах наказал привести, я вчера зарезал, чтобы угостить вас, так как в доме у меня никаких припасов не оказалось. Вы добиваетесь своего счастья, а я дал клятву: если для счастья человека когда-нибудь понадобится моя голова, не пожалеть и головы. Вот она!— и хозяин дома склонил голову перед Мукбиллом.

Пораженный таким великодушием Хатама, Мукбил-Метатель прослезился.

— Нет,— сказал он,— я не стану рубить вам голову-За жизнь такого человека, как вы, не жалко поступиться и своим счастьем.

У Хатама был взрослый сын. Посмотрел он на отца и говорит:

— Гость рассудил правильно. К тому же шах и на этот раз может не сдержать слова: выдумает третью задачу. Если вы желаете помочь гостю, отправляйтесь вместе с ним к шаху и там на месте что-нибудь придумаете.

Хатам согласился. В тот же день они с Мукбиллом-Метателем отправились в путь. Пришли в Бухару и явились во дворец шаха.

Шах увидел Мукбила и спрашивает:

— Ну как, привез голову Хатама? Привел коня?

— Хатам очень щедрый и великодушный человек,— отвечает Мукбил-Метатель. — Когда я оказался гостем в его доме, он зарезал своего коня, чтоб покормить меня, странника. Потом, узнав, зачем я пришел, он сам подставил голову под меч, но я головы рубить не стал, а привел его самого.

Шах побледнел и затрясся весь от злобы.

— Где же Хатам?— закричал он. Хатам поклонился и говорит:

— Вот, я и есть Хатам.

Шах даже привскочил на троне, обернулся к Мукби-лу и как закричит на него снова:

— Я наказывал привезти голову Хатама, а ты его живым доставил!

Хатам выступил вперед и говорит:

— Дома я предлагал гостю свою голову, но он отказался. Вот я и пришел сам. Если тебе так нужна моя

голова, вели отсечь ее, только удовлетвори желание этого юноши.

Шах кликнул палача, велел увести Хатама и отрубить ему голову. Но только палач схватил Хатама за руку, как Мукбил-Метатель закатил палачу такую затрещину, что у того лицо перекошилось набок.

Потом Мукбил обернулся к шаху и говорит:

— Разве можно казнить такого благородного человека! Если хочешь обязательно кого-нибудь убить, вот,— убивай меня!

— А что ж,— заорал шах.— Эй, палач, взять и казнить Мукбила!

Вдруг из внутренних покоев выбежала Мехри-Нигяр и бросилась на шею к Мукбил у. В ярости шах закричал:

— Казнить и ее!

Тут Хатам снова выступил вперед, подошел к трону и говорит:

— Шах, ты от злобы разум потерял!— и дал такого тумака шаху, что тот повалился с трона.

Народ с радостью избрал пастуха Мукбила своим правителем.

Хатам сам стал во главе пира и справил веселую свадьбу Мукбила с Мехри-Нигяр.

Так Мукбил-Метатель и Мехри-Нигяр достигли исполнения своих желаний.

Сатирические сказки

АЛДАР КУСА И ДИВЫ

Рассказывают, что в старые времена злые духи-дивы часто прилетали из пустыни в бухарские селения, поедали скот, похищали людей. Не стало у людей больше сил терпеть. Пошли они к Алдару Куса и сказали ему:

— Эй, друг! Всем известна твоя храбрость. Освободи нас от ига дивов! Нет нам жизни от них.

— Хорошо, я накажу дивов,— с важностью ответил Алдар Куса и завязал потуже свой поясной платок.

Но надо прямо сказать, что при слове «дивы», Алдар Куса вздропнул и тихонько посмотрел во все стороны, потому что на самом деле он вовсе не отличался смелостью.

На другой день Алдар Куса решил проведать свою замужнюю сестру. Взял он крынку кислого молока и пошел через горы. На дороге Алдар Куса увидел в пыли веревку.

«Дай-ка я тебя прихвачу, пригодись в дороге»,— подумал он.

Взял веревку и пошел дальше.

Смотрит в верблюжьей колючке лежит яйцо какой-то птицы.

«Пригодится»,— сказал себе Алдар Куса. Прихватил яйцо и зашагал дальше.

Навстречу ему по дороге ползла черепаха.

— Здравствуй!— сказал Алдар Куса.

— Здравствуй!— ответила черепаха.

— Куда?— сказал Алдар Куса.

— Сюда!— ответила черепаха.

— Значит мы спутники,— сказал Алдар Куса и сунул черепаху себе за пазуху.

Шел, шел Алдар Куса и поднялся на самый верх перевала. Смотрит, вдалеке что-то движется большущее, свирепое, страшное, аж земля дрожит.

Перепугался Алдар Куса зарыл крынку с кислым молоком в землю в одно место, веревку в другое, а яйцо не успел зарыть.

А это свирепое, страшное тут как тут.

— Хо-хо-хо-хо-хо!— засмеялось оно.

С перепугу Алдар Куса тоже, что есть силы,, закричал:

— Хо-хо-хо-хо-хо!

— Эй глупец!—сказало оно.— Почему ты смеешься, когда должен испугаться?

— Почему ты смеешься и кто ты?— спросил дрожащим голосом Алдар Куса.

— Я див! А смеюсь я потому, что мне попался ты, сын человека. Есть мне чем насытить мою утробу.

И див засмеялся еще громче: . — Хо-хо-хо!

Будто гром прокатился в горах.

Видит Алдар Куса, дело плохо, надо изворачиваться.

— Хо-хо-хо! — засмеялся он.— Я — ангел смерти . Азраил. Пришел за твоей душой.

Хорошо, что нашел тебя легко!

— Не боюсь я тебя,— зарычал див,— я переверну горы и камни.

— Не хвастай!— сказал Алдар Куса.— Не веришь, давай поборемся. Кто из нас сильнее!

— Давай!—сказал див.

— Первое условие, ударить землю, чтобы из нее мозги выскочили,— сказал Алдар Куса.

— Хорошо,— ответил див.

И так ударил, кулаком по земле, что вдавил в нее большие валуны.

— Где же мозги? Я говорил, что ты хвостун — смотри же!— закричал грозно Алдар Куса и с силой стукнул палкой об землю. Из разбитой крынки кислое молоко брызнуло диву в лицо.

— Видел?— проговорил Алдар Куса.

— Видел!— пролепетал испуганный див.

— Второе условие, — сказал Алдар Куса, — будем выжимать масло из камня.

— Хорошо,— робко ответил див.

Взял он камень, сжал его — и камень превратился в песок, но масла, конечно, из него див не выжал.

Алдар Куса раздавил яйцо и когда потекли желток и белок див признал себя побежденным.

— Еще одно условие,— сказал Алдар Куса — свей веревку из глины.

Див мучался мучался, но ничего не получилось.

— Очередь моя — заявил Алдар Куса и выдернул из земли зарытую веревку.

— Вот так надо из глины вить веревку,— сказал Алдар Куса.

Див не на шутку удивился и почесал затылок. Попалась ему блоха величиной с саранчу.

— Э,— засмеялся Алдар Куса,— у меня блохи побольше. Сунул руку за пазуху, достал черепаху и пустил ее на землю.

Испуганный див низко поклонился Алдару Кусе и попросил его:

— Идем к нам в гости!

Алдар Куса окончательно струсил, но и вида не показал. Див привел Алдара Кусу в огромную пещеру. Дивов здесь было видимо-невидимо и все большущие, лохматые, свирепые.

После угощения самый большой див предложил:

— Давайте играть, будем ломать скалы. — Давайте!— ответил Алдар Куса.

Дивы стали бить ногами по скалам. Каждым ударом они разбивали целые утесы высотой с бухарский минарет.

— Твоя очередь!— сказали дивы.

Алдар Куса сделал вид, что выбирает утес покрупнее.

— О чем ты думаешь?— спросили Дивы.

— Имеется четыре причины, почему я думаю. Если я ударю вот ту горку она покатится на восток, загородит путь восходу и мир погрузится во мрак. Если я ударю вон по той горе, я закрою путь к закату и солнце останется на небе и мир сгорит от нестерпимого жара. Если ударю сюда, закроется путь холодному ветру и тогда все люди, звери, камни, горы и моря протухнут. А если в эту сторону, закроется путь для теплого ветра и все живое замерзнет. Если ударю землю, она провалится и вместе с ней все живое, а если ударю небо, оно упадет на землю и всех задавит. Не знаю, как и быть.

— Не надо, пусть мы останемся жить, пригретые лучами вашего солнца,— закричали дивы.

— Хорошо!—сказал Алдар Куса.— Так и быть я пожалею вас.

Дивы устроили еще большое угощение и оставили Алдара Кусу у себя ночевать.

Алдар Куса лег и нарочно громко захрапел, а сам стал прислушиваться.

Дивы начали шептаться:

— Ангел Азраил заснул. Подождем еще немного и убьем его, а то еще он у кого-нибудь из нас захочет взять душу.

Когда стало темно, Алдар Куса тихонько встал, принес из угла пещеры большущую деревянную ступу, в которой дивы толкли пшеницу в муку, и положил вместо себя на постель, а сам спрятался за мешки.

Вдруг в темноте послышались шаги и раздался звук от такого удара палицы, что бедная

стуга разлетелась в щепки. Дивы решили, что ангел Азраил убит и ушли спать. На рассвете Алдар Куса разбудил дивов.

Дивы испугались.

— Как вам спалось, господин ангел Азраил?— кланяясь, спросили они.

— Неважно!— сказал Алдар Куса.— Не то дождь, не то еще что-то на меня капало и мешало спать.

Дивы собрали богатые дары и попрощались с Алдар Кусой.

Три дива проводили Алдара Кусу до дома. Открыв пошире ворота, Алдар Куса пригласил дивов к себе в гости. Входя в дом, он окликнул жену:

— Эй, жена, подай гостям жаркое из тех дивов, которые приходили вчера.

Не успела жена Алдара Кусы сказать «Ладно!»— как дивов точно ветром сдуло.

А надо сказать, мулла-настоятель местной мечети очень не любил Алдара Кусу.

Шел мулла по дороге и видит навстречу ему бегут перепуганные дивы.

— Здравствуйте, куда это вы торопитесь!— спросил дивов мулла.

Дивы рассказали ему все про Алдара Кусу.

— Эх вы, простаки! Вас Алдар Куса перехитрил. Он лгун и трус, идите убейте его.

Смотрит Алдар. Куса, а мулла ведет дивов к его дому. Алдар Куса вышел навстречу и сказал:

— Эй, хитрый мулла! Обманщик мулла. Берешь займы масло, а отдаешь — водичку. Ты у меня месяц назад занимал десять дивов на мясо, для пиршества, а сейчас ведешь только трех дивов? А где остальные семь? А?

У дивов душа ушла в пятки. Они бросились на муллу, выдернули у него язык и убежали.

С тех пор Алдар Куса живет спокойно.

Народ тоже обрел спокойствие, так как дивы в страхе перед Алдаром Кусой совсем убежали в пустыню.

А мулла ходит и все бормочет, но никто не может понять, что он хочет сказать.

АЛДАР КУСА И КУПЕЦ

Ехал один купец с караваном и хвастался своим спутникам:

— Конечно, Алдар Куса может всех обмануть, но только не меня. Алдар Куса умеет обманывать только глупцов.

Вдруг смотрит, а навстречу идет по дороге Алдар Куса.

— Здравствуйте,— говорит Алдар Куса,— доброго пути вам желаю.

А купец еще больше расхвастался:

— Эй, Алдар Куса!— кричит.— Если ты обманщик, обмани меня. Попробуй. Только ничего у тебя не выйдет. Не на таковского напал.

Поклонился вежливо купцу Алдар Куса. - Ах, жаль, уважаемый купец. Мой мешок-обманщик . остался дома. Дайте, пожалуйста, мне вашу лошадку, я быстро обернусь и привезу мешок. И тогда вы убедитесь, обману я вас или нет?

— Хорошо, привези!— согласился купец и дал Алдар Кусе лошадь. .

Алдар Куса уехал.

Больше его купец и не видел.

АЛДАР КУСА И ВОРЫ

Однажды Алдар Куса возвращался домой из далекого путешествия.

— Когда Алдар Куса был уже близко от родного кишлака, одной пулей он застрелил четырех зайцев и сварил себе похлебку.

Плотно поужинав, он лег на спину и стал смотреть на небо.

Вдруг послышался конский топот и челозеческие голоса.

Алдар Куса притаился.

Семь воров остановились у подножия холма. Алдар Куса протянул ружье и выстрелил. Все семеро воров упали ничком и так остались лежать.

Подошел Алдар Куса, видит на всех конях тяжелые вьюки.

Погнал Алдар Куса коней домой. Жена встретила его громкими воплями: — Вай дод! Караул!

— Жена, что ты плачешь?— спросил Алдар Куса с удивлением. Я же вернулся живой и здоровый!

— Лучше бы ты не возвращался,— причитала жена,— пропал наш дом. Сегодня ночью явились грабители и унесли все наши вещи!— и стала кричать пуще прежнего.

Поохал Алдар Куса и стал сгружать с коней вьюки.

Жена засмеялась.

— Чему ты смеешься?— спросил Алдар Куса.

— Да ведь ты привез наши вещи!—ответила жена. Алдар Куса увидел, что он отобрал у воров свое собственное имущество.

АХ И ОХ

Однажды шел Ходжа Насреддин по базару и встретил своего земляка. Тот чуть не плакал.

Насреддин подошел к нему с вопросом, отчего он так печален. И тогда бедняга рассказал Ходже, что нанялся работать к богатому купцу. Трудился у него честно и усердно, а когда пришла пора расплачиваться за работу, хозяин велел ему поймать и наказать ветер, который сбил с его любимого дерева все персики. Когда выполнишь эту задачу, сказал, тогда и заплачу тебе. Не смог слуга поймать легкий ветерок... Так и ушел без денег.

- Эх, - сказал Насреддин, - да это ж известный в городе скряга! Всех своих работников он держит до тех пор, пока те не начинают требовать заработанные деньги. Тогда он дает слуге поручение, которое невозможно выполнить, а потом выгоняет беднягу в три шеи.

Посочувствовал Насреддин своему земляку и решил отомстить богатому скряге, проучить его.

Пришел к нему.

- Хочу, - говорит, - господин, к тебе на работу наняться.

Сговорились на три месяца. Работал Насреддин эти три месяца не за страх, а за совесть, а когда срок к концу стал подходить, явился к хозяину за заработанным.

- Я расплачусь с тобой сегодня же, но при условии, что ты выполнишь мое последнее поручение, - сказал хозяин. - Выполнишь - деньги твои, не выполнишь - пеняй на себя.

- А что мне надо сделать? - осведомился Насреддин, давно уже ждавший этого приказания.

- Пойди-ка на базар и принеси мне "ах" и "ох", - ухмыльнулся богач, очень гордый своей выдумкой, в полной уверенности, что даже Насреддину не под силу такая задача.

- Хорошо, господин, - ответил наш хитрец, но пошел вовсе не на базар, а в рощу за городом. Поймал там скорпиона и фалангу, посадил их в кошелек и довольный вернулся домой к хозяину.

Потирая руки и хихикая, скряга спросил Насреддина:

- Ну, ты купил то, что я просил?

- А как же, господин, - ответил тот почтительно.

- Так где же это?

- Здесь, - сказал Насреддин и подал хозяину кошелек.

Скряга засунул руку в кошелек, и скорпион тут же ужалил его.

- О-о-ох! - во весь голос завопил скряга.

- А еще поглубже в кошельке и "ах" найдется, - усмехнулся Насреддин.

Так и пришлось богачу своими распухшими от укусов пальцами отсчитать Насреддину его жалованье.

ДЕВЯТЬ ЛОДЫРЕЙ

Было или не было, жили водном городе девять лодырей и один Проворный. Девять лодырей имели дома у самого базара, а Проворный жил на самой окраине города. И лодыри, и Проворный делали арбы. Ленивы были лодыри и за целый день с трудом изготавливали всего одну арбу. А Проворный в течение дня делал девять арб. Народ на базаре ругал арбы, сделанные лентяями, и хвалил арбы Проворного.

Стали девять лодырей думать, как им поправить свои дела. Думали они день и ночь, и вот один из них воскликнул:

- Нашел!

Четыре лодыря, что один гвоздь забивал, три, которые топор поднимали, да один с рубанком в руке – так и застыли на месте.

А первый лодырь продолжал:

– Сейчас пойду к Проворному, расхвалю нашу работу, скажу, что мы каждый день делаем восемьдесят одну арбу, и у нас столько денег, что не знаем, куда их девать. И потому решили взять его в кампанию. Проворный у нас проработает несколько дней. За это время мы распродадим свои арбы.

– Правильно говоришь! – закричали лодыри и послали первого лодыря к Проворному.

– Брат Проворный! Мы тебя очень жалеем. Подумай сам, ты с утра до ночи трудишься, проливаешь пот – зачем тебе так мучить себя? Брось все, иди к нам.

– Ну, ладно, - сказал Проворный, - иди так иди!

Начали работать все вместе. Лодыри спрятались от жары в тень. Только проворный, повязав лоб платком, продолжал пилить, строгать, гвозди заколачивать.

Вечером Проворный пересчитал арбы. Сам он смастерил девять арб, а лодыри сделали одну – всего десять. Удивился Проворный, но промолчал. На базаре никто не купил арбу сделанную лодырями. А арбы, которые смастерил Проворный, раскупили нарасхват.

Стал Проворный учить лодырей. Ничего из этого не получилось.

Бросил Проворный лодырей и ушел к себе.

Думали, думали лодыри, что делать дальше, и ничего не смогли придумать.

– Нашел! – крикнул, наконец, первый лодырь.

Один лодырь гвоздь забивал, шестеро надевали колесо на ось, один топор держал – все так и застыли на месте.

Первый лодырь продолжал:

- Сегодня ночью сожжем все арбы Проворного. А завтра на базаре не будет арб, кроме наших, и цены на них поднимутся – продадим свой товар за хорошие деньги. Что скажете ?

– Хорошо придумал ! – сказали остальные лодыри.

Как только Проворный ненадолго уехал из города, лодыри подожгли все его готовые арбы.

Вернулся Проворный домой и увидел, что арбы его сгорели. Сразу понял кто это сделал.

– Эх, что было, то прошло ! – сказал он и как ни в чем не бывало принялся за работу.

Повезли лодыри продавать на базар свои арбы и заехали к Проворному – его бедой насладиться. Видят, он работает как ни в чем не бывало. Да еще поет.

– Салом, Проворный ! Как поживаешь? Все ли благополучно ?

– Да , все хорошо, - ответил Проворный.

– Мы слышали, что твои арбы сгорели. Правда это ?

– Правда, - ответил Проворный. – Все арбы давно надо было сжечь, никак не мог собраться.

Нашлись, на мое счастье, добрые люди и сожгли их. Очень я обрадовался.

– Почему ? – удивились лодыри

– Очень просто. Мне понадобилось много золы.

– Зачем!?! – удивились лодыри.

– Да, - сказал Прворный, - на базаре золу от арб меняют на золото. Вес на вес. Сам только что привез золото, которое получил взамен золы.

Лодыри поскорее вернулись домой, сожгли свои арбы, а золу насыпали в переметные сумы и повезли на базар.

– Кому золы от арбы ? – начали на все лады кричать лодыри на базаре.

– Продается хорошая зола от хорошей арбы !

– За хурджун прекрасной золы всего один хурджун золота !

– Хо-хо-хо ! Подходите, торопитесь !

Люди смеялись до слез, а потом схватили палки да и прогнали лодырей с базара.

Очень разозлились лодыри и решили Проворному отомстить.

Забрались они в полночь во двор к Проворному, хотели его избить. В темноте наткнулись на ишака, а то давай лягаться. Лодыри вовсе обозлились и принялись ишака бить. Избили так , что он издох.

Наутро Проворный видит – ишак его лежит мертвый. Огорчился Проворный, потом положил ишака на арбу и повез в поле.

Подъехал к большому току, снял ишака и поставил возле скирды не обмолоченной пшеницы.

Хозяин тока – ростовщик Салимбай сидел неподалеку и завтракал.

Увидел он ишака возле пшеницы и давай кричать:

- Пошт! Пошт! Пошел! Пошел!

А ишак стоит себе и не двигается.

Подбежал Салимбай, палкой со всего маху стукнул ишака по спине. Мертвый ишак, конечно, упал на землю.

– Вай!, - закричал Проворный. – Ты, бай, убил моего ишака !

Салимбай испугался.

– Душа моя, Проворный, - начал просить он, - Не кричи так громко. Пусть никто не знает об этом !

Но Проворный продолжал кричать:

- Нет, ты возместишь мне убытки – такой хороший и работающий был ишак !

И бросился с палкой на Салимбая.

– Стой, я заплачу, сколько ты хочешь !
И отсчитал Проворному десять золотых.
Проворный пошел домой. По дороге встретились ему лодыри.
– Салом, душечка Проворный ! – сказали он
- Салом ! – ответил Проворный.
– Как поживаешь ? Что нового ?
– Новостей много, - ответил Проворный. – Сегодня ночью подох мой ишак, я отвез его на базар и продал. Вот смотрите, сколько я выручил за дохлятину.
Проворный развязал кошель и показал десять золотых.
При виде золота у лодырей глаза полезли на лоб.
Пробежали они домой, убили своих ишаков и потащили их трупы на базар продавать.
Притащили на базар и давай кричать:
- Кому нужны дохлые ишаки ? Меняем на золото !
Народ на базаре разгневался:
- Что еще за безобразие ? Кто же торгует дохлыми ишаками ?
Избил народ лодырей и прогнал с базара.
Проворный не успел доехать до дома , видит: бегут все девять лодырей.
Подумал Проворный: «Их девять, а я один – не справлюсь!»
И побежал в степь. Лодыри за ним.
Но Проворного не зря прозвали Проворным, бегал он быстро и далеко опередил лодырей.
Бежит по степи Проворный, а на встречу ему Салимбай гонит баранов
- Эй, - кричит бай, - куда бежишь ?
– Ты разве не знаешь: меня назначили шахом!
Заволновался бай:
- Тебя бедняка, хотят назначить шахом ? С какой это стати ? Ах ты, тыква пустая ! Я – бай, пусть меня назначают шахом ! – вскричал он.
– Если так, беги прямо вон к тому бугру, - ответил Проворный. – Там тебя и назначат!
Салимбай очень хотел стать шахом и припустился к бугру во всю прыть.
А Проворный надел халат наизнанку, повязал лицо платком и сел в канаву.
Тут подбежали лодыри и, запыхавшись, окликнули Проворного.
– Не пробежал ли здесь один человек ? – спросили они.
– Пробежал, пробежал, - ответил Проворный
- Давно он пробежал ?
– Нет, только что. Да вон он бежит ! – сказал Проворный и показал на бегущего вдали бая.
Посмотрели лодыри, увидели бая и пустились его догонять.
Проворный снова перевернул халат, снял с головы платок и пошел домой.
А лодыри, говорят, до сих пор бегают по степи – гоняются за баем.

ФАРХАД И ШИРИН

Было или не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в далекой стране бедняк.

Был у бедняка сын Фархад.

Стал бедняк стар, почувствовал он приближение смерти, позвал сына и говорит:

— Нет у нас ни золота, ни серебра, ничего не оставляю тебе в наследство, сын мой, кроме этого кетменя. Будешь трудиться — будешь счастлив. Прощай. Вместе со мной похорони вот

этот ларец, не открывая его, а то случится несчастье.

Умер бедняк.

Не выполнил завета отца Фархад, открыл из любопытства ларец. Нашел он в нем небольшое зеркало.

Заглянул в него Фархад. Видит цветущий луг, а по лугу гуляют красавицы и среди них одна — прелестная словно пери. Не мог оторвать от нее взора Фархад и упал без чувств.

Долго бы пролежал Фархад, если бы к нему не зашел его друг Шапур.

— Видит Шапур, что лежит его друг, как мертвый, крепко зажав в руке зеркало.

Взял зеркало Шапур и увидел красавицу с лицом пери, с глазами газели, с волосами, подобными сиянию. Солнце и луна спорили, есть ли такая прекрасная девушка на свете.

Выбежал на улицу Шапур, зачерпнул из арыка прохладной воды и плеснул ее на лицо Фархада. Пришел в себя Фархад, увидел в руках Шапура зеркало, и сразу вспомнил о неведомой красавице. И стал Фархад грустнее ночи. Тоскует, ничего не ест.

Долго он предавался грусти или нет, но решили они с Шапуrom идти искать прекрасную пери.

Много гор и степей прошли, во многих городах побывали.

И вот однажды они пришли в город Беговат. Кругом высились высокие горы.

Посмотрел Фархад вокруг и удивился. Хоть и было лето, но деревья стояли желтые и листья их осыпались, как глубокой осенью. Поля высохли и растения поблекли. У иссохшего канала, изнуренные тяжким трудом, стояли худые люди. Кетменями они долбили скалу.

— Эй, что вы за люди,— крикнул Фархад,— и для чего долбите скалу?

И рассказали люди, что вот уже три года, как они начали пробивать в скале арык, чтобы пустить воду в город, и дать жизнь полям и садам, изнемогающим от зноя и горячего ветра гармсиля.

Три года проливают слезы и пот люди, изнывая от непосильного труда, но несокрушимая точно железо скала не поддается и все усилия тщетны.

— Друг мой, Шапур,— сказал Фархад,— люди эти умирают от голода и жажды.

И Фархад, засучив рукава, взял в руки отцовский кетмень и ударил в скалу. Много силы было в руках Фар-хада, но не дрогнула скала, а кетмень разломался на части.

В гневе приказал Фархад принести ему все кирки и кетмени, раздул горн и, переплавив их, выковал вместе с Шапуrom один большущий кетмень, которого не могли бы поднять и сто человек.

Взял Фархад одной рукой кетмень, взмахнул раз, взмахнул два, получился канал больше того, который копали люди три года. Еще раз ударил Фархад кетменем, ударил два и задрожала гора. Скалы рухнули. Обрадовались люди и бросились помогать Фархаду.

Городом Беговат правила в ту пору султанша Гуль-чехра и была у нее любимая племянница Ширин.

Посмотрела Ширин с высокой башни и видит — могучий богатырь сокрушает гору. Побежала Ширин к своей тетке Гульчехре и, ласться так и эдак, упростила поехать посмотреть на богатыря.

— Ведь я дала клятву выйти замуж за того, кто по-вернет Сыр-Дарью в Голодную степь,— говорила Ширин.

Так увлекся Фархад работой, что не заметил, как подъехали султанша Гульчехра с Ширин.

Остановился Фархад утереть пот на лице, глянул на приехавших, а тут ветер откинул покрывало с лица Ширин и он увидел ту самую пери, которая была в зеркале.

Сказал только: «Ох!» Фархад и упал без чувств на землю.

Удивились все: что с Фархадом? Только верный Друг Шапур знал в чем дело, да не смел сказать.

Пришел в себя Фархад, смотрит на Ширин, глаз не может оторвать. Застыдилась Ширин, глянула только на Фархада лукаво из-под ресниц, подобных острым стрелам.

И вдруг подняла коня девушка на дыбы и помчалась прочь. Споткнулся конь и захромал, подбежал Фархад подхватил одной рукой коня вместе с Ширин, взвалил себе на плечи и пустился бегом. Добежал до дворца и опустил коня с прекрасной принцессой около ворот.

Ушел Фархад, ничего не сказав Ширин и не посмотрев на нее. Удивилась красавица и почему-то на сердце ее стало грустно.

А чем дальше уходил Фархад, тем тяжелее становилось ему: «Разве может полюбить тонкостанная, рожденная в бархате и шелку, меня, простого каменотеса».

Не вернулся он к рыку, а пошел на гору, сел на камень, склонив на руки голову.

А в тот самый час султанша Гульчехра готовила пир в честь неизвестного строителя. Бросились гонцы искать Фархада. Искали, искали, но так все и вернулись к султанше ни с чем. Только последний гонец разыскал его на самой вершине горы.

Привели Фархада во дворец, усадили на почетном месте.

Фархад не знал, что и делать, так рад он был увидеть Ширин.

Начинался веселый пир. Звенели дутары. Девушки, стройные как газели, танцевали. Юноши играли в борьбу. Все было прекрасно: и песни, и яства, и танцы, только не было Ширин. Все мрачнее и печальнее становился Фархад.

Но вот вышла к гостям Ширин. Сияние озарило лица гостей. Все веселее звучала музыка, быстрее кружились танцовщицы. Но ни на кого не смотрели Фархад и

Ширин. Во время всего пира они ничего не пили, не ели только глядели друг на друга.

Как вдруг приехали послы из царства Иран. Молва о красоте Ширин неслась по всему свету и дошла до падишаха той страны, старого, плешивого Хосрова. Решил заполучить Хосров юную жемчужину и заслал к Гульчехре он сватов.

Печаль сменила веселье, замолкли напевы златострунного саза, не слышно было смеха. Знала Гульчехра, что, если откажет она Хосрову, будет страшен его гнев, пойдет он войной на Беговат, разоряя селения и поля на своем пути.

— Эй, женщина,— сказал посол Гульчехре,— мой господин, царь царей Хосров, встал у границ твоего государства с многотысячным войском. Хосров сказал: «Пусть царевна Ширин разделит со мной ложе, а если нет — камня на камне я не оставлю от Беговата, а надменная Ширин и ты с веревками на шее пойдут за моим конем. Отвечай!»

Склонила Гульчехра голову и сказала послам:

— Принцесса Ширин еще молода, она робка и пуглива, как дикая коза джейран, Ширин любит стрелы, коней и охоту. Ширин не думает о замужестве.

Страшно разгневался Хосров на отказ и с огромным войском двинулся на город султанши Гульчехры.

Черной тучей придвинулась к стенам Беговата орда Хосрова.

Забили большие барабаны войны, загудели медные трубы, запылали костры. Побежали горожане на городские стены отбиваться от врага.

— Не место мне здесь, в городе,— сказал себе Фархад,— не подобает мне, мужчине, прятаться от вражеских стрел.

Пошел Фархад на гору, выломал своим гигантским кетменем два утеса, каждый величиной с дом, и давай их подбрасывать и ловить руками.

Удивились вражеские воины, побледнели, затряслись от страха, побежали к Хосрову:

— Великий шах,— сказали они,— там страшный див на горе играет скалами, точно

яблоками.

Вышел Хосров из шатра, поглядел из-под ладони — видит действительно на горе стоит могучий богатырь и швыряет к небу целые утесы

— Эгей, человек,— закричал Хосров,— кто ты такой и что ты делаешь там на горе?

— Я камнеметатель,— отвечает Фархад, а дыхание его даже и не ускорилося, хоть каждый утес был весом по сорок пудов.— Уходи, шах Хосров, прочь отсюда со своими воинами, а не то я начну вот эти игрушки в твой лагерь бросать.

Не испугался Хосров. Приказал сорока отборным своим воинам в золотых шлемах и с золотыми щитами пойти на гору и привести Фархада живым или мертвым.

Кинулись сорок воинов на гору. Швырнул в них Фархад скалу и не осталось от них даже пылинки.

Рассвирепел шах Хосров. Послал еще сорок отборных воинов, но и их постигла такая же участь.

Хотел Хосров послать тогда на Фархада все свое многотысячное воинство, но тут склонился к уху шаха хитроумный визирь и проговорил:

— Недостойно великому шаху с могучим войском сражаться с каким-то каменотесом. Победишь ты Фархада, о шах, славы тебе не прибавится, победит тебя, да не допустит аллах, этого, Фархад — позор ляжет на твою голову.

— Что же ты советуешь?— сердясь, сказал Хосров.— Скорее, иначе я позову палача и...

— Зачем же звать палача,— ответил хитроумный визирь,— там, где нельзя победить мечом, там можно победить умом. О шах, ты хочешь получить руку красавицы Ширин. Она мечтает о счастье народа и, говорят, дала клятву, что выйдет замуж за того, кто первый проложит через гору канал и пустит воду на изнывающие от засухи земли Голодной степи.

Еще больше рассердился Хосров и закричал на своего визиря:

— Я — великий шах великого государства, а не земледелец, измазанный в глине. Что же ты хочешь заставить меня взять в руки кетмень и копать землю. Не будет этого.

Хитро улыбнулся визирь и дал Хосрову совет.

Отправил тогда Хосров в Беговат послов. Прибыли они во дворец к Гульчехре.

Не шумели они, не грозили войной. Лъстивы и подобострастны были их улыбки. Низко, до самой земли кланялись они.

— Наш шах,— сказали они,— хотел только испытать мужество беговатцев. И он передает свое уважение и восхищение. Не хочет влюбленный Хосров силой добиваться благосклонности красавицы Ширин. Нет. Слышал Хосров, что прелестная Ширин станет женой того, кто первый повернет реку Сыр-Дарью в Голодную степь. Так ли это?

Тогда встала Ширин, опустила стыдливо свои прекрасные глаза и сказала одно только слово:

-Да.

Поклонились послы и скромно удалились.

Скоро прибыл во дворец в сопровождении пышной свиты сам шах Хосров.

— О, сладчайшая из принцесс,— сказал он, — я берусь выполнить твоё желание. Сегодня же ночью Сыр-Дарья потечет на сухие земли Голодной степи.

Удивилась Ширин. Больно стало у нее на душе, ибо красота и мужество Фархада глубоко ранили ее в самое сердце. Вышла она поспешно со своими прислужницами из зала, где Гульчехра принимала Хосрова и побежала в свои покои.

Велела Ширин собрать гонцов и приказала бежать им во все стороны, останавливаться у

каждой хижины, у каждой юрты, у каждого дома и бить в барабаны и объявлять:

— Люди, кто повернет сегодня Сыр-Дарью в Голодную степь, тот получит руку принцессы Ширин.

Побежали гонцы во все стороны, разнося эту весть.

Услышал зов глашатаев Фархад, схватил свой кетмень и бросился к каналу. Задрожала, зашаталась гора под могучими ударами кетменя, полетели камни, перегораживая течение буйной реки.

Тысячи людей сбежались смотреть на богатыря Фархада, тысячи людей бросились помогать Фархаду в его благородном деле.

А во дворце Гульчехра устроила в честь шаха Хосрова пир. Наступила ночь. В пиршественный зал проскользнул визирь Хосрова и шепнул что-то на ухо своему повелителю. Тогда поднялся Хосров и, поклонившись Гульчехре, сказал:

— О мудрая Гульчехра, желание твоей племянницы, прелестной Ширин, исполнено. Вода течет в степь. Все бросились на крышу дворца.

И Ширин увидела как вдалеке блестела луна в чистом, прозрачном зеркале воды. О ней так мечтал народ. И вот вода была.

Еще ниже поклонился Хосров:

— О, Ширин, выполняй свое обещание.

Почему так больно сжалось сердце Ширин: «О Фархад, где ты?»—думала Ширин. В безумной тоске хотела она сброситься вниз на камни. Но ведь она дала обещание. Если она разобьется и погибнет, то Хосров будет мстить. От города он не оставит камня на камне, а народ истребит.

Не знала Ширин того, что в степи блестела под лучами луны не вода, то отражался свет в блестящих тростниковых цыновках, расстеленных длинной полосой на земле в степи по приказу хитроумного визиря.

Начался свадебный пир.

Подобно круглой луне на темном небе блестела неслыханной красотой Ширин среди гостей Хосрова. На губах прекрасной невесты была улыбка, на глазах — слезы. Сердце красавицы билось и рвалось на волю, туда, куда звала его любовь. Найти, найти его — рыдало сердце.

Вопили.- карнаи, бубны, барабаны. Ломился от яств стол: плов, лагман, кабоб, целиком изжаренные бараны, шурпа, вино, орехи, конфеты—всего было в изобилии.

Так стала Ширин женой Хосрова.

Настало утро. Ночной мираж растаял вместе с предрассветной мглой. Ширин и люди увидели, что воды нет.

Бросились люди на обманщика Хосрова, но он только смеялся, окруженный сильными воинами.

Проливала слезы безутешная, обманутая Ширин.

Всю ночь, не покладая рук, работал Фархад. Могучим своим кетменем он ломал скалы и бросал в реку, но поток уносил их с собой. Разозлившись, Фархад схватил гору, поднатужился и сдвинул ее с места.

Запел Фархад песню о красавице Ширин, о счастье, о любви.

Еще одно усилие и река остановит свой бег!

Тогда Фархад спросил:

— Где же Ширин? Пусть придет взглянуть на труд мой!

Опустив головы, все молчали. Молчал и друг Фархада Шапур. Только ветер уныло прошумел;

— Фархад, Фархад, стала Ширин женой Хосрова. От обманул ее, она не любит его!

Но потрясенному черной вестью Фархаду послышалось, что ветер говорит: «Любит, любит Хосрова».

Не стал больше Фархад слушать, что говорит ему ветер. Он слышал, только, как сердце ему шептало: «Зачем петь тебе Фархад — соловей поет не тебе. Зачем смотреть тебе Фархад — глаза прекрасной смотрят не на тебя,. Зачем дышать тебе Фархад — розы благоухают в другом саду».

В безумном горе бросился Фархад к городу. На стене его стояла Ширин, обливаясь слезами.

Увидел Фархад свою любимую, рванулся к ней, но между ними мчалась бурная Сыр-Дарья. Протянул Фархад к красавице Ширин руки и окаменел от горя.

Рванулась Ширин к Фархаду, проливая потоки слез, и превратилась в кристально прозрачную речку.

Так и стоит до наших дней близ Беговата на берегу Сыр-Дарьи могучий утес Фархад, а навстречу ему в глубокой долине струятся тихие слезы красавицы Ширин.

ЭГРЫ - БЕСЧЕСТНЫЙ. ТУГРЫ - ЧЕСТНЫЙ

В старые времена жил в одном кишлаке юноша. Звали его Тугры. Кроме лошади у него ничего не было. Поискал он работу в одном, в другом кишлаке - не нашел. Тогда сел на лошадь и поехал в дальнюю сторону искать счастья.

Ехал Тугры, ехал - встретил пешего путника. Разговорились. Тугры спросил путника, кто он, откуда и куда идет.

- Иду искать работу,- ответил тот. - Как тебя зовут?- спросил Тугры.

- Эгры.

- А меня Тугры. Давай подружмся, будем вместе работать, вместе жить.

И уговорились они быть друзьями на всю жизнь.

Тугры пожалел своего пешего товарища и предложил ему проехать немного верхом. Эгры сел на лошадь, хлестнул ее нагайкой да и ускакал. Только его и видели.

Ахнул Тугры: человек, который клялся быть верным другом, поступил с ним, как самый подлый враг.

Но делать нечего, поплелся Тугры дальше пешком.

Когда стало темнеть, увидел Тугры узкую тропинку, пошел по ней. Тропинка привела его в глубь дремучего леса.

Вдруг Тугры увидел на лужайке старую печку для лепешек - тандыр.

"Все-таки опасно идти по лесу темной ночью. Посплю-ка я здесь до утра",- подумал он и залез в печку.

А на лужайке, где стояла печка, собирались по ночам именитые звери: лесной шах - лев, лесные визири - тигр и медведь, лесной горнист - волк, леской флейтист - шакал, лесной сказитель - лис.

Когда взошла луна, прибежал шакал и завыл. На его зов собрались звери, стали пировать. Пришел шах - лев, важно сел на свое место и пошёл рассказывать ему обо всех диковинках.

Лис-сказитель начал рассказ:

- Недалеко отсюда есть пещера. Уже десять лет я живу в ней. Десять лет я собираю там всякое добро: ковры, занавеси, одеяла, одежды... Все, что ни есть у людей, можно найти в моем доме. А сколько вкусных вещей у меня, припасов!

Тугры в своем убежище подумал: "Ого! Неплохо было бы пойти мне в гости к этому лису".

После лиса заговорил визирь-медведь:

- Это тоже не диво. А вот в нашем лесу есть высокое дерево - карагач, а под ним два молодых ростка. Нет болезни, которую не вылечили бы листья этих ростков. Дочь шаха нашего города семь лет болеет. Шах велел кликнуть клич: "Кто вылечит мою дочь, за того ее отдам! Кто вызовется лечить и не вылечит, того казнию". Многих лекарей уже казнил шах. Вот если бы кто-нибудь нарвал листьев с ростков карагача, отварил их да напоил девушку, она сразу выздоровела бы.

После медведя начал рассказывать волк-горнист:

- На опушке леса пасется байское стадо в сорок тысяч овец. Я каждый день съедаю двух овец. Как ни ловчатся пастухи, не могут меня поймать. Ведь они не знают, что недалеко на холме живет старик, у которого есть пес. Если бы пес охранял стадо, он разорвал бы меня в клочки.

Заговорил тигр-визирь:

- У бая, про которого рассказывал волк, есть конский табун в десять тысяч голов. Он пасется у опушки леса. Я каждую неделю уношу по одной лошади. В табуне есть белый с черным конь. Если бы кто-нибудь сел на этого коня, то мог бы меня догнать... Хорошо, что никто об этом не знает.

Тигр кончил свой рассказ. Забрел рассвет. Звери стали расходиться по своим логовам.

Вот лужайка опустела, и Тугры вылез из тандыра. Он пошел и разыскал карагач, о котором говорил медведь, сорвал с ростков немного листьев.

Потом отправился к овечьему стаду. Нашел пастуха, поздоровался, спросил его, как живется. Пастух пожаловался :

- Плохо мое дело. Повадился ходить в отару волк, таскает баранов. Хозяин за это не знает что со мной сделает. А как избавиться от волка мне несчастному!

- Не горюйте. Я вас избавлю от волка,- сказал Тугры.

Он пришел к старику, попросил у него пса и отдал пастуху. Пастух избавился от беды. Пес набросился на волка и порвал ему шкуру.

Тугры отправился в путь, разыскал табун лошадей. Поздоровался с табунщиком. Тот пожаловался на тигра. Тугры посоветовал:

- Оседлай белого с черным жеребца и дай мне длинную толстую жердь.

Сел Тугры на жеребца, взял жердь и стал подкарауливать тигра на тропинке.

Ночью пришел визирь-тигр и бросился к табуну. Тугры так ударил тигра жердью, что зверь упал замертво.

Пастух подарил Тугры жеребца.

Тугры сел на коня и поехал в город. На городском базаре кричал глашатай:

- Дочь шаха семь лет болеет. Кто ее вылечит, того шах сделает своим зятем. А кто вызовется да вылечит не сумеет - того шах казнит.

- Я вылечу дочь шаха!-сказал Тугры.

Тугры пошел во дворец. Шах допустил к дочери нового лекаря.

Тугры истолок карагачевые листья, отварил их и напоил девушку. Через три дня девушка выздоровела. Шах устроил пир-веселье, выдал дочь за Тугры.

- Ну, в какой город назначить тебя правителем? - спросил шах у зятя.

- Я не хочу быть правителем,- ответил Тугры.-

Постройте на горе около леса для меня дом. Я буду жить своим трудом.

Шах удивился, но сделал, как просил его зять. Тугры с женой стали жить на горе.

Однажды к Тугры пришел Эгры.

- Друг мой, как ты добыл все это?- спросил он.- И дом у тебя есть, и двор. Вот я украл у тебя лошадь, думал, разбогатею. А куда ни поеду - везде мне не везет.

Не хотелось Тугры вспоминать вероломство Эгры, и он сказал только:

- Я проспал одну ночь в лесу в старой печке и все это добыл.

- Покажи мне то место, я тоже посплю в печке.

Тугры рассказал ему про лужайку, где собирались звери. Когда стемнело, Эгры залез в печку.

Опять ночью пришли лесные звери. Пришел лесной шах - лев, пришел визирь - медведь, пришел сказитель - лис.

- Ну-ка, начнем рассказы! Почему же нет моего визиря-тигра?- спросил шах-лев. о Поднялся с места шакал:

- Нет, теперь мы ничего не будем рассказывать. Из-за наших рассказов ваш визирь-тигр погиб.

Тут поднялся медведь:

- Листья с нашего карагача тоже оборваны,- пожаловался он.

- А я остался без еды,- сказал волк.- Пастух взял того пса, про которого я говорил. Теперь я и подойти боюсь к стаду - всего меня искалечил пес.

- Кто же это смеет рассказывать о наших тайнах?! - зарычал грозный лев. Приказываю поймать и убить предателя!

Но звери не знали, кто подслушивал их тайны. Стал медведь спрашивать у шакала, шакал - у лиса.

А фазан крикнул: "В печке!"- и улетел.

Звери бросились к печке, вытащили Эгры и разорвали на куски.

Так честный Тугры достиг всего, чего желал, а бесчестный Эгры был наказан по заслугам.

ХУСНОБАД

Давным-давно, в старые времена, жил жестокий шах. У него была дочь. Звали ее Хуснобад. Девушка была красоты необычайной: назвал бы ее месяцем, да у нее лицо есть, назвал бы ее солнцем, да у нее глаза есть. Перед блеском ее красоты даже полная луна казалась тусклой.

Из многих стран приходили ее сватать, но шах не отдавал свою дочь ни за кого.

Мать Хуснобад была из бедной семьи. Шах часто укорял ее.

- Ты - жена шаха, сытно ешь, хорошо одеваешься.

Будь ты за бедняком - жевала бы вместо хлеба глину.

Хуснобад плакала, а Хуснобад, глядя на нее, говорила:

- Не отдавай меня за шаха. Отдай лучше за бедного человека. Если будет мне счастье, я сама сделаю мужа шахом, посажу на трон вместо отца, и всем беднякам легче станет жить.

Однажды, когда сидел шах на троне, прилетела ворона, села на дерево перед окном и начала каркать:

- Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р!

Шах позвал четырех своих советников и спросил их:

- Эй, советники, что говорит ворона?

Советники подумали-подумали и ответили:

- Мы не знаем. Она - ворона, мы - люди. Хочет, видно, повеселиться и каркает.

- Палачи! - крикнул разгневанный шах.

Как грозные черные птицы, предстали перед шахом четырнадцать палачей с отточенными саблями.

- Кому пришел смертный час? Не успеет свет коснуться тени, как мы ему голову снесем!

- Вывести всех советников и отрубить им головы! - приказал шах.

Хуснобад бросилась к отцу и сказала:

- Отец! Оставишь им жизнь, если я отвечу на твой вопрос?

- Если ответишь, прошу УХ,- сказал шах.

- Карканье вороны означает: "Счастье мужу приносит жена, и несчастье - тоже жена".

Шах пришел в такую ярость, что каждый волосок на его теле поднялся острой иглой.

- Ах ты, бесстыдница! Выходит, все мое счастье от твоей матери - дочери бедняка! Не болтай вздора! Я засажу тебя в темницу, а через семь лет набью твою кожу соломой и повешу на площади! Будет примером для всех девушек, чтобы не смели идти против отца.

Шах приказал бросить Хуснобад в темницу, а советников отпустил.

Целую неделю шах с черным лицом и мрачными думами не выходил из дома.

- Не сидите дома, - уговаривал его старший визирь.

Развлекитесь! Поезжайте на охоту!

Шах взял с собой четыреста советников, сорок четыре визиря и выехал на охоту. Семь дней скакали охотники по степи, гонялись за дичью, искали добычу, но не изловили даже мышонка.

Шах был очень огорчен. Вдруг показалась вдали река. Подъехал шах к берегу. Видит - сидит седобородый старик, достает из воды камешки, что-то ищет на них и снова бросает в реку.

- Эй, старик, что ты там делаешь? - спросил шах.

- Я - нищий бедняк. Смею ли я разговаривать с шахом?

- Отвечай, не то зарублю! - закричал шах.

- Я людям судьбу определяю, - ответил старик.

- А что ждет мою непокорную дочь?

Старик сунул руку в воду и достал из реки горсть камней

- В государстве Шахри-Джарджан живет богатырь, сын бедного пастуха. Вот за этого пастушьего сына выйдет за муж твоя дочь, - сказал старик.

Почернел от злобы шах.

- Сколько дней пути до той страны? - спросил шах.

- Если сесть на хорошего коня, то восемнадцать месяцев надо скакать.

Вернулся шах домой и три дня раздумывал: "Что сделать, чтобы не досталась моя дочь простому пастуху? Заморить ли мне ее голодом в темнице или зарубить?"

Старший визирь узнал о замыслах шаха. Ему стало жаль девушку. Ночью он вывел ее из темницы и привел к себе домой.

Потом взял плотника, дал ему денег и велел сделать сундук, да такой, чтобы ни ветер, ни вода туда не проникали.

Когда сундук был готов, старший визирь сказал:

- Ну, Хуснобад, полезай в сундук. Я дам тебе на сорок дней еды и пушу сундук по реке. Если суждено тебе жить - останешься жива. Лучше тебе пасти в степи баранов, чем погибнуть от сабли шаха или зачахнуть в темнице.

- Хорошо, - согласилась девушка и влезла в сундук.

В полночь старший визирь спустил сундук в реку.

Плыл сундук по реке три месяца, а девушка растягивала на четыре дня еду, назначенную на день, и тем жила.

А в далекой стране жил другой шах по имени Карашах. Однажды он приказал принести ему во дворец хворосту.

- Я пойду! - вызвался один старик. - У меня полон дом внучат, а есть нечего. Если вы мне что-нибудь дадите за мой труд, вот мы с внучатами и поедим.

С топором на плече, с веревкой на поясе отправился старик в степь. Набрал вязанку хворосту и собирался идти обратно. Но тут захотелось пить. "Схожу-ка я к реке, напьюсь", - подумал он и пошел. Пришел к реке, видит - плышет возле берега сундук.

Старик скинул с себя одежду, бросился в воду и вытащил сундук на берег. Стал старик осматривать сундук со всех сторон, а открыть никак не может. Тогда топором он прорубил в крышке дырку, заглянул в нее и увидел девушку необыкновенной красоты.

Старик был поражен. "Наверно, дочь купца, - подумал он. - Поехала, должно быть, с отцом в путешествие, корабль затонул, только сундук и остался на воде".

- Эй, девушка, жива ты или мертва? – воскликнул старик.

- Жива! -отозвалась Хуснобад и, приподнявшись, села.

"Как теперь быть? подумал старик Если отнесу шаху хворост, он даст копеек двадцать, если приведу девушку - ничего не даст. Лучше отнесу сундук в город и продам. Ведь никто не знает, что в нем".

Едва старик пришел на базар, его увидел Карашах.

- Где хворост? Я тебе приказал принести хворост, а ты обокрал чей-то дом и принес сундук!

Карашах разрубил старика пополам своей саблей, а сундук велел отнести к себе во дворец. Когда сундук взломали и Карашах увидел Хуснобад, он влюбился в нее и тут же сказал:

- Выходи за меня замуж!

Хуснобад заплакала. "Я дала слово выйти замуж за бедного человека, - думала она. - Что же мне делать?"

-Дай мне сорок дней сроку, - попросила Хуснобад.-

Я три месяца в сундуке мучилась, хочу отдохнуть, повеселиться с девушками.

- Если сейчас же не выйдешь за меня замуж, зарублю тебя! - пригрозил Карашах.

Хуснобад заплакала:

-Отпусти меня хоть на три дня. Я погуляю с девушками, а потом - воля твоя.

-Хватит одного дня на твое веселье! - сурово сказал Карашах и отпустил ее, приказав сорока девушкам следить за Хуснобад, глаз с нее не сводить.

Пошла Хуснобад с девушками в сад. А за садом протекала река.

- Идемте, девушки, купаться! - позвала Хуснобад девушек и пошла к реке. Только вошла она в воду, как ее проглотила вдруг из глубины вынырнувшая чудовищная рыба. Всколыхнула хвостом воду и уплыла. Побежали девушки к Карашаху и рассказали о случившемся несчастье.

Карашах застонал, бросил на землю свой венец, золотой пояс, надел нищенскую одежду и ушел в пустыню.

А теперь послушайте о другой стране, о Шахри-Джарджане.

На берегу реки молодой пастух пас стадо. Неподалеку рыбаки закинули сети.

Пастух пожаловался рыбакам:

- Мой отец хворает и не может пойти в город купить себе хлеба. Пошел бы я сам, да мне нельзя оставить стадо. Дайте мне какую-нибудь рыбу накормить отца.

- Ладно, все, что мы сейчас поймает, - твое! - сказали рыбаки и вытащили сеть. Смотрят - попала чудовищная рыбина.

- Возьми ее, пастух!

Пастух не мог поднять рыбу: так она была велика. Он впряг пять быков и кое-как приволок рыбу домой. Оставил рыбу отцу, а сам поспешил к своему стаду.

Отец обрадовался, разрезал рыбу, смотрит - там лежит девушка. Старик влил ей в рот несколько капель воды.

Хуснобад очнулась, поднялась и низко поклонилась старику.

- Отец, я голодна, дайте мне поесть,- попросила она.

Старик пожарил кусок рыбы и дал ей. Чем вы занимаетесь, отец?- спросила девушка.

- Я был пастухом. Теперь я стар, вместо меня пасет стадо мой сын.

Девушка обрадовалась.

- Я достигла своего желания!-воскликнула она.

Если хотите, я стану женой вашего сына. Моя мать тоже была из бедной семьи.

- У нас нет денег на свадьбу.

- Раз я выхожу по своей воле, нам не надо свадебного пира,- сказала девушка.

Старик женил на Хуснобад своего сына пастуха.

На другой день после свадьбы подобрала Хуснобад под платок косы и подошла к котлу, в котором варили пищу. Смотрит - на стенках котла столькоросло грязи, что вот-вот сойдутся оба ушка. Да и остальная посуда оказалась не чище. Хуснобад все вымыла, выскребла, перестирала. У старика просветлело сердце, стало яснее зеркала. Встал он и пошел к невестке.

- Эх, дочка!- сказал он.- Я стар и не могу смотреть за домом! А сын уходит на рассвете на весь день и возвращается только когда темно уже. Гляжу я на тебя, какая ты работающая, и хочется мне тебе помочь. Скажи, что мне делать, дочка!

Хуснобад вынула из правого уха серьгу и дала старику.

- Отнесите на базар. Когда спросят, сколько стоит, вы скажите: "Сами дайте по совести". Сколько дадут, за столько и продайте.

Старик взял серьгу, понес на базар. Как раз в тот день купцы закупали товары. Подошел один из них, видит - старик держит серьгу небывалой красоты.

- Сколько стоит, отец?- спросил купец.

- Дайте что-нибудь сами по совести.

Купец наполнил золотом сундучок длиной с пол-аршина и дал старику.

- Довольно вам будет или мало?

- Я же сказал: "Платите по совести".

Купец дал ему еще мешочек золота.

- Везите домой!- сказал он и дал в придачу еще ишака.

Старик рассердился: "Он надо мной смеется, что ли? Вот назло ему заберу все золото, только меня и видели!" Ткнул он палочкой ишака в загривок и поехал.

А купец подумал: "Вот если б еще такую серьгу нашел, то продал бы своему шаху за пошлины и налоги с семи частей света".

Дома старик отдал золото невестке.

На следующей неделе Хуснобад вынула серьгу из левого уха и снова послала старика продавать.

Опять пришел он на базар. Тот же самый купец увидел серьгу и спросил старика:

- Сколько хочешь, отец?

- Я тебе не продам! - ответил старик.- Ты надо мной тогда посмеялся.

- Идем со мной!- сказал купец и повел старика к себе в дом.

Он отдал старику два сундучка золота, надел на него атласный халат и подарил ему двух ишаков.

- Отец, где ваш дом?- спросил он.

"Если скажу, он отнимет все золото",- подумал старик.

- Нет у меня дома,- сказал он.

Когда старик вернулся с базара, Хуснобад спрятала золото и сказала мужу и его отцу:

- Приведите двадцать мастеров, будем строить город. Привели они мастеров.

- Приведите свои семьи!- приказала Хуснобад мастерам.

Те привели. По приказу Хуснобад мастера начали строить большую стену. Каждый день

всем давали хлеб, деньги, горячую пищу. Всех строителей хорошо одели. Услыхали про Хуснобад и другие мастера и со всех сторон стали приходить к ней. Она всех принимала, одевала, поила, кормила. Проезжавшие мимо путники спрашивали:

- Кто строит стену?

- Жена пастуха,- отвечали мастера.- Если вам нужна работа, приходите и вы. Здесь хорошо платят, поят и кормят.

Через пятнадцать дней собрались люди из пяти тысяч домов. Через три месяца они обнесли стеной ровное место в длину и ширину по десяти дней пути.

В двенадцати местах поставили ворота. Ко всем воротам прибили портрет Хуснобад и сделали надпись: Город называется Хуснобад. Кому нужен хлеб, горячая еда - приходите и служите".

Через год здесь собралось семьдесят пять тысяч семей.

Для каждой семьи Хуснобад построила дом с террасой и сараем. К каждым воротам городской стены она приставила по двадцать пять воинов ИГ приказала им:

- Приводите ко мне всякого, кто долго будет разглядывать мой портрет.

Про новый город прослышал шах страны Шахри-Джарджан и пришел в ярость.

- Кто осмелился в моей стране покушаться на шахскую власть? Кто это строит город на моей земле? Не сносить ему головы! Пойду и зарублю саблей!

Шах пошел в город Хуснобад и у ворот увидел стражу.

- Кто построил город?- спросил он.

- Тот, кто изображен здесь на портрете,- отвечали стражники.- Когда мы вам служили, вы плохо кормили даже нас, а нашим семьям и совсем ничего не давали. А наша Хуснобад хорошо кормит и нас, и наших жен, и детей.

Она не жалеет для нас хлеба, а детей наших учит. Многие уже выучились всяким ремеслам.

- Взглянул шах на портрет Хуснобад и влюбился в красавицу. Вошел он в город, пришел во дворец.

- Шахриджарджанский шах пришел просить вас стать его женой,- доложили Хуснобад.

Хуснобад рассердилась, приказала привести шаха.

- Эй, шах! Сколько у тебе жен?- спросила она.

- Сорок жен у меня...

- Сорок жен, и тебе все мало?

Обозлился шах:

- Ты смеешь еще меня срамить? Ах ты, черная кость!

И он выхватил из ножен саблю. Но тут подбежали слуги, схватили шаха, сковали его цепями по рукам и ногам и отвели в темницу. Обрадовался народ, "Вот и хорошо! Пускай шах сидит в темнице. А власть мы передадим Хуснобад".

Пришли к Хуснобад посланные от народа и попросили ее взять на себя управление государством Шахри-Джарджан.

Прошло несколько месяцев. Однажды к воротам подошел нищий, посмотрел на портрет и расплакался. Стражники задержали его и повели к Хуснобад. Она посмотрела в окошко и сразу узнала Карашаха. Хуснобад села на трон и закрыла лицо покрывалом.

- Эй, нищий! О чем ты плачешь?-спросила она.

- Если пощадишь мою ничтожную жизнь, скажу! -ответил Карашах.

- Говори, пощажу.

- Полюбил я одну девушку, звали ее Хуснобад. На воротах этого города я увидел ее портрет.

- А где же та девушка?

- Она пошла купаться и утонула в реке. Так мне сказали. А если она обманула, подкупила

рабынь и сбежала, пусть только попадется мне в руки! Я прикажу ее привязать к хвосту дикого коня и погнать его в степь, чтобы на каждой колючке остался кусочек ее тела. Она ничем перед тобой не провинилась. Перестань на нее гневаться. "Не моя ли это Хуснобад?"- подумал шах, выхватил спрятанную под рубищем саблю и занес ее над головой Хуснобад.

- Открой свое лицо! Я хочу видеть, кто ты!- крикнул он. Но тут слуги схватили Карашаха и отвели в темницу.

А Хуснобад позвала своего старшего визиря:

- Подсчитай-ка, сколько у нас воинов!

Визирь подсчитал. Оказалось, семьсот тысяч конных и пеших.

- Приготовьте их в поход!- приказала Хуснобад.

Сорок дней войско готовилось в путь. Потом Хуснобад вместе со своим мужем пастухом во главе войска двинулась к городу своего отца.

Через степи и пустыни, от озера к озеру весело шли воины.

Пусть они идут, а вы послушайте про отца Хуснобад.

Однажды ему приснилось, будто прилетел орел, поднял его и, остановившись в вышине, между небом и землей, сказал: "Будешь моим рабом, а не то оторву тебе голову!" Тогда шах стал упрашивать: "Отдам тебе мой город и казну, все возьми, только пощади мою жизнь!" "Не надо мне твоих богатств,- ответил орел.- Я хочу крови дочери твоей Хуснобад". Услышав имя дочери, шах заплакал. Вдруг из-за горы появилась Хуснобад. В одной руке у нее была обнаженная сабля, а в другой - шампур с шашлыком из гуся. Хуснобад ударила саблей орла, рассекла его пополам, протянула руку, взяла отца за пояс и осторожно поставила на землю. Потом она дала ему шашлык и сказала: "Отец, если я в чем виновата - простите!" Шах вскрикнул и проснулся. Наутро он созвал четыреста мудрецов и сорок четыре визиря и приказал растолковать свой сон. Все молчали.

Шах пригрозил:

- Если не растолкуете мне сна, ни одного из вас не оставлю в живых!

Поднялся с места старший визирь:

- Если меня не казнишь, скажу, что значит твой сон.

- Говори!

- Поднявший тебя за голову орел, должно быть, не приятель. Когда он завоюет нашу страну и захватит тебя в плен, появится твоя дочь и выручит тебя. Но твой трон перейдет к другому человеку.

- Ах ты, лгун!- крикнул шах.- Сколько лет прошло, как моя непокорная дочь обратилась в прах. Ты говоришь так, чтобы омрачить мое сердце и напугать меня. Брошу тебя в тюрьму! Пускай твои кости сгниют возле костей моей дочери.

И шах приказал отвести старшего визиря в тюрьму.

Но с тех пор шах не спал по ночам от страха и метался в своих покоях, как раненый кабан в камышах. Через неделю прискакал гонец.

- Шахридждаржанский шах идет на тебя с воином,- сказал гонец.- Скорей выходи с поклоном, смиренно сложив руки на груди. Отдашь свое царство - хорошо, не отдашь - посмотришь, что будет! А вот тебе привет от нашего повелителя.

Гонец подбежал к шаху и ударил его кулаком. Лепеча от страха извинения, шах спрятался за спинку трона.

- Если у этого шаха такие гонцы,- сказал с трепетом шах своим визирям, когда гонец уехал,- то каковы у него воины? Что нам делать, визири?

- Мы ничего не можем посоветовать,- ответили визири.- "Хорошо" скажем - ты нас казнишь, "плохо" скажем - ты тоже казнишь. Выпусти из тюрьмы старшего визиря. С подарками и

угощениями он пойдет к шахриджарджанскому шаху. А там видно будет.

Шах приказал выпустить старшего визиря из тюрьмы и сказал:

- Пойди к шахриджарджанскому шаху, поклонись пониже. Если скажет, что нужен город, отдай город. До сих пор моя шея болит от вчерашнего удара. А если скажет, что нужна моя кровь, тогда я возьму посох и уйду из города.

Нет у меня сил вытерпеть второй такой удар.

Засмеялся визирь:

- Когда я растолковал тебе сон, ты разъярился. А кто был прав? Враг придет, привяжет тебя к хвосту кобылы, погонит ее в дикую степь по колючкам, и ты погибнешь жалкой смертью!

Понурил голову шах, совсем как ишак, увязший в грязи.

Старший визирь взял с собой дорогие подарки и пошел.

В дороге он написал шахриджарджанскому шаху письмо, подписал его своим именем и отправил с посланным.

Хуснобад получила письмо и велела позвать старшего визиря.

Старший визирь вошел, низко поклонился и сел. Посмотрел кругом, видит - перед ним сидит шах (а это был пастух - муж Хуснобад). Вокруг трона сорок телохранителей стоят, скрестив руки на груди, готовые служить. Рядом с троном сидит кто-то с покрывалом на лице.

- О старый визирь,- сказал закрытый покрывалом человек.- Как ты не побоялся прийти один в стан? Ведь ты беззащитен. А что если я тебя убью?

Старший визирь по голосу узнал Хуснобад.

- Кто боится того, кого он от смерти спас?

Тогда Хуснобад подняла с лица покрывало и подошли к старшему визирю.

- О мой сердечный отец, благодаря тебе я осталась жива. Если я отдам тебе страну моего отца, будешь ли ты править справедливо?

Визирь поклонился и сказал:

- Ах, дочка, состарился я! Раз ты мне передашь страну, я отдам ее вот этому шаху, что сидит передо мной на троне.

Хуснобад с войском вошла в город.

Начали разыскивать шаха, но так и не нашли. От страха он в тот же день убежал, и больше его никто не видел.

Хуснобад вместе со своим мужем пастухом стала править страной и освободила из тюрьмы невинных узников. Некоторых из них она назначила правителями городов.

Так Хуснобад достигла исполнения желаний.

СЕГОДНЯШНИЙ ГНЕВ ОСТАВЬ НА ЗАВТРА

Жил на свете бедный продавец хвороста. Он только и занимался тем, что целыми днями бродил по степи и приречным зарослям и собирал хворост, а к вечеру шел на базар и продавал его за три теньги. На эти деньги бедняк покупал хлеба. И так удавалось ему кормить жену и единственного сына. Вставал продавец хвороста, когда было еще темно" ложился, когда было уже темно.

Однажды, как обычно, бедняк принес на базар вязанку хворосту. Получил он за нее свои три теньги и, завязав их в свой поясной платок, пошел в пекарню купить лепешек.

По пути ему встретился старец.

- Эй, продавец хвороста,- сказал старец,- дай мне одну теньгу, а я тебе скажу одну мудрую истину.

Бедняку захотелось услышать мудрую истину, и он подумал: "Что же, у меня есть три тениги. Потрачу одну тенигу, зато останется еще две. По крайней мере услышу умный совет".

Вынул он из поясного платка тенигу и отдал старцу.

- Ну, говорите ваш мудрый совет!

- Сегодняшний гнев оставь на завтра.

Рассердился бедняк и набросился на старца:

- Знай я, что ты, старый болтун, скажешь всего-навсего такие никчемные слова, ни за что бы не дал тебе тенигу, отдай сейчас же мою тенигу обратно.

Поднялся шум, сбежался народ. Пока бедняк жаловался! и объяснял, что случилось, старец затерялся в толпе.

Всю ночь не спал продавец хвороста, думал, что вот! тенига, заработанная таким трудом, пропала зря. Утром он встал, как всегда, рано, заткнул за пояс топор, перекинул через плечо веревку и пошел.

Шел он и все думал о пропавшей тениге, да так задумал-! ся, что и не заметил, как попал в совсем не знакомые места, и заблудился.

Долго он бродил по степям и горам и пришел, наконец в удивительный город. Небо над тем городом висело так низ-ко, что достаточно было протянуть руку - и бери себе лкн бую звезду, клади ее в карман, а это не звезда уже, а драго--ценный камень.

Так понравилось это продавцу хвороста, что, забыв родных местах, жене и маленьком своем сыне, остался жить в том волшебном городе.

Прошло пятнадцать лет, а продавцу хвороста все казалось, что он только вчера пришел в этот город, так хорошо ему здесь жилось.

Однажды вспомнил он про жену и сына: "Что они там делают? Плохо им без меня". Засунул он топор за пояс, перекинул веревку через плечо и пошел на родину.

Вернулся он домой поздно вечером, когда совсем уже стемнело, и заглянул в дверную щель. Видит, сидит за дастарханом его жена и потчует ужином какого-то мужчину. Вгляделся продавец хвороста и безмерно удивился: да его же он сам сидит за дастарханом и ужинает. Что за чудеса!

Смотрел продавец хвороста, смотрел и вдруг почувствовал нестерпимый голод. Да и как могло быть иначе: целый день он ничего в рот не брал. Разозлился продавец хвороста: "Что за безобразие! Сижу я за дастарханом, ем всякие вкусные кушанья из рук своей жены, а на самом деле стою голодный и холодный у порога своего собственного дома. Что-то не так получается, как надо. Не иначе это оборотень".

Выхватил он из-за пояса острый топор и хотел уже войти в комнату, чтобы зарубить оборотня, да вспомнил слова кудрого старца-"Сегодняшний гнев оставь на завтра".

Отошел он от двери, влез на крышу. Лег около дымовой отдушины и стал слушать разговор между женой и джигитом.

Сначала заговорил джигит:

- Скажи мне, мама, сколько мне было лет, когда отец ушел из дому?

- Сынок, тебе было три года.

- А почему отец бросил нас одних?

- О сын мой, и не вспоминай. Ведь с тех пор прошло пятнадцать тяжелых лет.

- Но я совсем не помню своего отца, какой он?

- Ты очень похож на него. Ты вылитый отец.

- Наступит ли такой счастливый день, когда я увижу отца?

И джигит, сидевший за дастарханом, заплакал, а за ним заплакала его мать.

Продавец дров лежал и думал: "Эх, чуть родного сына не зарубил. Хорошо, что встретил

того старца. Изречение "Оставь сегодняшний гнев на завтра", за которое заплатил одну теньгу, принесло мне пользы на тысячу золотых".

Поспешил он слезть с крыши и войти в дом. Обрадовались его жена и сын.

Так и прожили они все вместе счастливо свои годы.

АПАНДИ И ПАДИШАХ

В далекие времена, когда визирем был когтистый тигр, а ясаулом зубастый волк, однажды в суровую зиму на улицах Бухары затрубили трубы, забили барабаны.

Глашатаи кричали:

— Имеющие уши да не говорят, что не слышали. Великий падишах объявляет: кто из подданных голый проведет на крыше дворца сегодняшнюю ночь, того падишах сделает своим зятем и отдаст ему половину благословенного царства.

Услышал призыв глашатаев Насреддин Апанди и подумал:

«Живу я голодно и холодно. Пойду я на крышу падишахского дворца, проведу -ночь на морозе. Или найду смерть от холода, или добуду свое счастье».

Апанди пошел во дворец.

— О обладатель могущества, я согласен голый ночевать на крыше дворца.

Увидев Апанди, обрадовался падишах. Было ему скучно и хотел он развлечься и повеселиться.

— Эй, слуги,— закричал падишах,— вот нашелся глупец из глупцов, разденьте его и отведите наверх, на крышу, пусть проберет его мороз до костей.

— О властелин мира, только прикажи своим слугам принести на крышу большой камень.

Удивился падишах:

— Зачем тебе, глупец, камень?

— О господин мудрости, это моя тайна. Только без камня я на крышу не полезу.

Падишах согласился:

— Делай как знаешь. Всю ночь ты будешь сидеть голый на крыше. И теперь кричи, не кричи, но до утра

тебя оттуда я не отпущу. Умрешь, умрешь, выживешь, жив останешься.

— О предел доброты, я согласен.

По знаку падишаха слуги схватили Апанди, сорвали с него одежду и нагого отвели на крышу дворца. Сейчас же они туда притащили большущий камень величиной с барана.

— Завтра придем за твоим бездыханным телом,— сказали падишахские слуги и, забрав приставную лестницу, ушли.

Было очень холодно, стоял лютый мороз, но Апанди не сидел на месте, а всю ночь ворочал камень то в одну сторону, то в другую. Работал он так старательно, что ему стало жарко и мороза он даже и не почувствовал.

Утром, одевшись в меховую шубу, падишах собственноручно, в сопровождении вельмож, явился посмотреть на замерзшего глупца.

Удивился падишах; видит Апанди живой и здоровый бегаёт по крыше взад и вперед и приговаривает:

— Ух, жарко! Ух, горячо!

Принесли слуги одежду. Апанди оделся и пошел во дворец. Явился к падишаху и поклонился:

— О столп справедливости,— сказал Апанди,— теперь, когда я провел ночь голый на

морозе, давай мне свою дочь и половину царства.

Кто мог подумать, что человек голым может провести на таком морозе целую ночь и остаться в живых? Хотел падишах только позабавиться, а тут надо выполнять свое падишахское слово — отдавать дочь и полцарства какому-то бедняку.

Решил падишах схитрить:

— Э, друг, а ты ночью видел что-нибудь?— спросил он.

— Видел,— ответил Апанди,— луну видел.

— Ага, значит ты согревался светом луны. Вот почему было тебе жарко, хитрец. Не выполнил ты моего условия. Убирайся. Эй, слуги, гоните обманщика из дворца.

По приказу падишаха слуги прогнали Апанди, да еще поколотили в придачу палками.

Побоялся Апанди жить в городе, где такой несправедливый падишах, ушел подальше в пустыню и поселился у колодца.

Однажды в жаркий летний день падишах с визирем охотился в той пустыне на быстроногих джейранов. Целый день охотники скакали туда и сюда, окончательно выбились из сил и, страдая от жажды, начали искать колодец, где бы напиться.

Едут они по пустыне, видят стоит хижина.

— Эй, хозяин,— сказал падишах,— принимай гостей. Навстречу падишаху вышел Апанди и низко поклонился.

— Пожалуйте, оплот справедливости, все что у нас есть к вашим услугам.

— Воды,— сказал падишах,— умираю от жажды.

— Сейчас, о властелин вселенной!

Проводив падишаха и визиря в хижину, Апанди побежал к колодцу. Быстро он снял аркан с ведром зарыл поодаль в песок, а сам сел у колодца и ждет.

Сидит падишах полчаса, сидит час. Апанди нет.

— Проклятие!— говорит падишах, едва не лишившись чувств.— Где этот глупец со своей водой.

Послал он своего визиря искать Апанди

Вернулся вскоре визирь и говорит:

— Господин, этот глупец требует, чтобы вы сами шли к колодцу.

Возмутился падишах наглостью своего ничтожного подданного, но ничего не поделаешь, встал и пошёл к колодцу.

— Где вода? — спросил падишах Апанди. — Дай напиться.

— Посмотрите вниз, падишах, — и Апанди показал пальцем вниз в колодец.

Глянул падишах и увидел далеко внизу воду.

— Глупец, не могу же я утолить жажду блеском воды! — закричал падишах.

— О полюс мудрости, господин падишах, — сказал Апанди, — если мог я согреться в лютой мороз сиянием луны, то почему же вы не можете утолить свою жажду блеском воды?

БАЙ И БАТРАК

В давние времена жила бедная вдова. Была она уже преклонных лет, а три сына ее – Ярмат, Шарип и Алдар – только подросли и еще никакому ремеслу не обучились.

Трудно приходилось старушке. Порой дома даже и куска хлеба нельзя было найти, хотя она от восхода и до захода солнца пряла пряжу и продавала ее в базарные дни ткачам.

Стала плохо видеть вдова, не могла больше прясть. Позвала тогда она старшего сына Ярмата и сказала:

– Сын мой, я слепну, а ты уже почти взрослый. Теперь твой черед кормить семью. Иди-ка поработай.

Отвела старушка на следующее утро своего сына к богатей Саттарбаю и упросила его, чтобы он взял Ярмата в услужение.

Попрощалась вдова, поклонилась пониже и пошла себе домой, опираясь на свой старушечий посох.

– Ну, черная кость, – заговорил бай, – посмотрим, что ты можешь и чего не можешь.

Дал он Ярмату большое сито, в чем муку просеивают, и приказал:

– Сходи нанеси из реки воды.

Побежал Ярмат на реку, зачерпнул ситом воды, а она, конечно, в сите не держится. Черпал, черпал, так воды и не зачерпнул и пришел домой ни с чем.

– Где вода? – закричал бай.

– Разве тем, что вы мне дали, воду зачерпнешь? – сказал Ярмат.

– Ты что, еще спорить со мной, черная кость, смеешь? – разозлился бай, схватил палку и прогнал Ярмата.

Поплакала старушка, но что поделаешь – с господами разве поспоришь, и решила отдать среднего сына, Шарипа, баю в услужение.

Только пришел он к баю, Саттарбай приказывает Шарипу:

– Принеси сейчас же воды! – и дал вместо ведра сито, как раньше Ярмату.

Только Шарип не пошел на реку, а сказал баю:

– Ты что, надо мной издеваешься? Какой глупец воду в сите носит? Рассвирепел Саттарбай:

– Ах, вот как, черная кость, ты еще спорить! – ударил палкой Шарипа и прогнал. Заплакала старушка вдова, слезами залилась. Но тут вдруг заговорил младший сын вдовы, Алдар:

– Отпусти меня, мать, к Саттарбаю. Надо же нам с ним рассчитаться за все его милости, что оказал он нашей семье.

– Иди, – сказала старушка, – может, ты, Алдар, удачливее своих братьев будешь.

Пришел он к баю, а Саттарбай первым же делом приказал Алдару:

– А ну, пошевеливайся, черная кость, притащи сейчас же воды, да поживей!

Сунул бай Алдару в руки сито и вытолкнул взашей из дому.

Алдар спорить не стал. Завернул по пути на базар, попросил у жестянщика таз, положил в него сито-так и принес Саттарбаю воды.

– Эге, – сказал бай, – да из тебя, черная кость, человек выйдет!

Стал работать Алдар в доме Саттарбая: двор прибирать, скотину кормить, землю пахать, поля поливать, да еще по ночам дом караулить. Не знал Алдар отдыха ни днем, ни ночью. А Саттарбай только ходит да покрикивает: Эй, черная кость, опять лодырничает!

Вот раз собрался Саттарбай с женой, с чадами в гости. Оставил он Алдара дома и строго наказал:

– Эй, черная кость, сторожи дом! Да смотри, чтобы все было в порядке: двор прибери, подмети, чтобы блестел, скаковой конь чтобы из кормушки голову не поднимал, ворота чтобы наглухо были заперты, в комнате для гостей чтобы пылинки не осталось.

– Ладно, – сказал Алдар, – все сделаю, как приказываете, будьте спокойны.

Вернулся бай с семейством из гостей домой, хотел открыть ворота – не тут-то было. Стучался бай, стучался, Алдар выглянул из-за забора и смотрит.

– Эй, черная кость, – крикнул бай, – почему ворота не открываешь? Не видишь, кто приехал?

– Как не видать, – отвечает Алдар. – Да только ворота теперь не открыть.

– Что ты болтаешь, дурак? Почему нельзя ворота открыть?

– Да вы же приказали их наглухо закрыть, чтобы никто не прошел. Вот я позади ворот новую стенку из кирпича и сложил.

Никуда не денешься, пришлось баю смолчать. Перелез Саттарбай через забор и ахнул: земля вся была полита льняным маслом! Сколько было у бая в кладовой масла, все до последней капли Алдар вылил во двор.

– Вай, какой убыток! – закричал бай. – Только сумасшедший мог погубить столько добра.

– Я исполнил ваше поручение, господин. Вы же приказали мне, чтобы двор блестел. Вот он и блестит.

Ничего не поделаешь, пришлось баю смолчать.

Вдруг видит он, что его любимый скаковой конь мордой привязан к кормушке. Взвыл Саттарбай от ярости:

– Что ты наделал?

– Господин, вы же приказали, чтобы конь не поднимал головы от кормушки.

Никуда не денешься, пришлось снова баю промолчать.

Зашел он в комнату для гостей и от огорчения чуть не лишился разума: оказывается, Алдар, чтобы не осталось на стенках ни пылинки, сорвал всю дорогую алебастровую штукатурку с тонкой резьбой.

Застонал Саттарбай, схватился за голову и, не сказав Алдару ни слова, убежал на женскую половину дома.

Пришел бай к жене и говорит:

– Дело плохо, жена, этот батрак, черная кость, настоящий сумасшедший. Складывай вещи, придется бежать, а то как бы он нас не загубил.

Раскрыли они большие кожаные яхтаны и уложили в них все добро, а затем вышли крадучись во двор, чтобы запрячь лошадь в арбу.

Алдару только этого и надо было. Потихоньку забрался он в самый большой яхтан и притаился в нем.

Погрузили вещи бай с женой, сели на арбу и уехали, думая, что Алдар спит.

Бай все погонял лошадь и похвалялся:

– Хитрый Алдар, а я хитрее! Всю ночь и день бай гнал лошадь и только к вечеру остановился на ночлег на берегу реки. Стала тут байская жена охать и стонать:

– Хоть слуга был, а то и костер разжигай, и ужин готовь.

– Пожалуйста, пожалуйста, дорогие хозяева, – сказал Алдар, вылезая из яхтана.

Бай и его жена только рты разинули. Сидят – молчат.

После ужина бай и его жена притворились спящими. В полночь они стали сговариваться:

– Как только Алдар, черная кость, заснет, столкнем его в воду.

Все слышал Алдар и, едва только бай и его жена задремали, тихонько встал, надел на себя байский халат, повязал голову байской чалмой и осторожно разбудил жену бая.

– Пора топить Алдара, – голосом бая прошептал Алдар.

Спросонья жена ничего не разобрала и помогла Алдару столкнуть в воду своего мужа.

Наутро жена бая проснулась, видит: Алдар ходит около арбы.

– Эй, черная кость, ты что, со дна реки выбрался? Мы же тебя утопили. Тогда Алдар сказал:

– Вы, госпожа, не меня бросили в реку, а своими руками утопили мужа своего, Саттарбая.

Теперь я с ним за все его милости рассчитался.

Повернулся Алдар и пошел своей дорогой.

УМ И БОГАТСТВО

Давным-давно жил старик и было у него четыре сына. Однажды зовет он сыновей и говорит:

– Стар я становлюсь. Пора кому-нибудь из вас стать главой семьи. А будет мне наследовать тот из вас, кто обладает умом и богатством. Пусть каждый из вас покажет мне то и другое.

Старший сын протянул руку с прекрасным золотым кольцом с изумрудом и сказал:

– Вот, мое богатство. А кто богат – тот и умен. Второй сын надел на себя золотом шитые одежды и стал красоваться в них:

– Кто увидит меня таким, сразу же преклонится перед моим богатством и умом.

Третий сын подпоясался кушаком, украшенным серебром и драгоценными камнями.

– Такого кушака, – сказал он, – никто, никогда не имел.

Покачал отец головой, ничего не сказал старшим сыновьям и обратился к самому младшему:

– Ну, а ты что молчишь. Каким же ты богатством можешь похвастаться?

– Нет у меня изумрудного кольца, нет у меня золототканых одежд, нет и драгоценного кушака. Есть только умеющие трудиться руки, полное смелости сердце, – здравомыслящая голова.

Понравился старику ответ младшего сына, объявил он его своим наследником и приказал остальным братьям во всем слушаться его.

ПОТОК КРАСНОРЕЧИЯ

Было это или не было – жил когда-то в Хорезме знаменитый рассказчик Сейфутдин, по прозвищу Красноречивый. Слава о нём, подобно многоводной реке, текла из одной страны в другую, и многие люди приезжали в Хорезм издалека, чтобы насладиться мёдом его беседы и напиться из источника его красноречия.

И вот об этом рассказчике услышал один богатый бухарский купец. Он ни в чём не привык себе отказывать и, конечно, захотел послушать знаменитого Сейфутдина, но не мог бросить свою торговлю и сам отправиться в далекий Хорезм. Тогда купец решил пригласить к себе этого славного мастера красноречия. Он положил на серебряный поднос богатые подарки и кошелёк с деньгами, пошёл в караван-сарай и поклонился старому караван – баши, отравлявшемуся с верблюдами в Хорезм. Купец сказал:

– Если ты привезёшь ко мне Сейфутдина Красноречивого, эти подарки и кошелёк станут твоими.

Кошелёк был тяжёл, а подаркам не было цены, и караван – баши согласился. Не успела луна обновиться дважды, как он привёз в Бухару знаменитого Сейфутдина. Купец встретил гостя с величайшим почётом. Он осыпал его подарками, а вечером, когда гость отдохнул от дальней дороги, купец созвал своих родных, друзей и соседей, усадил рассказчика на драгоценный текинский ковёр и попросил его порадовать всех цветами красноречия и алмазами остроумия.

В доме стало так тихо, что было слышно, как на террасе – айване – пищит москит, запутавшийся в паутине, и Сейфутдин Красноречивый начал свой первый рассказ.

Какими похвалами осыпали гости рассказчика, прослушав его первую повесть! Они говорили ему слова лести, подобные сладкому шербету. И ободрённый Сейфутдин начал второй рассказ.

Второй рассказ вызвал такой восторг, что многие из слушателей попадали с подушек, а сам хозяин стал подобен потерявшему разум и сидел с растрепанной бородой и выпученными глазами. И хотя старинный обычай запрещал присутствовать при беседе мужчин женщинам и

детям, и дети и женщины сбежались со всего дома, чтобы послушать третий рассказ Сейфутдина.

Насладиться четвёртым рассказом слетелись птицы со всего сада.

Когда же знаменитый рассказчик начал свой пятый рассказ, под окна купцова дома сбежались все верблюды и ишаки с базара, хотя всем давным-давно известно, что даже стихам поэтов благоразумный ишак предпочитает охапку свежего сена. Вот каким несравненным, необычайным, неповторимым, совершенным и повергающим в трепет, дарующим блаженство и превосходным было искусство Красноречивого Сейфутдина!

Ночь шла, а слова золотой рекой лились и лились из уст рассказчика. Настал день, а неутомимый Сейфутдин всё рассказывал, рассказывал и рассказывал, и казалось, не будет конца потоку его красноречия.

Когда Сейфутдин начал свой сто первый рассказ, хозяин учтиво предложил ему отдохнуть и подкрепиться чаем, но, увлечённый своим искусством, Сейфутдин уже ничего не видел и ничего не слышал – он продолжал рассказывать. Он рассказывал, рассказывал и рассказывал, но на двести первом рассказе даже самые терпеливые и выносливые потихоньку покинули дом купца.

На триста первом рассказе разбежались женщины и дети.

На четыреста первом ишаки и верблюды попадали замертво. А Сейфутдин всё рассказывал и рассказывал. Дом погрузился в ночную тьму, никто уже не зажигал светильников, никто не заваривал чая, некому было даже притворить двери, потому что все слуги разбежались. Один только хозяин не смел нарушить долга гостеприимства; он сидел перед неутомимым рассказчиком и щипал себя за уши, чтобы не заснуть и тем не обидеть гостя. Он молил аллаха о скорой смерти и не знал, как избавиться от безжалостного царя рассказчиков.

И вот, когда купец был уже близок к смерти, в окно заглянула его верная жена Салтан-Биби. Бедная женщина не сомневалась, что купец давно захлебнулся от страшного ливня повествований, и пришла похоронить бездыханное тело мужа. Но купец ещё дышал. Увидев жену, он воспрянул духом и, собрав последние силы, простонал:

– О Салтан-Биби, вернейшая из вернейших! Беги скорей к караван-баши и выкупи мою душу у смерти!

Свидетель аллах! Когда седой караван-баши вошёл в дом купца, Сейфутдин рассказывал восьмьсот первую сказку!

Несчастный хозяин обнял колени старца и завопил:

– Отец мой, за то, что ты привёз ко мне Сейфутдина, я отдал тебе поднос с подарками и кошелёк золота, но за то, что ты увезёшь его, я готов отдать тебе всё, что у меня есть – и этот дом, и сад, и лавки, и все свои богатства!

Немало видел на своём веку чудес седой караван-баши, не удивился он и купцовой просьбе. Он улыбнулся в бороду и сказал:

– Верно говорят люди: не тот мастер, кто хорошо начал, а тот, кто умеет вовремя кончить!

Кончим и мы нашу сказку, чтобы не уподобиться Красноречивому Сейфутдину.

БАЙ И КАЗИЙ

Было ли то не было, только недалеко от Заамина жил один бай. Работал у него молодой батрак.

Однажды бай из-за пустяка изругал батрака. Тот обиделся и ушел от хозяина.

Бай не отдал батраку заработанных денег. Тогда он пошел к казию*.

– Ты что? С жалобой? – спросил казий.

– Жалоба-то у меня есть, казий, только скажу ее вам с глазу на глаз.

Казий задумался: «Похоже, что от малого будет польза, поговорю-ка с ним с глазу на глаз».

Казий выслал своих служащих и говорит: – Ну, рассказывай!

– Господин, я батрачил у бая, а он мне не заплатил. Взыщите с него долг, пожалуйста.

Казий подумал и говорит:

– Сначала скажи, сколько ты мне дашь, а уж тогда я улажу твое дело.

– Господин, я бедный человек...

– Половину долга получишь ты, половину – я, иначе не возьмусь, – объявил казий. – Я сам вызову бая, взыщу твои деньги. Завтра утром приходи сюда.

На следующий день утром к казию зашел бай, поздоровался и уселся на ковер.

– Господин, – заговорил бай. – Изругайте, пристыдите моего батрака. Говорят, он к вам приходил. Не пускайте к себе такого бездельника, господин...

Но бай не успел договорить, как вошел батрак.

Казий сказал баю:

– Бай, вам не удастся присвоить деньги вашего батрака. Тут же, не вставая с места, отдайте их ему.

Бай смекнул: «Эге, батрак что-то обещал дать казию». Он уллучил минуту, когда батрак на него не смотрел, широко развел руки, как будто обхватил что-то большое, и подмигнул.

Казий подумал: «Он, кажется, сулит кое-что. Лучше не упускать бая: от него будет мне больше пользы, чем от батрака».

Казий поднял голову и украдкой взглянул на бая. Тот опять широко развел руки и подмигнул. У казия еще больше защемило сердце.

– Проклятие твоему отцу! – сказал он батраку. – Клеветник! Вор! Вон отсюда! Прочь с моих глаз! А не то засажу тебя в тюрьму!

Обиженный батрак ушел от казия.

Только он вышел, казий и говорит баю: «Ну, несите, что вы хотели».

Бай поднялся с места и пошел на базар.

А казий ликует, сердце у него чуть не лопається от радости: "Что это может быть, да еще в целый обхват?! Наверно, кувшин, полный серебра или золота. Когда же он принесет?" Пусть казий сидит, поджидает, а вы послушайте про бая.

Выйдя от казия, бай прямо пошел на базар, купил большой арбуз, величиной с барана. Обхватил он арбуз обеими руками и притащил к казию.

«Ого, бедняга-бай еще и арбуз мне принес!» – подумал казий.

Тут бай подошел и положил арбуз перед казием. – Бай, вы даже и за арбузом сходили! – умилился казий.

– Мы пообещали, значит сдержим слово, господин. Сердце казия дрогнуло от плохого предчувствия, но бай разрезал надвое арбуз, одну половину придвинул казию, другую – себе.

– Берите, господин! – угощал бай.

Оба вдосталь наелись, а что осталось, – осталось. Наконец, бай сказал:

– Ну вот, арбуз вы покушали, теперь того дурня не слушайте. А нам позвольте уйти, господин.

Но казий сказал:

– Не откладываете, бай. Несите то самое. – Господин, казий, не понимаю, про что вы говорите?

– Как? Вы забыли? Вы же тогда показали, что дадите мне что-то большое. Потому я изругал батрака, прогнал его.

– Ага, господин, теперь я понял. Да ведь это же арбуз. Вы сами видели, обеими руками не обхватишь, насилу притащил. Чего же вам еще?

– Ступай, – сердито сказал казий, – убирайся отсюда! Я тебе поверил и потерял большие деньги.

Бай поднялся и ушел.

А казий от огорчения заболел даже.

* Казий – судья.

В ТРЁХ НЕПРАВДАХ ПО СОРОК НЕБЫЛИЦ

Было ли то не было, сытно ли голодно, волк был бакаулом, лиса – ясаулом, гусь – горнистом, утка – флейтистом, ворон – знахарем, воробей – сплетником.

В древние времена жил падишах. У него была дочь на выданье. Из многих стран приезжали сыновья шахов и ханов сватать ее, но царевна была очень разборчивая и не соглашалась выходить замуж.

Вызвал падишах дочь и сказал:

– О, свет моих очей! Всех падишахов я известил, что ищу тебе мужа, сколько храбрых джигитов приезжает. Ты всем отказываешь. Что за причина?

– Отец мой! – отвечает дочь, – выйду за того, кто придумает три неправды и в каждой по сорок небылиц, да сумеет складно рассказать.

Послал падишах повсюду глашатаев и приказал имобъявить:

– Кто придумает в трех неправдах по сорок небылиц, за того я выдам дочь.

Со всех сторон стали приезжать женихи и сочинять небылицы. Падишах собрал всех мудрецов государства и объявил:

– Если кто расскажет в трех неправдах по сорок небылиц и это доподлинно будет ложь, – скажете, что ложь, а если – правда, скажет – правда. Если же вы правду назовете ложью, отрублю вам головы и имущество отдам на разграбление.

Каждый жених рассказывал придуманные им небылицы. Всякий раз, когда падишах спрашивал у мудрецов:

– Ложь это или правда? – они отвечали: – Так бывает.

Много падишахов и сыновей шахов приехало и уехало ни с чем.

В городе жил бедный юноша. Однажды пошел он собирать в горы хворост и слышит шахские глашатаи кричат:

– Кто сочинит в трех неправдах сорок небылиц, тот получит в жены царскую дочь.

– Ой, – воскликнул бедняк. – Да, тут есть о чем поговорить.

И бедняк отправился во дворец.

– Эй, вонючий нищий, горький нищий, зачем пришел? – накинулись на него стражники и не пустили его через порог.

– У меня есть просьба к падишаху, – сказал юноша.

– Какая может быть просьба у нищего. Ступай, ступай, не задерживайся.

– Да я пришел сказать, что у моего хозяина есть двести баранов, которых он должен отдать за налог падишаху, – почтительно сложив руки, сказал юноша.

Тотчас же один из стражников побежал к падишаху и доложил:

– Великий шах, пришел какой-то нищий и говорит, что у его хозяина есть двести баранов для падишаха. Шах обрадовался: – Зови-ка его сюда. Позвали юношу. Потирая руки, падишах

закричал:

– Эй ты, раб, где твои бараны? Бедняк стал рассказывать:

– О, могущественный из шахов, дозвоьте слово сказать. Я бедный, нищий сирота. Был я у отца один, братья мои умирали, умирали, а выжило нас трое. Мы все три брата друг друга не видели, не знали. Вдруг нашли друг друга, поздоровались. Смотрю – у одного из нас на халате нет ворота, у другого – рукава, у третьего – полы. «Слепой слепого впотьмах найдет» – вот и мы трое сошлись, подружились и пошли, не ступая по дороге и не выходя на обочину. Смотрим, лежат на земле три денежки: две совсем, совсем стертые а одна без надписи. Мы подняли денежку, ту, что без надписи, и пошли дальше. Шли дорогой, шли, много прошли. Шли-шли, спустились в лощину – Видим в речке лежат три пескарика. Два подохшие, а один мертвый. Взяли мы мертвого пескаря, положили в полу халата тому брату, у кого халат был без полы. Пошли по дороге. Шли, шли, увидели перед собой три дома: два без кровли, а одни совсем без крыши. Вошли мы в тот, у которого не было крыши, увидели там три котла: два все в дырах, а один без дна. Взяли мы мертвого пескарика, положили в котёл без дна, налили воды и начали варить. Поискали хворост, ни одного прутика не смогли найти. Сварили пескарика без огня. Жара не пожалела, кости разварились, а мясо сырое осталось. Мы все трое ели, ели, наелись, брюхо себе наели – Хотели выйти, а в дверь никак не можем пролезть. Нашли в стене щелку, вышли на улицу и пустились в путь. Шли дорогой, шли, много прошли, пришли в степь. Видим в траве лежит детеныш неродившегося зайца. Взяли мы неотрубленную ветку непосаженного тополя, вырезали дубинку и ударили зайчонка. Он три раза перекувыркнулся и упал. Мы поймали его и зарезали. Вышло из зайчонка шесть пудов сала, шесть пудов мяса. Мясо мы не варили, не сушили, а взяли и все сразу съели, но не наелись, остались голодными. Оба моих старших брата рассердились, поссорились со мной и ушли. «Сало осталось мне», – обрадовался я. Снял я свои сапоги, стал мазать салом. Все шесть пудов сала извел только на один сапог, а на другой не хватило. Устал я здорово и уснул. Вдруг слышу шум, гвалт, возня. Вскочил я с постели, смотрю, а это мой смазанный сапог дерется с несмазанным. Я стукнул оба сапога кулаком по скулам и опять лег, уснул. Просыпаюсь продрогший среди ночи, а мой смазанный сапог стянул с меня халат, которым я укрылся, разложил подол в ширину, укрылся и спит, а несмазанный сапог разозлился и ушел. Разбудил я смазанный сапог и надел на ногу – Подоткнул назад за пояс полу халата, у которого не было полы и пришел домой. Когда я уходил, дома оставались старуха-мать и петух. А теперь, когда вернулся, нет ни старухи, ни петуха. Глянул и второго сапога нет. "Что за горе: Где я их найду?"-сокрушался я и пришел к вашим чертогам. Хотел вам пожаловаться. А у ворот стояли ваши слуги и меня никак не пускали.

Опустил бедняк голову и замолчал.

Удивился падишах словам бедняка посмотрел на своих мудрецов.

Те поднялись и низко поклонились падишаху:

– О падишах, все, что рассказал этот собачий сын, – вранье. Так он и про тех хозяйских баранов скажет, что потерял их.

Падишах закричал:

– Где бараны? Тебе говорят!

– Дозвоьте, великий шах, слово сказать. Когда твои стражники меня не пустили в ворота, я совсем расстроился и пошел искать мою старуху-мать, петуха и второй сапог. Шел я дорогой, шел, много прошел, добрался до одного кишлака. Поискал, порасспрашивал, нашел своего петуха. Он баю землю пахал – Обнялись, поздоровались. За шесть месяцев петух заработал одну мешочную иглу, да и ту хозяин держал у себя. Поругался я, поскаandalил с хозяином и заставил его отдать иглу – «Идем со мной», – говорю петуху. «Нет, – говорит, – я нанялся на

шесть месяцев; три месяца уже прошло, кончится срок, получу деньги и приду сам». Взял я иглу, попрощался с петухом, пришел домой, а дом пропал, точно провалился. Совсем тяжке стало у меня на душе, пошел искать свою старушку-мать и второй сапог. Поднялся на бугор, посмотрел – не видно. Поднялся на холм, посмотрел – не видно. Вернулся в долину. Воткнул в землю иглу, влез на нее посмотрел – вижу моя старушка-мать стирает белье на берегу Сыр-Дарьи. Взял я иглу и пошел, Сколько гор, сколько холмов я прошел, пока добрался до моей старухи. Оказывается, когда она меня потеряла, то стала служить в чужом доме. «Идем», – говорю я. «Не уйду, пока не получу заработанных денег, – говорит она. За три года работы я заработала на три месяца пропитания. Ты иди, мне осталось три месяца проработать, я приду сама». Я подоткнул полу халата," у которого не было подола, хлопнул себя по лбу, повернулся и пошел. Прошел немного, а река разлилась и снесла мост. Стояли жаркие дни, я томился жаждой. Захотел напиться воды, а река-то замерзла. Хотел разбить лед, не мог найти на каменистой почве ни одного камня и пробил лед своей головой. Всунул в прорубь голову, напился воды и отправился дальше. По дороге вспомнил про иглу. Вернулся на берег. Смотрю – нет моей иглы. «Даже и этого я лишился», – погоревал я и пошел к матери. У нее уже закончились три месяца срока найма. Но, когда она попросила плату, хозяин закричал на нее: «А и тебе плату?» – да как стукнул ее, так и убил. «Что за горькая жизнь?» – сокрушался я и пришел к вашим чертогам, великий шах, вам жаловаться. Но меня не пустили в ворота.

Кончил бедняк говорить и опустил голову. Еще больше удивился шах и посмотрел на своих мудрецов.

Самый мудрый из мудрецов поднялся, низко поклонился падишаху и сказал:

– Великий падишах не верьте этому сыну собаки, а потребуйте баранов. Этот босяк врет. Скажет еще, что баранов украли.

Бедняк заговорил в третий раз – О великий шах, дозвоьте слово сказать. Когда меня не пустили во дворец, я решил сам пойти поскандальить и пришел к хозяину, который убил мою старуху-мать. «Отдай плату старухи, уплати за кровь убитой», – закричал я. Схватил хозяина за шиворот, вытащил его на улицу. Собрался народ, решил спор в мою пользу. Дал хозяин мне одного осла. Я сел на осла и поехал домой. Еду, еду, вижу по дороге идут сорок караванов. Старшина каравана мне крикнул: «Эй, ты, твой осел стер спину! Сойди да поправь потник». Я сошел, вижу у осла рана на спине: "Эй, а какое лекарство от этого"-спросил я. Старшина каравана ответил: «Сожги вот этот орех, приложи пепел к ране, поправится». Сжег я орех, посыпал пеплом рану осла. Только хотел положить потник, смотрю из раны растет зеленая орешина. В два счета разрослась, зацвела. Глядь, уже орехи спели. «Как быть? – думаю. Если я полезу на дерево и потрясу, покалечу спину ослу. Лучше буду сбивать орехи камнями». Отвел осла в поле, где камней нет. Засучил я рукава и начал бросать их в орешину. Ни один камень не падает назад, ни один орех не падает на землю. Я все бросаю камни, бросаю без устали. Смотрю, и камней не осталось. «Делать нечего, теперь полезу сам!» – решил я. Влез на орешину, вижу там целое бахчевое поле и с краю участка журчит в арыке вода. «Вот где хорошо посеять арбузы», – подумал я и посадил арбузные семена. Ну и арбузы же выросли. Руками не обхватишь. Сел я на берегу арыка и только тронул кончиком ножа арбуз, как арбуз раскололся и нож упал во внутрь арбуза. Я нагнулся, хотел его достать и сам упал туда же. Хожу ищу там нож. Встречаю человека, спрашиваю: «Уважаемый, вы не видели на дороге нож?» "Вы только ножик разыскиваете?" – спрашивает старик. "Нас было сорок караванов, в каждом по сорок верблюдов. Мы все растерялись, я никого не могу найти.

Я пришел, о падишах, в ваши чертоги рассказать об этом несчастье.

Кончил говорить бедняк и опустил скромно голову. Падишах задумался. Один из мудрецов поднялся и низко поклонился.

– Великий шах, – заговорил он, – дайте из казны этому сыну собаки пару монет и выпроводите его отсюда. А дочь падишаха стояла за дверью и все слышала. Выбежала она к отцу и сказала:

– Он выполнил мои три условия. Ничего, что он бедняк, я за него пойду- Тут бедняк поклонился падишаху – О великий шах, в горах я немало лет пасу стадо своего хозяина. Мне должен хозяин уже двести барашков. Он не отдал мне этих барашков и прогнал. Взыщите с моего хозяина этих барашков, я дарю их на свадьбу.

Падишах устроил пир-веселье, выдал дочь за бедняка. Мы там были, плов ели, усы, бороду салом измазали.

ПЛАЧ ШИРИНЦЕВ

Алдар Куса поселился в кишлаке Ширин и стал там сапожничать.

Сидит как-то он в тенистом месте и прибывает подметку. Смотрит все ширинские баи на арбах куда-то едут.

– Эй, почтенные баи, куда собрались? – окликнул их Алдар Куса.

– Едем в паломничество к священным местам в Бого-уддин, – говорят баи, – там сегодня праздник в честь святого, поедем с нами, погуляешь, свет повидаешь, себя покажешь.

Отложил в сторону свой молоток и фартук Алдар Куса, залез в арбу и поехал.

Долго ли они ехали, мало ли, но приехали в Богоуд-дин, достопримечательностью которого в старые времена, как известно, был мавзолей с могилой святого.

Народу на праздник собралось видимо-невидимо.

Баи выбрали место поудобнее, оставили Алдар а Кусу присматривать за арбами и лошадьми, а сами пошли в мавзолей молиться.

Перед уходом они купили в складчину рису, моркови, баранины, луку и всего необходимого для плова и наказали:

– Ты тут, пока мы будем возносить к аллаху всемогущему молитву, приготовь все для плова: наруби дров, разожги огонь, почисть котел, порежь мясо и лук.

«Вот, Алдар Куса, – сказал себе Алдар Куса, – ты погулял, и свет повидал, и себя людям показал».

Но делать нечего, стал он готовить все для плова.

Начал Алдар Куса резать лук и полились у него из глаз слезы.

Режет он лук и плачет.

Тут вернулись баи, увидели, что Алдар Куса плачет и встревожились "Э, – подумали баи, – Алдар Куса такой весельчак, а тут слезы льет. Неспроста он плачет. Есть какая-то причина".

Подошли баи к Алдару Кусе и начали его допрашивать:

– Эй, Алдар Куса, ты всегда радостный и счастливый, чего ты плачешь?

Вытер рукой глаза себе Алдар Куса, а слезы еще пуще полились.

– Вспомнил я умерших, – ответил он, – жалко мнестало, вот и плачу.

Посмотрели на плачущего Алдара Кусу баи. Один заплакал, другой заплакал. Начали все охать. Сидят, слезы льют, про то, что надо плов готовить, забыли.

Люди вокруг начали спрашивать:

– Что случилось? Почему ширинские баи плачут?

Догадливые ответили:

– Э, не иначе, какой-то уважаемый человек в селении Ширин помер. Баи ширинские узнали, вот и оплакивают его.

Подошли любопытные к плачущим ширинцам и спросили:

– Эй, достопочтенные, эй, уважаемые. В Ширине у вас что ли кто-то помер, что вы так стонете и рыдаете?

– Э, – удивились ширинцы, – а разве у нас кто-нибудь умер в Ширине?

– Конечно, кто-то умер, раз вы проливаете слезы. Поглядели баи друг на друга в испуге:

– Вай, слышите, друзья, кто-то умер у нас в Ширине.

– Уезжайте, – сказали им люди.

Заревели, закричали, завопили ширинские баи, залезли, точно перепуганные галки, в арбы, погнавши лошадей и поехали с плачем к себе в кишлак Ширин.

Так все бросили и плова не варили.

Пусть они едут и льют слезы, а вы послушайте про Алдара Куса и про плов.

Кончил резать Алдар Куса лук и плакать перестал Смотрят, баи уехали. Что делать?

Развел Алдар Куса под котлом огонь посильнее, растопил сало и сготовил плов на сорок человек.

Видит, что не съест ему столько плова. Встал около котла, забренчал железной шумовкой и давай кричать:

– Готов! Готов! Плов готов. Богомольцы прибежали.

Продав Алдар Куса тридцать девять мисок плова, съел сороковую миску сам и пошел к себе домой в кишлак Ширин.

Идет по дороге, песни поет, серебряными деньгами в кармане позвякивает.

Пусть он идет, а вы послушайте про баев.

Ехали ширинские баи поспешно и всю дорогу стонали и плакали. Так громко они стонали и плакали, точно покойника оплакивали.

Издали в кишлаке Ширин люди услышали вой и крик баев. Всполошились все. Подумали: «Наверно, кто-нибудь из наших во время паломничества прервал свой жизненный путь».

– Вай, – закричали ширинцы и все давай бить себя в грудь и плакать.

Когда баи въехали в кишлак и услышали, что все плачут, они окончательно решили, что действительно кто-то умер и стали плакать еще громче.

Весь кишлак Ширин плакал и стонал и тем больше все плакали и стонали, что не могли дознаться о причине горя.

Так, может быть, ширинцы горевали бы и до сегодняшнего дня, да, не торопясь, потихоньку пришел в кишлак Алдар Куса.

Сел он на свое место, одел фартук, достал молоток и давай прибивать подметку. Слышит все плачут.

– Эй, – крикнул он, – чего плачете, кто умер, что ли? Баи посмотрели друг на друга и удивились: чего же они плачут?

Никто не знал. Ну, конечно, и плакать перестали.

ПРОИГРАННЫЙ МИНАРЕТ

Было ли то или не было, но рассказывают, что в стародавние времена ширинские и вабкентские муллы дружили и уважали друг друга. Ширинцы каждодневно ездили в гости в Вабкент и ели плов вабкентцев, а вабкентцы каждодневно ездили в Ширин и ели плов ширинцев. Вабкентские муллы женили своих сыновей на дочерях ширинских мулл, а ширинцы женили своих сыновей на вабкентских девицах. И жили ширинские муллы в мире и в ладу с вабкентцами до той поры, когда вздумали вабкентские муллы построить у себя – минарет,

построили, да такой, которому нет равного по высоте. И возгордились вабкентские муллы и стали смотреть на ширинцев свысока и заявлять при встречах: "Эх, вы, деревенщина! У нас минарет, а у вас что?" И подлинно подобен минарет вабкентский по стройности своей кипарису, а по величию утесу. Какие придал ему мастер линии искусства, как тонко изукрасил он стены затейливыми узорами. Смотрели все и восхищались. Увы, ширинские муллы минарета не имели и зависть заползла в их души и стала занозой в их сердце. А известно ведь, что зависть и гордыня не уживаются с дружбой и уважением. Кончилась вековая дружба между ширинскими и вабкейтскими муллами.

Но довольно о зависти и вражде, пора рассказать, что случилось с вабкентским минаретом. Однажды ширинские муллы приехали на вабкентский базар продавать и покупать, продавать и покупать. По окончании торговли сидели они на площади и играли в кости со своими недругами – вабкентскими муллами.

Не везло в тот день вабкентцам. Все выигрывали ширинцы и все проигрывали вабкентцы.

Проиграли уже вабкентские муллы и деньги, и товары, и даже кое-какую одежду.

– Нет, пора кончать, – закричали вабкентцы, – нетнам сегодня везения.

Тогда один вабкентский мулла в азарте воскликнул:

– Слушайте, вы ширинцы, – ставьте на кон все, что мы вам сегодня проиграли – и деньги, и товары, и одежду, а мы ставим на кон вабкентский минарет. Бросайте же кости. Посмотрим, кто кого.

– Как же так? – удивились ширинские муллы. Очень они хотели иметь вабкентский минарет, но уж больно удивило их предложение вабкентцев.

– Разве не стоит столь прекрасный минарет каких-то денег, товаров и одежки, которую вы выиграли только что. Минарету цены нет. Минарет вполне исправен и может отлично служить для созыва правоверных на молитву. Минарет пойдет в игру со всеми кирпичами, из которых он построен, со всеми украшениями и с муэдзином в придачу без всякой доплаты. Неужели вы, ширинцы, не захотите получить минарет так дешево? Неужели вы не хотите позаботиться об украшении площади своего селения? Играйте же, минарет против денег, товаров и кое-какой одежки! Бросаю кости.

Обуяла жадность ширинских мулл, появилось у них горячее желание заполучить вабкентский минарет, поставить у себя посреди кишлака и хвастаться затем перед всем миром несравненным минаретом.

– Но, – сказал один из ширинцев, – скажите вы, умники. Если вы выиграете деньги, товары и кое-какую одежку, вы возьмете все это и уйдете себе восвояси по домам, а если мы выиграем. Как передвинем минарет за десять верст к себе в кишлак Ширин? А?

– Зачем же вам переносить минарет к себе. Пусть стоит здесь, а принадлежать будет вам. Вы, собственники и владельцы, сможете хоть каждый день приезжать сюда, в Вабкент, и любоваться минаретом сколькохотите.

– Ну нет, – закричали ширинские муллы, – где найдете вы таких дураков, чтобы бросать свое добро. Нет, ничего не выйдет. Играть мы не будем.

Видят вабкентские муллы дело плохо. Уедут сейчас ширинцы и увезут весь выигрыш. Повесили они головы, опечалились.

Мимо проходил Насреддин Апанди. Прислушался он к разговору и сказал:

– Послушайтесь моего совета. Есть способ, при помощи которого вы, ширинцы, увезете минарет, если счастье в игре будет на вашей стороне. Смотрите, минарет растет из земли подобно дереву. Видите тень, упавшую от минарета, вон до той бани. Видите. Соберите всех ваших ишаков, поставьте бок о бок по длине тени, подрубите минарет под основание, он упадет на спины ослов и везите его, во славу аллаха, к себе в Ширин. Там выроете яму и посадите

минарет точно чинар. Пусть растет.

Повернулся Апанди и ушел.

– Бросай же костя, о вместилище хитрости, – закричали ширинские муллы. – Мы играем.

Вабкентец встряхнул кости раз, встряхнул два, встряхнул три и... бросил на землю.

Увы! Вабкентские муллы сноза проиграли.

– Наш минарет, наш минарет, – возопили ширинцы. Возликовали они и, схватив, кто кетмень, кто лом, кто топор, кинулись к минарету и начали долбить его основание. Застучало железо о кирпич. Посыпались искры.

Но крепко построен минарет, и сколько ни трудились ширинские муллы и день, и два, и три, но так и не сумели повалить его и увезти с собой.

Так и остался минарет в Вабкенте.

А каждый, кто усомнится в правдивости рассказанного, пусть отправится в селение Ширин.

Ширинцы отведут его в Вабкент и там ему покажут выигранный ими когда-то минарет и покажут еще глубокие дыры в основании минарета, выдолбленные некогда почтенными муллами из кишлака Ширин.

МЕШОК ЗОЛЫ

Было ли не было, но только в старые-престарые времена в городе Чиназе жили семеро братьев лентяев.

Взяли они к себе из милости родственника-сироту на побегушки. Только и слышно целый день: «Братец, подмети», «Братец, унеси», «Братец, постели», «Братец, позови». Работать заставляли много, а кормить не кормили.

Уехали как-то семеро братьев в гости, а сироте наказали собрать всю золу и отвезти на поле, принадлежащее им на другом берегу Сыр-Дарьи.

Взял сирота старый мешок, насыпал в него золы и отнес на берег Сыр-Дарьи. Положил мешок в лодку, сидит отдыхает.

Вдруг к реке прибежал ханский сын.

– Скорее, – говорит, – вези меня на ту сторону. Враги с острыми саблями за мной гонятся.

Сирота ему отвечает:

– Перевезти тебя, перевезу, но только с условием: сиди в лодке и молчи. Одно слово скажешь и мое золото, что вот в этом мешке превратится в золу. Убыток мне будет.

– Ладно, ладно, согласен, – волнуется ханский сын. – Вези, только поскорее.

Только выехали на середину реки, подул сильный ветер. Начало лодку качать, швырять.

– Вай! – закричал с перепугу ханский сын. Когда доплыли до берега, сирота сказал:

– А ну-ка, посмотрю, целы ли мои червонцы. Развязал сирота мешок, а оттуда зола сыплется. Схватил сирота ханского сынка за ворот халата и давай кричать:

– Вай дод! Караул! Из-за тебя я разорён. Золотые мои червончики в золу превратились. Плати!

Не отпускал сирота ханского сына, пока не отдал ои всего золота, сколько у него было с собой.

Вечером пришел домой сирота с полным кошельком золота. Все семеро братьев-лентяев поразились:

– Откуда у тебя, сироты, столько золота?

– Я продал на базаре золу. Вот и разбогател.

На следующее утро братья-лентяи погрузили на арбу семь полных мешков золы и повезли

на базар продавать. Приехали и давай кричать:

– Эй, эй, золу привезли! Кому золы?

Все люди стали над братьями-лентяями смеяться: "Кому ваша зола нужна. С ума, что ли, вы сошли?" Разозлились братья-лентяи и решили сироту убить, а золото себе забрать. Дождались, когда сирота заснул, схватили и засунули его в мешок. Мешок крепко завязали и отвезли на арбе на берег Сыр-Дарьи.

Только сняли мешок с арбы, лошадь испугалась и понесла. Братья-лентяи побежали ее ловить. Пусть они ее ловят, а вы послушайте про сироту.

Бедняга пытался выбраться из мешка, да ничего не вышло – крепко он был завязан.

Вдруг слышит сирота, кто-то «Пошт, пошт!» покрикивает.

А это бай своих баранов по берегу реки на базар гнал.

Сирота начал кричать:

– Не буду ханом! Не буду ханом!

Услышал бай слова сироты, подошел и спрашивает:

– Эй, человек в мешке, что ты кричишь?

– Меня хотят силой сделать ханом нашего государства, а я не хочу, – пожаловался сирота.

Удивился бай, что за дурак, не хочет стать ханом. Говорит бай:

– Я выпущу тебя из мешка, только с условием – пусти меня в мешок на свое место. Уж я-то хочу сидеть на ханском престоле.

Развязал бай поскорее мешок, выпустил сироту, и залез на его место.

Сирота завязал мешок и ушел, погоняя байских баранов.

Братья-лентяи вернулись и взялись за мешок.

– Я буду ханом, – закричал в мешке бай.

– Сейчас мы тебя сделаем ханом, – ответили братья-лентяи и бросили бая в реку.

Приехали братья-лентяи домой радостные, довольные и давай делить червонцы сироты.

Вдруг, видят, ворота открываются и сирота загоняет во двор баранов. Изумились братья-лентяи, глаза вытаращили:

– Откуда ты, сирота, – спрашивают, – мы же тебя в Сыр-Дарье утопили. А ты здесь да еще с баранами.

Сирота засмеялся и говорит:

– Спасибо, что меня в реку бросили. Там на дне баранов не счесть. Я вон сколько взял, да еще больше там осталось.

Упросили братья-лентяи сироту показать им, где под водой бараны пасутся.

– Хорошо, – говорит сирота, – завтра покажу, только мешки с собой захватите.

Утром погнал сирота своих баранов к реке, поставил их рядком на самом берегу.

– Нате, – говорит, – смотрите, что я вам говорил? А в воде, как в зеркале, все бараны и отражаются. Обрадовались братья-лентяи и скорее-скорее полезли мешки.

Сирота всех позавязал и толкнул в воду.

ЧЕЙ СОН ЛУЧШЕ?

Пошел однажды Алдар Куса на охоту.

Ходил он, ходил, бродил он, бродил, обошел и степь, и тугай, и камыши, устал, умаялся, но ничего так подстрелить и не смог.

Только хотел он пойти домой, вдруг смотрит — летят гуси. Не стал мешкать Алдар Куса, прицелился из лука и пустил стрелу.

Меткий был стрелок Алдар и большой жирный гусь, сраженный стрелой, камнем упал вниз.

Обрадовался Алдар Куса:

«Ну, — думает, — будет у меня дома каبوب из гусятины на ужин!»

Но не тут-то было! Только Алдар Куса поднял подстреленного гуся, откуда ни возьмись явился толстый бай в большой чалме и говорит:

— Эй ты, на каком основании хочешь взять гуся?

— О господин бай, — возразил Алдар Куса, — с вашего позволения это мой гусь. Я его застрелил.

— Убирайся отсюда! — кричит бай, — не видишь разве, что гусь упал на мою землю. А все, что на моей земле, — мое!

Стали тогда они спорить. Спорили, спорили, вдруг подходит мулла, настоятель мечети, и говорит:

— Нечего тут спорить — гуся отдайте мне.

— Это еще почему? — удивились бай и Алдар Куса.

— Гусь летел над мечетью, когда какой-то безбожник сразил его стрелой, а раз так, птица принадлежит аллаху. Я — настоятель мечети и потому отдайте гуся мне. Я его принесу в жертву богу.

Но ни Алдар Куса, ни бай не послушались и не захотели отдавать гуся. Спорил с ними мулла, спорил, но так они ни до чего не договорились.

Отправились они все втроем в Бухару, чтобы казий рассудил, чей гусь?

До Бухары был не близкий путь. Притомились путники и остановились под большим карагачам на ночлег.

Тут проголодавшийся мулла и говорит:

— Давайте сварим гуся.

Бай и Алдар Куса согласились.

Достали они по соседству казан и стали варить гуся.

Мулла снова говорит:

— Пусть себе гусь варится, а мы ляжем спать. Кому приснится самый благолепный сон, значит тому всевышний аллах и повелевает отдать гуся.

На том и порешили.

Оставили они под казаном маленький огонь и легли спать. Бай и мулла тут же крепко заснули, а Алдар Куса спать не мог. Был он очень голоден, с самого утра он и куска хлеба во рту не держал, и кончика жареного бараньего уха не понюхал.

«Дай, — думает, — хоть ножку гуся съем. Гусь-то весь ' останется».

Съел Алдар Куса ножку гуся, а есть еще пуще хочется.

«Съем-ка я другую ножку, — подумал он, — гусь-то останется».

Но и вторая ножка не насытила Алдара Кусу. Съел он еще и крыло гуся, съел другое, съел шею, съел голову. Поглядел на гуся Алдар Куса и сказал:

— Теперь даже не скажешь, что это такое: не то птица, не то баран?

Взял и съел всего гуся вместе с похлебкой.

Наевшись, Алдар Куса лег и крепко заснул.

Первым проснулся мулла и давай будить спутников:

— Вставайте! Аллах сподобил меня увидеть во сне, что я за свои богоугодные и благочестивые дела живым вознесся на небо. Никто из вас такого прекрасного сна никогда не видел и не увидит.

— Э, почтеннейший мулла, — возразил бай, — мой сон лучше. Приснилось мне, что поехал я

в торговое путешествие и получил такую прибыль, что не смог золото и на сорока верблюдах увезти.

— Ну, а ты, Алдар Куса, что во сне видел?— спросили бай и мулла.

Алдар Куса сладко зевнул и сказал:

— Вижу я во сне: преподобного нашего муллу аллах живым забрал на небо, почтеннейший бай уехал в торговое путешествие в далекие страны. Я и подумал: «Пока мулла и бай отсутствуют, как бы гусь мой не протух. Не пропадать же такому жирному да вкусному гусю. Взял я да и съел его».

Бросились мулла и бай к казану, подняли крышку, поглядели, а на доньшке даже и косточек не осталось.